

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА КЕННАНА
В РОССИИ**

В Ы П У С К

14

Москва 2008

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института Кеннана

Главный редактор:

Леокадия Дробужева

Редакционная коллегия:

Юрий Батурин

Эмиль Паин

Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: Россия. Санкт-Петербург. Исторический метеорологический павильон, показывающий время и отмечающий атмосферное давление и температуру воздуха.

Фото Алексея Павина. Росфото.

Адрес редакции:

Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,

РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:

123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 232-34-96

Электронный адрес:

katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов

ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

С о д е р ж а н и е

<i>К читателю</i>	5
-------------------	---

Глобализация и социальные проблемы городов

<i>Блэр Рубл</i> Город XXI века в поисках ответа на вызовы современности	7
---	---

<i>Елена Тюрюканова</i> Трудовые мигранты в Москве: «второе общество»	16
--	----

Кавказский узел

<i>Алла Язькова</i> Кавказское эхо «пятидневной войны»	28
---	----

<i>Эмиль Паин</i> Грузино-российский вооруженный конфликт: острая форма отравления имперскими иллюзиями	34
--	----

<i>Андрей Макарычев</i> Россия, НАТО и «цветные революции»: дискурсивные ловушки	44
---	----

К 15-летию Конституции Российской Федерации

<i>Олег Румянцев</i> Политический кризис и конституционная реформа в январе – апреле 1993 года	52
---	----

<i>Вильям Померанц</i> Некоторые размышления по поводу создания Конституции России	66
---	----

<i>Дмитрий Пушмин</i> Конституционный критерий периодизации современной российской истории	71
---	----

Россия и Америка: к пониманию друг друга

<i>Игорь Орлик</i> Уроки Джорджа Фроста Кеннана	76
--	----

<i>Николай Болховитинов</i> Как «совок» стал выпускником Кеннановского института	89
---	----

Хроника

<i>Ольга Здравомыслова</i> Дискуссия о российском среднем классе	93
---	----

<i>Андрей Макарычев</i> Россия и Украина после военного конфликта в Грузии: диалог экспертов	97
--	----

Календарь событий весны – лета 2008 года	99
--	----

Новости московского офиса Института Кеннана	101
---	-----

Совет Товарищества	102
--------------------	-----

Книги

<i>Дмитрий Андреев</i> В тени советологии: американская историография политической истории России XIX – начала XX века	103
--	-----

<i>Виктор Шнирельман</i> Евразийство: русское, российское или ... турецкое?	108
--	-----

<i>Вышли из печати</i>	116
------------------------	-----

<i>Summaries</i>	118
------------------	-----

<i>Приглашаем авторов к сотрудничеству</i>	120
--	-----

К читателю

События второго полугодия 2008 года – мировой финансовый кризис и грузино-российский вооруженный конфликт – чрезвычайно наглядно и, к сожалению, весьма болезненно продемонстрировали взаимосвязанность происходящего в нашей стране и в мире. Это было отмечено и Президентом России Д. Медведевым в Послании Федеральному Собранию, где признавалось, что августовские события на Кавказе привели к росту напряженности в Европе и во всем мире, а финансовый кризис в Соединенных Штатах, теснейшим образом связанных с рынками всех развитых стран, потащил на траекторию спада финансовые рынки планеты¹.

Обращаясь к теме «кавказского узла», «Вестник» публикует статью А. Языковой, представляющую интерес тем, что автор показывает проигрыши и выигрыши не только сторон, участвующих в конфликте, но и всех заинтересованных стран в Кавказском регионе и за его пределами. Э. Паин рассматривает мифы, сопровождавшие драматические события в Южной Осетии, и дает свою оценку последствий признания независимости бывших грузинских автономий для России.

Глубокие, структурные изменения в мировой политике, столь рельефно обозначившиеся в августе 2008 года, поставили перед Россией вопрос о важности долгосрочного стратегического планирования своих действий на международной арене. В связи с этим А. Макарычев делает попытку проанализировать политику России по отношению к

ближайшим соседям – так называемым странам «цветных революций», прежде всего Грузии и Украине.

Не утихают споры о том, насколько тесно проблема кавказского узла переплетается с проблемой мирового финансового кризиса. Одни эксперты-экономисты считают, что события в Южной Осетии «не выглядят значимыми для экономики» (Е. Гурвич), другие, напротив, полагают, что «краткий по продолжительности вооруженный конфликт в Южной Осетии будет иметь весьма серьезные и долгосрочные последствия для мировой экономики. Одной из сфер, немедленно отреагировавшей на дестабилизацию обстановки на Кавказе, оказалась энергетика, точнее, ее инфраструктура»². Трудно оценить роль того или иного фактора как в развитии мирового кризиса, так и в его проявлении в России. Однако очевидно, что конфликт вокруг Южной Осетии, так же как, например, и дело концерна «Мечел», демонстрирует высокие риски инвестирования в российскую экономику. Известно, что обычно инвестиции падают, если страна втягивается в войну, если ожидается применение к ней международных санкций. Общее ухудшение отношений России с Западом увеличивает стратегические риски, связанные с нашей экономикой.

В этих условиях как никогда актуальны идеи Дж.Ф. Кеннана. Статья И. Орлика обращает нас к наследию этого выдающегося американского мыслителя XX века. Размышления Кеннана о принципах, на которых должны строиться

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 2008. 5 ноября [http://www.regnum.ru/news/1079115.html].

² Томберг И. Последствия «пятдневной войны» для мировой энергетики // Промышленные ведомости. 2008. № 8–9.

международные отношения, его оценки внешней политики США, удивительные провидения относительно «русского будущего», во многом ставшего сегодня нашим настоящим, и перспектив российско-американских отношений, — все это требует своего осмысления и учета сегодня, в начале XXI века.

Во взаимозависимом, глобализирующемся мире одной из первоочередных задач, стоящих перед многими странами, и в том числе Россией, является необходимость выработки эффективных принципов управления увеличивающимся культурным разнообразием. Прежде всего это касается крупнейших городов, представляющих одновременно локальные и глобальные сообщества. Какова реакция этих сообществ на интенсивный приток мигрантов? Как добиться их успешной интеграции в городское пространство? В своей концептуальной статье Б. Рубл рассматривает новые тенденции в жизни современных городов и показывает возможности восприятия культурного разнообразия как важнейшего фактора их устойчивого развития. Е. Тюрюканова на примере Москвы обращает внимание на сложность адаптации мигрантов в условиях их быстрого и массового притока, продолжая обсуждение этой темы, начатое в предыдущих выпусках журнала В. Мукомелем, О. Вендиной, Л. Дробжевой и другими авторами.

В Послании Федеральному Собранию Президента Д. Медведева прозвучали предложения, которые требуют изменений в Конституции России. Полтора десятилетия реформ Конституция оставалась неприкосновенной. В декабре 2008 года ей исполняется 15 лет. К юбилею российской Конституции журнал приурочил несколько статей. О сложных политических противоречиях, которые преодолевались при ее подготовке, о малоизвестных фактах повествует О. Румянцев, непосредственный участник тех событий. В. Померанц акцентирует внимание на потенциале Конституции 1993 года для создания демократического об-

щества и тех практически неизбежных для того времени «ловушек», которые приходится учитывать и сегодня. Тем не менее принятие Конституции стало знаменательным событием в жизни России, определяющим периодизацию ее новой истории. Этот аспект рассматривается в статье Д. Пушмина.

Из других материалов номера обратим внимание читателя на обзор «круглого стола» по среднему классу, подготовленный О. Здравомысловой. Ведь от того, как будет развиваться этот слой, во многом зависит ситуация в России. К сожалению, констатировало большинство участников дискуссии, в российском обществе сегодня происходит процесс атомизации, средний класс ориентирован на индивидуализм и потребительство, а потому не способен объединяться даже для решения своих проблем и тем более быть субъектом политической модернизации. В связи с этим и на фоне обсуждений последнего времени о российском среднем классе как сопоставимом по критериям со средним классом за рубежом заслуживает внимания методология Левада-Центра, представленная Л. Гудковым: исследовать не средний класс, а реальные успешные и продвинутые группы российского населения, обладающие экономическими и в целом большими социальными ресурсами.

Этот номер готовился в дни победы на выборах в США Б. Обамы и президентского Послания Д. Медведева Федеральному Собранию, которое наметило перспективу действий России в период мирового финансового кризиса и резко ухудшившихся отношений с США. Многие обратили внимание на почти полную синхронность этих событий. Нам бы очень хотелось, чтобы в сегодняшних сложных условиях мудрые уроки Дж.Ф. Кеннана были учтены социальными акторами как в верхах, так и на уровне гражданского общества в наших странах.

Редколлегия

Город XXI века в поисках ответа на вызовы современности

Мы живем в мире, который разительно отличается от мира наших предков. Одним из важнейших отличий является то, что впервые в истории более половины населения Земли сосредоточено в городах. Согласно данным ООН, в 2008 году число городских жителей в мире достигло 3,3 млрд человек, что составляет больше половины населения планеты¹. В прошлом веке в городах проживало 13% от общего числа жителей, а столетием раньше их доля составляла всего 3%².

Ожидается, что по крайней мере в первой половине XXI века городское население будет стремительно расти, что приведет к увеличению числа крупных городов. Наряду с такими гигантами, как Дели, Дакка, Джакарта и Мехико, которые еще больше «разбухнут» и абсорбируют 20–30 и более млн человек (грозя превзойти по численности населения просторную Канаду), в последующие десятилетия появится более 500 городов, население которых превысит миллионный рубеж³. Так менее чем за 100 лет человек превратился из сельского обитателя в городского.

В последующие два десятилетия особенно значительный прирост населения будет происходить в урбанизированных центрах развивающихся стран, которые примут более 2 млрд новых жителей⁴. Другими словами, 100 млн человек (количество, равное населению

Блэр Рубл,
доктор политических наук,
директор Института Кеннана,
директор проекта сравнительных
урбанистических исследований при
Международном научном центре
имени Вудро Вильсона

¹ UNFPA, State of World Population, 2007. New York: United Nations Population Fund, 2007.

² The World Goes to Town // The Economist. 2007. May 5.

³ Ibid.

⁴ UNFPA, State of World Population, 2007.

Мексики) будут ежегодно переселяться из сельской местности в города⁵.

Города не только растут, но и производят все большую долю мирового богатства. Экономическая деятельность городов в странах с низким уровнем доходов составляет 55% ВВП, в странах среднего уровня – 73%, а в высокоразвитых странах – 85%⁶. Канадские географы Марк Роузленд (Mark Roseland) и Лена Сутс (Lena Soots) в докладе «State of the World 2007», подготовленном Worldwatch Institute, отмечают: «Население высоко урбанизированных стран имеет более высокие доходы, более стабильную экономику, более мощные социальные институты и больше возможностей противостоять изменениям в мировой экономике. Во всем мире города играют все более заметную роль в создании национального богатства, в социальном развитии стран, в процессе привлечения инвестиций и мобилизации людских и технических ресурсов, что в свою очередь ведет к беспрецедентному развитию производства и повышению конкурентоспособности»⁷. В эпоху глобализации стала особенно заметна тесная связь между экономическими достижениями и процессом урбанизации, ведь сама история показывает, что города невероятно выигрывают от открытого обмена товарами и идеями⁸.

В то же время везде в мире наблюдается увеличение числа малоимущих, что также является отличительной особенностью жизни городов. В 2002 году 746 млн городских жителей получали

два, а то и меньше долларов в день⁹. В последние 20 лет процесс увеличения абсолютного числа бедняков в городах шел быстрее, чем в сельской местности. Хотя проблемы трущоб, обитатели которых строят свое жилье из чего придется, характерны для многих стран мира, то, что происходит в субсахарной Африке, поистине ни с чем не сравнимо: там в трущобах ютятся 72% городского населения¹⁰. Нищету городских жителей и существование трущоб предпочитают относить к разряду местных проблем, несмотря на то, что они приобрели глобальный масштаб и требуют столь же глобальных решений.

Глубокие демографические и экономические перемены сопровождаются географическими изменениями, которые, учитывая глобальное изменение климата, не менее важны. Города расползаются, захватывая без разбору все большие участки пахотных и непахотных земель. На основе фотографий, полученных со спутника, Совет городов Всемирного банка пришел к выводу, что за последние 50 лет плотность городского населения Земли увеличилась на две трети¹¹. Этого следовало ожидать, поскольку огромное количество людей переселилось в города и городские «агломерации» еще больше расплзлись вширь. Благодаря новому стилю жизни и новым технологиям в мире ширится процесс субурбанизации, некогда считавшийся отличительной чертой развития городов в Соединенных Штатах¹². Очевидно, что сама концепция современного города нуж-

⁵ Ibid.

⁶ UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division, Urban Population, Development, and Environment. New York: UN Department of Economic and Social Affairs, 2007.

⁷ Roseland M., Soots L. Strengthening Local Economies // State of the World: Our Urban Future. The Worldwatch Institute, 2007. New York: W. W. Norton & Company, 2007. P. 152–169: 152.

⁸ The World Goes to Town // The Economist. 2007. May 5.

⁹ Ravallion M. Urban Poverty // Finance and Development. 2007. Vol. 44. No. 3.

¹⁰ UN-HABITAT, State of the World's Cities 2006/7. The Millennium Development Goals and Urban Sustainability: 30 Years of Shaping the Habitat Agenda. London: Earthscan for UN-Habitat, 2006.

¹¹ Angel S., Sheppard S., Civco D. The Dynamics of Global Urban Expansion. Washington, D.C.: Cities Alliance, 2005.

¹² Bruegmann R. Sprawl. A Compact History. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

дается в пересмотре, и сегодня можно представить его в виде многочисленных ковров, которые устилают сотни километров во всех направлениях, уничтожая окрестные ландшафты¹³. К этому следует добавить и то, что несмотря на вероятность повышения уровня моря все большее количество горожан живет на побережье или вблизи него, включая жителей 40% городов с населением более миллиона человек и жителей 15 из 24 мегагородов с населением более 10 млн человек¹⁴.

Говоря о демографических изменениях, следует помнить, что мы живем в один из самых интенсивных миграционных периодов в истории человечества. По данным ООН-Хабитат, в мире насчитывается около 175 млн официальных международных мигрантов, не считая тех, у кого нет всех необходимых документов¹⁵. В рамках одной из наиболее активно функционирующих мировых миграционных систем центрами притяжения мигрантов стали нефтедобывающие страны Персидского залива¹⁶. Так, в 2000 году в этих странах работало более 5 млн рабочих из Азии¹⁷. Межрегиональные миграционные системы возникли в Южной Америке, где люди из менее обеспеченных стран переселяются в соседнюю Бразилию, а также в страны Южного конуса, такие как Аргентина и Чили.

Аналогичный процесс наблюдается в Азии, где люди кочуют из страны в страну¹⁸. Так, около 200 млн китайцев собираются в ближайшие 10–20 лет переехать из деревень или других сельских населенных пунктов в растущие города, расположенные на побережье.

Результаты исследования китайской диаспоры в Москве свидетельствуют о том, что прибывающие в Москву мигранты – это люди, которые не сумели обосноваться в Шанхае и были вынуждены двигаться дальше¹⁹.

Эти тенденции приобретают глобальный характер и свидетельствуют о том, что «городская эпоха» не заканчивается, а, напротив, лишь начинается. Во всем мире города растут, становятся более «пестрыми» по своему составу, более мобильными и менее управляемыми. Города не просто растут, но растут беспорядочно, причем происходит это повсеместно и говорит о том, что «города» в его прежнем понимании больше не существует. Традиционный город, пристраившись к стероидам, превратился в хаотически разросшийся урбанизированный регион.

Те, кто отвечает за будущее городов, помимо привычных проблем, таких как контроль за инфраструктурой, транспортом, телекоммуникациями, уровнем бедности, здравоохранением и образованием, сталкиваются с проблемами, порожденными беспрецедентным ростом численности населения урбанизированных центров и увеличивающимся многообразием их жителей. Скажу больше, эта новая реальность формируется на фоне набирающего размах международного терроризма; единодушного согласия неолИБералов с тем, что правительства не должны брать на себя ответственность за смягчение социальных проблем; а также взрывных технологических изменений, оказывающих огромное воздействие на повседневную жизнь.

¹³ Sudjic D. The 100-Mile City. New York: Harcourt Brace, 1992.

¹⁴ The World Goes to Town // The Economist. 2007. May 5.

¹⁵ UN-HABITAT, State of the World's Cities 2004/5. Globalization and Urban Culture. London: Earthscan for UN-Habitat, 2004.

¹⁶ Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaui A., Pellegrino A., Taylor J.E. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium. New York: Guildford Press, 2003. P. 1–59.

¹⁷ Castles S., Miller M.J. The Age of Migration. New York: The Guilford Press, 2003. P. 159–160.

¹⁸ Ibid. P. 144–152.

¹⁹ Зайончковская Ж. Неопубликованная рукопись. 2002.

В современном мире успешное развитие стран зависит от того, насколько эффективно они используют свои урбанизированные зоны и их трудовые ресурсы. Напряженность в обществе, вызванная урбанизацией и миграцией, усугубляется социальным неравенством, особенно обострившимся в последнее время в условиях глобализации. Жизнь городов и стран напрямую зависит от развития мировой экономики, поэтому увеличился разрыв между победителями в конкурентной гонке и теми, кто безнадежно отстал. В тех урбанизированных системах, которые преодолевают изоляцию и экономическую автаркию, открытие рынков и снижение государственного контроля за экономикой ведет к вымыванию городского среднего класса. Процесс глобализации и сопутствующие ему изменения на рынке рабочей силы приводят к обеднению большей части городских рабочих. В итоге меняется состав городских малоимущих, куда наряду с бедными сельскими мигрантами, стремящимися вскочить на лестницу, ведущую к успеху, теперь входят те, кому раньше было гарантировано место на производстве, и те, кто считался представителями среднего класса в силу своей профессиональной принадлежности²⁰.

Проблемы, которые породила урбанизация в XXI веке, поистине беспрецедентны. Однако в период развития промышленных метрополий в XIX веке аналитики и горожане были не менее напуганы скоростью и легкостью, с которыми осуществлялись коммуникация и перемены, подвижностью городской жизни. Это ее качество ставит под сомнение значение границ и соответствующих контактов и означает, что любое политическое или деловое решение со

временем утрачивает свою силу. Нет ничего незыблемого и вечного²¹.

Историк Тристам Хант (Tristram Hunt) отмечал, что проблемы городов стали обсуждаться западными мыслителями с момента появления на севере Англии промышленного города. При этом суть споров о характере городской среды не слишком-то изменилась со времен Томаса Карлайла (Thomas Carlyle) и Джереми Бентама (Jeremy Bentham), расходившихся во мнении по поводу того, что есть социальное благо в эпоху индустриализации²².

Бентам был, пожалуй, в наивысшей степени прагматик. Один из вождей школы утилитаризма, он проповедовал то, что он называл «принципом наивысшего счастья», следуя идее, что человечеством руководят «два верховных властителя – страдание и удовольствие». «Им одним, – писал он, – дано указывать нам, что мы должны делать, и определять, что мы сможем сделать». Следуя этой теории, Бентам заключил, что удовольствиям и страданию можно придать разные ценности и что их можно ранжировать в поисках оптимальных условий для развития экономики благосостояния.

Бентам предложил ряд прагматических мер в отношении социальных «перегибов», спровоцированных промышленной революцией, стремительно набиравшей обороты на протяжении жизни философа (1748–1832). Он был поборником индивидуальной и экономической свободы, отделения церкви от государства, свободы высказываний, отмены рабства, свободы торговли и равноправия женщин. По большому счету, Бентам думал о социальной реформе, осуществленной по эконометрическому образцу, когда реальность сводится к аб-

²⁰ Hanley L.M., Ruble B.A., Tulchin J.S. (eds.) *Becoming Global and the New Poverty of Cities*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center, 2005.

²¹ Berman M. *All That is Solid Melt's Into Air... The Experience of Modernity*. New York: Simon & Schuster, 1982.

²² Замечания основаны на: Hunt T. *Building Jerusalem: The Rise and Fall of the Victorian City*. New York: Metropolitan Books, 2005.

стракции, выраженной в виде математических формул.

Бентам был своего рода первым «эволюционным экономистом», которого заинтересовали социальные вопросы города-гиганта. Однако если с этих позиций рассматривать сложности городской жизни эпохи модерна и постмодерна, то это чревато сведением на нет существующих сложностей, а в итоге мы приходим к бесславному афоризму Маргарет Тэтчер, что такого понятия, как общество, не существует.

Карлайл, живший несколько позже (1795–1881), был свидетелем полномасштабной трансформации английского общества, вызванной индустриализацией – явлением, которое для людей того времени было столь же радикальным и мучительным, как повсеместное появление мегагородов для нашего поколения. Он порицал дегуманизацию общества и говорил о том, что необходимо мобилизовать духовную энергию людей для достижения большего общественного блага. Карлайл опасался, что общественные ценности рухнут под напором безудержного индивидуализма, выпущенного на волю свободным (*laissez-faire*) капитализмом. Он озвучил реакцию общества, черпавшего силы из сельской жизни, на мрачный факт существования больших городов.

Решения проблем урбанизации, предложенные Карлайлом, грешили ограниченностью, но это была ограниченность совсем иного рода, чем у Бентама. Заблуждения Карлайла объяснялись его излишней приверженностью жизни определенного сообщества. Сообщества отличаются своей нетерпимостью ко всем, кто в них не входит, поэтому труды Карлайла «подпорчены» тем, что их автор выступал в поддержку репрессивных методов и уродливых проявлений расизма.

К сожалению, до сих пор споры относительно урбанистской политики не выходят за рамки «инь» и «янь», некогда установленных Бентамом и Карлайлом. Политики и ученые шарахаются из крайности в крайность, призывая, с одной стороны, экономить и отрицать существование общества, а с другой – романтизировать его. Их не устраивает ограниченность теорий обоих мыслителей. Особенно сейчас, когда местные и региональные проблемы приобретают глобальный характер. Те потрясения, которые испытали жители северной Англии в конце XIX века, испытывают сотни миллионов людей в начале XXI века.

Управление городами должно быть таким же динамичным, как жизнь в этих городах, то есть нельзя руководствоваться какой-то одной интеллектуальной парадигмой, надо мыслить шире. Города должны предоставлять возможность различным жителям, с одной стороны, жить независимо друг от друга, а с другой – находиться под прикрытием одного огромного общего «зонта», именуемого «гражданской ответственностью». Как отмечал Пеп Субирос (Pep Subiros), философ из Барселоны, город не может быть как однородным, так и не имеющим точек пересечения, общего пространства и общезначимых представлений²³. «Городской» не обязательно значит «общественный», совмещение понятий происходит лишь тогда, когда городские жители начинают относиться друг к другу в соответствии с принятыми правилами общежития, т.е. поднимаются над сугубо индивидуальными потребностями и собственным «я».

Важно отметить, что в отчете Консультационной комиссии Квебека за 2008 год, посвященном политике размещения жителей в зависимости от их культурных различий, отмечалось, что «право на равноправие и свободу рели-

²³ Этот довод получил дальнейшее развитие в: *Subiros P. Barcelona: Cultural Strategies and Urban Renewal, 1979–1997* // Czaplicka J.J., Ruble B.A., Crabtree L. (eds.) *Composing Urban History and the Constitution of Civic Identities*. Baltimore/Washington: The Johns Hopkins University and Woodrow Wilson Center Presses, 2003. P. 291–320.

гии не обязательно ведет к униформизму и однородности»²⁴. Вместе с тем председатели Жерар Бушар (Gerard Bouchard) и Чарльз Тейлор (Charles Taylor) совместно с другими членами комиссии отметили, что в последние десятилетия люди стали более чувствительны к проблемам прав человека и национальных меньшинств, что привело к тому, что уважение к разнообразным элементам общества превратилось в один из важнейших рычагов эффективного сосуществования различных культур²⁵. Таким образом, новый юридический принцип «разумного размещения» призван бороться с дискриминацией, смягчая строгие нормы, противоречащие праву граждан на равноправие²⁶. Другими словами, по мнению Субирора, неизбежная напряженность, возникающая при сосуществовании различных культур, должна сниматься путем воспитания гражданской ответственности.

Людей, ответственных за будущее городов, должны беспокоить не только меры по увеличению экономического роста, но и такой важный фактор, как воспитание человеческого достоинства, что помогает определить цену и значимость людей, относящихся к определенному сообществу, и тех, кто находится за его пределами. Как отметила Лорен Ландау (Loren Landau) из Университета Витватерсранд (University of Witwatersrand), если возникшие проблемы остаются нерешенными вследствие неэффективности и неуместности предлагаемых мер, это может привести к «экономическим потерям, угрозе безопасности и здоровью, низкому уровню социального капитала

и, в конечном счете, к тому, что города станут менее пригодными для жизни»²⁷.

Урбанизм XXI века настоятельно требует пересмотреть критерии успешности проводимой политики. Как доказала Сьюзан Парнелл (Susan Parnell) из Кейптаунского университета, единственным показателем успешности существования городского сообщества или программы развития города является то, хотят ли жители, чтобы их дети жили, учились или работали в данном сообществе²⁸. Пришло время соединить философские предвидения Бентама с философскими идеями Карлайла, а не противопоставлять их друг другу.

Ответить на подобные вызовы современности способны только органы управления, причем настоящего – того, которое пишется с большой буквы. Можно ли распространить такие понятия, как отчетность, прозрачность и предсказуемость, на социальный ландшафт города, не явится ли масштабность территории преградой для получения конкретного результата? Как добиться того, чтобы функции управления поручались тому правительственному звену, которое сможет эффективно с ними справляться? Возможно, математические расчеты эффективности, предложенные Бентамом, помогут найти ответ на эти вопросы.

В свою очередь, стоит обратить внимание на высказывание Карлайла, признававшего, что поведение рядовых граждан свидетельствует об их глубокой приверженности к общественным нормам и ценностям и лишней раз подчеркивает способность отдельного чело-

²⁴ Commission de Consultation sur les Pratiques d'Accommodement Relees aux Differences Culturelles, Building the Future. A Time for Reconciliation [Abridged English Language Report]. Quebec City: Gouvernement du Quebec, 2008. P. 25.

²⁵ Ibid. P. 23.

²⁶ Ibid. P. 24.

²⁷ Landau L.B., with contributions from Singh G. Decentralization, Migration and Development in South Africa's Primary Cities // Aurelia Wa Kabew-Segatti, in collaboration with Loren Landau (eds.). Migration in Post-Apartheid South Africa. Challenges and Questions to Policy-Makers. Johannesburg: Research Department Agence Francaise de Developpement/French Institute of South Africa, 2008. P. 163–211:167.

²⁸ Parnell S. Managing Urban Growth (Remarks at the Woodrow Wilson Center conference on Global Urban Poverty). Washington, D.C. 2007. September 28.

века изменять жизнь сообщества, в котором он существует. Как подобные «микроскопические» действия могут соединиться в нечто большее, подобно пресловутым песчинкам, которые превращаются в песчаный берег? Каким образом отношения отдельных людей и их индивидуальные достижения включаются в более широкий социальный контекст, благодаря чему каждый горожанин чувствует свою неотделимость от города? Как воспитать у горожан чувство гражданской ответственности, помогающее им с уважением относиться и к отдельному человеку, и к городу в целом? Вспомним, как Сьюзан Парнелл задавалась вопросом, что надо сделать, чтобы превратить город в место, которое люди считали бы привлекательным для жизни, учебы и работы своих детей.

Толчком к эффективному решению этой проблемы является понимание новых тенденций городской жизни, характерных для данного исторического момента. Во-первых, следует признать, что при всей серьезности проблемы сельского населения большая часть населения Земли проживает в городах и в значительной степени состоит из малоимущих. Во-вторых, все больший процент всемирного богатства производится в городах. В-третьих, города разрастаются вширь, поглощая все большие участки земли, при том что плотность застройки уменьшается. В-четвертых, мы живем в один из наиболее интенсивных миграционных периодов в истории человечества. В-пятых, непостоянство современного мира неизбежно означает, что управление города должно заботиться о совершенствовании общества, предоставляя ему возможности непрерывного повышения уровня своих знаний, а не подсовывая горожанам готовые решения. Другими словами, города – и составляющие их

сообщества – должны проявлять гибкость, пытаться искать ответы на вызовы современности, а не заикливаться на готовых решениях и удовлетворяться спешным «латанием» возникших проблем. Гибкость и устойчивость сообщества – это процесс, действие, а не нечто данное, не объект и не статистические показатели в матрице.

Переменчивость жизни современного города означает, что ни одна социальная, экономическая или этническая группа не способна занять доминирующее положение в местной политике. Город перестал быть обособленным историческим актором, даже если таковым и являлся. Скорее следует согласиться с мнением Энтони Сатклиффа (Anthony Sutcliffe) о том, что «его (города) огромное совокупное богатство поделено между многочисленными собственниками. В результате возникает разнообразие»²⁹. Как отмечал Питер Холл (Peter Hall) в своем монументальном труде по истории городской цивилизации, озаглавленном «Города и цивилизация», проблема не в размерах больших городов. Суть в том, что размер подразумевает сложность. Большие города, согласно Холлу, не только отличаются большим количеством жителей, но и «вмещают множество людей, различающихся по месту рождения, расе, классовой принадлежности и уровню дохода, т.е. по всем признакам, которые отличают людей друг от друга»³⁰. Социальные группы вынуждены с большой осторожностью утверждать свои позиции, защищая свои интересы только в тех случаях, когда от этого зависит жизнь или благосостояние их членов.

Таким образом, именно в городской политике и управлении находит отражение борьба частных интересов, причем банальный выбор «или-или» уже не устраивает и необходимо предоставлять более богатый ассортимент вариантов.

²⁹ Sutcliffe A. Introduction: The Giant City as a Historical Phenomenon // Barker T., Sutcliffe A. (eds.) *Megalopolis: The Giant City in History*. London: St. Martin's, 1993. P. 1–13: 3.

³⁰ Hall P. *Cities in Civilization*. New York: Pantheon, 1998. P. 612.

Перестройку любого, даже самого скверно функционирующего городского сообщества следует начинать постепенно – дом за домом, бизнес за бизнесом, квартал за кварталом, район за районом.

При этом управленческие структуры должны быть готовы к тому, что конфликты неизбежны. В большинстве городов мира растет несоответствие между деятельностью формальных структур власти, зачастую слишком элитарных, и реальным устройством повседневной жизни горожан. Очевидно, что чем больше конфликтов и разногласий возникает в обществе, тем больше возможностей найти плюралистический вариант их улаживания, несмотря на то, что многие группы официально не имеют доступа к власти. Вместо того чтобы предлагать готовый набор прямолинейных решений, современная городская политика должна искать самые эффективные способы управления противоположными интересами в целях общего блага и дальнейшего прогресса³¹. Власть должна начать заниматься решением конкретных вопросов, зачастую требующих быстрого реагирования и приводящих к возникновению как временных, так и более устойчивых коалиций заинтересованных групп и отдельных граждан.

Формальное устройство органов управления и администрирования должно отражать всю сложность организации местной жизни. Необходимо способствовать тому, чтобы отдельные граждане и группы людей с прагматических позиций подходили к плюрализму городской жизни, извлекая выгоду от контактов с теми индивидами или группами, которые при иных обстоятельствах ничего кроме неприязни у них бы не вызвали. Все жители города и заинтересованные группы должны стараться уходить от игры с нулевой суммой, тща-

тельно выстраивая свои взаимоотношения с «другими» и придерживаясь инклюзивных стратегий, помогающих находить возможных союзников по любому возникающему вопросу. Источник успешного развития города – необходимость выжить в обстановке, которую Льюис Мамфорд (Lewis Mumford) проницательно охарактеризовал «нарочитой социальной сложностью городской жизни»³².

Сама природа городской жизни способствует возникновению столь сложных по составу обществ с большой плотностью населения, что разным людям из-за такого близкого проживания друг с другом волей-неволей приходится взаимодействовать с непохожими на них соседями. Подобное сосуществование далеко не всегда является «приятным». Отдельные группы, независимо от их влияния, редко выигрывают каждую битву за власть, богатство и ресурсы. Приходится делать выбор, что не просто. Хотя редко это выбор одной из двух возможностей. В крупных городах выбор намного богаче. Они формируют пространство, в котором неизбежны взаимные уступки и компромиссы, поскольку разные люди живут в тесном соседстве друг с другом. Официальные органы управления должны овладеть теми механизмами, существующими в обществе, которые помогают людям выбирать из множества возможностей, а не сводить все к варианту «или/или».

Другими словами, современные города сталкиваются с множеством проблем, решить которые можно только при условии достижения «социальной устойчивости городов». Для Ричарда Стрена (Richard Stren) из Торонто и Марио Полиза (Mario Polese) из Монреаля «социальная устойчивость» – это «политика и институты, обеспечивающие интеграцию различных групп и культур в соот-

³¹ Автор развивает эти идеи в книге: Ruble B.A. *Second Metropolis. Pragmatic Pluralism in Gilded Age Chicago, Silver Age Moscow, and Meiji Osaka*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

³² Mumford L. *What Is a City?* // Miller D.L. (ed.) *The Lewis Mumford Reader*. New York: Pantheon, 1986. P. 104–107: 107.

ветствии с принципами разума и справедливости»³³. Более высокого уровня социальной устойчивости достигают те городские сообщества, которым удастся расширить «репертуар» справедливых ответов на существующее разнообразие и таким образом увеличить социальный капитал разнообразия³⁴.

В заключение хочется сказать, что мы живем в такое время, когда в поисках решения проблем, встающих перед городами, приходится думать о них по-иному, не ограничиваясь традиционными противопоставлениями типа «сельская жизнь – городская жизнь», «качественные показатели – количественные показатели» и тому подобное. Новое время выдвигает на повестку дня новые вопросы, которые необходимо учитывать, когда речь идет о городах:

- Как учесть городскую специфику XXI столетия, принимая во внимание то, что большая часть человечества сосредоточена в городах?
- Как содействовать осуществлению эффективного городского управления, если процесс разрастания городов приобретает практически всемирный и безостановочный характер, приток новых жителей не иссякает, а в обществе преобладает мнение, что чем меньше управления, тем лучше?
- И наконец, как поощрять такие нормы социального поведения, политические институты и даже способы экономической деятельности, которые способствуют большей «социальной устойчивости городов»?

Короче говоря, как развить в людях чувство истинной гражданской ответственности, на основе которого жители больших и малых городов могли бы создать свою общую, государственную гражданскую идентичность, служащую им и их соседям точкой опоры как в индивидуальной, так и в общественной деятельности? И как добиться того, чтобы в конечном итоге люди получили доступ к общественному богатству и развили в себе чувство большего человеческого достоинства?

На такие вопросы нельзя ответить однозначно. Здесь необходима особая чуткость, которая поможет найти множество ответов. Всем представителям различных интересов в городском сообществе, которые будут отвечать на эти вопросы, стоит помнить о предостережении историка Эдварда Кантовича (Edward Kantowicz), занимавшегося проблемами социальной политики Чикаго прошлого века. «Политика равновесия, – отмечает Кантович, – возможно, звучит скучно и воспринимается как порождение рассудительно-здорового консерватизма. Однако это совсем не так. На самом деле соблюдение политического баланса в быстро растущем, раздробленном городе – крайне динамичный, можно даже сказать, дерзкий процесс». Залог успешного развития – скорость и гибкость плюс особый политический ресурс прагматического плюрализма³⁵.

Перевод с английского Галины Левиной

³³ Stren R., Polese M. Understanding the New Sociocultural Dynamics of Cities: Comparative Urban Policy in a Global Context // Stren R., Polese M. (eds.) The Social Sustainability of Cities: Diversity and the Management of Change. Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 3–38:3.

³⁴ Феномен «социального капитала разнообразия» исследуется автором в книге: Ruble B.A. Creating Diversity Capital. Transnational Migrants in Montreal, Washington, and Kyiv. Baltimore/Washington: The Johns Hopkins University and Woodrow Wilson Center Presses, 2005.

³⁵ Концепт «прагматического плюрализма» в том значении, в котором он используется здесь, исследуется автором в книге: Ruble B.A. Second Metropolis. Pragmatic Pluralism in Gilded Age Chicago, Silver Age Moscow, and Meiji Osaka.

Елена Владимировна Тюрюканова,
кандидат экономических наук,
директор Центра миграционных
исследований,
ведущий научный сотрудник
Института социально-экономических
проблем народонаселения РАН,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar

Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество

Публикацией этой статьи мы продолжаем обсуждение проблем миграции в России, начатое в предыдущих номерах «Вестника». См., например: *Мукомель В.* Иноэтничные мигранты в российском социуме: социальные практики в контексте проблем интеграции (2006, вып. 9); *Дробижева Л.* Штрихи к этносоциальному портрету москвичей (2006, вып. 10); *Андриченко Л.* Проблемы государственно-правового регулирования миграции в России в контексте обеспечения национальной безопасности (2007, вып. 12); *Вендина О.* Культурное разнообразие и побочные эффекты этнокультурной политики в Москве (2008, вып. 13).

За прошедшие со времени распада СССР годы Россия превратилась в одну из главных стран приема мигрантов. Миграция здесь развивается по тем же сценариям, по которым она развивалась в Европе и Северной Америке во второй половине XX века, существенно влияя на структуру экономики и состояние рынков труда.

И выгоды, и издержки, связанные с миграцией, наиболее ярко проявляются в крупных городах. Москва в полной мере испытывает как первые, так и вторые. Россия здесь не одинока; необходимость принимать мигрантов ставит перед всеми странами назначения серьезные вызовы, которые не имеют легких и однозначных ответов.

В статье использованы материалы исследований Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в Москве и Центра по изучению транснациональной преступности и коррупции (Вашингтон, округ Колумбия, США), проведенных под руководством автора в 2005–2007 годах.

История современной трудовой миграции насчитывает в Москве более 10 лет. К середине 2000-х годов трудовые потоки приобрели многомиллионный характер. Постепенно происходила сегментация мигрантского рынка труда, выделялись сектора, зависимые от притока иностранных работников, анклав этнической занятости, формировалось своеобразное разделение труда, основанное на сегрегации работников по национальному (или этническому) признаку. Сегодня экономика Москвы сильно зависит от притока труда мигрантов, и эта зависимость будет только увеличиваться.

Мигранты влияют и на социальную жизнь больших городов – снижение бедности, формирование среднего класса. Многие мигранты, первоначально приехавшие на время, сегодня практически постоянно проживают в Москве, внося свой вклад в демографию, экономику и социально-культурное развитие города. По результатам исследования МОМ 2006 года, примерно треть трудовых мигрантов хотели бы остаться в России на постоянное жительство и в перспективе получить гражданство, еще 22% ориентированы на длительное проживание в нашей стране¹.

Наряду с перечисленными положительными эффектами миграции, существуют и связанные с ней серьезные проблемы, как в экономике, так и в социально-культурной сфере. Массовый приток мигрантов, предъявляющих пониженные требования к работе и социальным стандартам, приводит к сегрегации в сфере труда (мигранты занимают низкооплачиваемые и непрестижные рабочие места), образования (детей мигрантов принимают в основном в «плохие» школы), расселения по городским районам (мигранты концентрируются в непрестижных районах города, где цены на жилье ниже).

Иностранные мигранты, приехавшие в Москву на заработки, составляют примерно от 10 (в период зимнего спада) до 20 (в период сезонного пика) процентов трудоспособного населения города. Значительная часть из них живет в пригородах, но работает в Москве. По численности они могут составить население миллионного города.

Что представляет собой это «второе общество», насколько оно однородно (или фрагментировано) и насколько консолидировано? Что отделяет его от «первого», основного общества, какова природа этих барьеров? Насколько глубока социальная эксклюзия мигрантов? Нужна ли политика, направленная на интеграцию, или «стратегия включенности», и на что эти стратегии могут опираться? На эти вопросы еще предстоит найти ответы.

Большая часть мигрантов остается на нелегальном положении

Москва с самого начала массовой трудовой миграции в Россию стала основной точкой притяжения мигрантов, является таковой сейчас и будет оставаться в течение обозримого будущего. По данным Федеральной миграционной службы (ФМС) России, поток трудовых мигрантов в Москву ежегодно составлял примерно треть их общей численности в России. В 2007 году численность иностранной рабочей силы в Москве достигла почти полумиллиона и составила 28% от общероссийского показателя.

Являясь притягательной для мигрантов из-за высоких зарплат и широкого рынка труда, Москва, в свою очередь, испытывает потребность в мигрантах, которая будет расти в ближайшие 10–20 лет, поскольку демографический кризис, характерный для всей России, затрагивает и московский мегаполис. Общероссийский спад трудовых ресурсов начался с 2007 года и, по прогно-

¹ Предотвращение и противодействие распространению рабства и торговли людьми в РФ. Итоговый доклад по исследовательской части проекта ЕС, реализуемого Бюро МОМ в РФ. Москва, 2008. С. 41.

зам, будет продолжаться как минимум до 2014 года. Численность трудоспособного населения России будет падать особенно сильными темпами – примерно по 800 тыс. – 1 млн в год, – что вызвано вступлением в трудовой возраст контингента с низкой рождаемостью начала 90-х годов, периода шоковых реформ.

Говоря о динамике общей численности трудовой миграции в Россию, следует отметить существенный скачок легальной трудовой миграции в последние два года и особенно в 2007 году (темпы роста составили 169% по сравнению с 144% в 2006 году). Это результат введения нового облегченного законодательства для трудовых мигрантов из стран СНГ. Причем рост произошел не за счет увеличения общего потока, а в основном за счет увеличения его регулируемой составляющей и соответствующего снижения нерегулируемой части. Если в начале десятилетия законная миграция составляла не более 10% всего потока, то сегодня ее доля поднялась, по нашим оценкам, до 25–30%, что, конечно, все еще очень мало. Таким образом, новые правила приема мигрантов из стран СНГ позволили несколько сократить масштабы нелегальной миграции в целом по России, однако разные регионы по-разному использовали легализационный потенциал нового законодательства. Так, темп роста численности легальных трудовых мигрантов, приезжающих в Москву, составил в 2007 году 136% и даже снизился по сравнению со 148% в 2006 году. Причина этого, вероятно, в жесткой позиции московских властей по отношению к миграции и мигрантам. Политика московского правительства явно идет вразрез с федеральной линией, обозначенной новыми законами.

Масштабы незаконной миграции в Москве составляют, по разным данным, от 1 до 3 млн человек². Наиболее обоснованная цифра, по нашим оценкам, составляет примерно 1,5–2 млн в период сезонного пика. В России эксперты оценивают численность иностранной рабочей силы (включая ее легальную и нелегальную составляющие) в 4–6 млн в сезон «пика». В «мертвый» сезон эта цифра может быть примерно в два раза меньше³.

Несмотря на то, что итоги 2007 года, первого года действия нового миграционного законодательства, показали эффективность мер по расширению легализационных возможностей для мигрантов, власти столицы продолжали политику ограничений. Так, на 2008 год была заявлена квота в 300 тыс. человек, что на 180 тыс. меньше (!), чем фактически легально работало в предыдущем году. В результате квота закончилась в самом начале сезона; те, кто не успел, вынуждены работать нелегально.

Кроме того, информацию о том, как выбирается квота 2008 года, мигрантам получить было неоткуда; она появилась на сайте Управления ФМС России по городу Москве лишь тогда, когда квота закончилась. Многие узнавали о невозможности получить разрешение на работу только в момент подачи документов, уже потратив значительные усилия и деньги на дорогу в Москву и чаще всего уже имея место работы.

Наивно было бы полагать, что выстраиваемые барьеры и ограничения могут остановить миграцию, учитывая, что рынок труда продолжает предъявлять спрос на иностранных работников, а неформальные миграционные сети будут продолжать работать даже при неблагоприятных правовых условиях.

² Число нелегальных мигрантов в Москве может достигать трех миллионов. Интервью председателя Мосгордумы Владимира Платонова радиостанции «Эхо Москвы». 2008. 1 апреля [<http://www.echo.msk.ru/news/504975-echo.html>].

³ *Мукомель В.И.* Миграционная политика России. Постсоветские контексты. Москва: Институт социологии РАН, 2005. С. 196.

Структура трудовой миграции в Москве: увеличение социокультурной дистанции

Более 2/3 трудового миграционного потока как в России в целом, так и в Москве составляет миграция из стран СНГ. Структура иностранной рабочей силы в столице по странам исхода значительно отличается от общероссийской, однако общие тенденции ее изменения совпадают. В структуре официальной миграции, как, вероятно, и в общем потоке, опережающими темпами увеличивается доля стран Центральной Азии. В России численность мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в 2007 году опередила Украину, долгое время лидировавшую в структуре миграции. В Москве эта тенденция не настолько сильно выражена. Здесь Украина пока остается лидером по численности мигрантов, однако страны Центральной Азии, которые уже опередили республики Кавказа и дальнее зарубежье, постепенно догоняют ее.

Можно выделить следующие сдвиги в структуре трудовой миграции, которые следует рассматривать как тенденцию, а не просто случайные колебания:

- от больших городов к мелким поселкам – 70% мигрантов в среднем по РФ и 60% по Москве приезжают в Россию из сел и малых городов;
- от элитной миграции к «обычной» – более 50% мигрантов в РФ (по Москве – 40%) сегодня не имеют профессионального образования;
- сдвиг к бедной части социального спектра – 84% мигрантов в РФ (80% в Москве) относили себя к группе бедных (38%) и очень бедных (46%) по состоянию до выезда на заработки в РФ;
- увеличение языкового барьера – 9% мигрантов плохо знают русский язык, 28% – не очень хорошо; в Москве таких соответственно 3 и 20%.

Развитие транспортных и информационных коммуникаций и формирова-

ние мигрантских сетей и сообществ делает миграцию более доступной для тех слоев населения, для которых еще недавно она была нереальным шагом по причине недостатка средств либо из-за отсутствия информации. Сегодня из-за сформировавшихся сетей и инфраструктуры миграции в нее вовлекаются люди из самых отдаленных маленьких городов и сел; она становится доступной для беднейшей части населения стран СНГ. Такая миграция происходит под действием сильных выталкивающих факторов. Если мигрант знает, что от его заработка зависит семья из 3–4–5 человек, он находится под давлением обстоятельств, и это накладывает отпечаток на все его дальнейшее поведение. Это заставляет многих соглашаться на теневую занятость и практически рабские условия труда ради минимального заработка.

В итоге всех этих изменений возрастает культурная дистанция между прибывающими мигрантами и российским населением, так как все большее число мигрантов приезжает из стран с иной культурной и религиозной традицией, чем Россия. Мигрантам становится все труднее адаптироваться к новой для них социально-культурной среде. Их адаптивный потенциал ограничен. Особенно ярко это проявляется в большом городе, куда мигранты приезжают из деревень и небольших поселков. Многие долго не могут оправиться от культурного шока. Поэтому мигранты особенно уязвимы в первое время после приезда в Москву. Организаций же, помогающих им сориентироваться, очень мало. Практически незаметны также программы по воспитанию толерантности, особенно необходимые в условиях инокультурной миграции.

Ниши мигрантской занятости: новое разделение труда углубляется

Согласно различным статистическим сводкам, ситуация на рынке труда Москвы по традиционным показателям

вполне благополучная по сравнению с другими российскими регионами. Общая безработица на начало 2008 года составляла всего 1%, а среднее время поиска работы безработными – 2,7 месяцев (в среднем же по России – 6,1% и 8,5 месяцев соответственно)⁴.

Однако традиционных показателей мало для оценки реальной ситуации на рынке труда. Неблагополучие все чаще проявляется не в росте безработицы, а в возникновении дефицита трудовых ресурсов, который статистика пока адекватно отражать не умеет. Показатель федеральной статистики «потребность предприятий в работниках, заявленная в службы занятости» составил на май 2008 года по Москве около 175 тыс. человек, что, естественно, не соответствует реальной потребности, поскольку по сегодняшней практике в службы занятости заявляются только самые «безнадежные» вакансии.

Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что экономика Москвы сегодня не может обойтись без привлечения труда мигрантов. Доля легальной иностранной рабочей силы в численности занятых в Москве выросла с 4,1% в 2005 году до 7,6% в 2007 году, что примерно соответствует уровню многих европейских стран. Причем в строительстве эта доля составила 19%. С учетом нерегулируемой составляющей миграции этот показатель может быть в 2–3 раза выше.

Основные сферы занятости мигрантов в России, в том числе в Москве, – строительство и торговля (вместе они составляют, по официальным данным, около 70% от общей численности мигрантов). Однако в Москве реальная структура иностранных работников по сферам занятости более диверсифицирована, больше мигрантов занято в различных отраслях сферы услуг, не по-

дающих в официальные статистические сводки, в том числе в так называемых домашних услугах.

Постепенно в составе отраслей складываются экономические ниши, занятые преимущественно иностранными работниками. Москва имеет более долгую историю трудовой иммиграции, и поэтому здесь разделение труда между мигрантами и национальными работниками более глубокое по сравнению с другими регионами. Только 13% мигрантов, работающих в Москве, указали на наличие конкуренции с местными работниками⁵.

Довольно распространен тезис о том, что мигранты вытесняют местных работников. Однако в большой степени это утверждение является спекулятивным. Западные исследования дают противоречивые сведения: одни говорят об отрицательном влиянии миграции на рынок труда, другие, наоборот, – о положительном; однако большинство сходится на том, что влияние миграции на безработицу и уровень зарплат очень невелико. По видимости, разные модели миграции, в разных регионах, по-разному организованные, по-разному регулируемые, приводят к разным результатам.

Согласно исследованиям, абсолютное большинство трудовых мигрантов в Москве считают, что они занимают рабочие места, на которые не претендует местное население. Истинное положение вещей, конечно, гораздо сложнее и зависит от сектора экономики, квалификации, зарплаты и т.п. Для московского рынка труда характерно, что высококвалифицированные сферы занятости часто являются более конкурентными, чем низкоквалифицированные. Поэтому что высококвалифицированные мигранты могут оказывать большее давление на рынок труда, чем низкоквалифицированные. Таким

⁴ Данные Федеральной службы государственной статистики [<http://www.gks.ru/wages/2008/labor623.htm>].

⁵ См.: Предотвращение и противодействие распространению рабства и торговли людьми в РФ. Итоговый доклад по исследовательской части проекта ЕС, реализуемого Бюро МОМ в РФ. Москва, 2008. С. 44.

образом, распространенный тезис о том, что «России (читай – Москве) нужны квалифицированные иностранные работники», не так однозначен и бесспорен, как кажется.

Отсутствие конкуренции между мигрантами и национальными работниками или наличие секторов, где эта конкуренция минимальна, говорит о сформировавшихся анклавах мигрантской занятости. Данные опроса МОМ 2006 года показывают, что большинство мигрантов в Москве работают в окружении таких же, как они, приезжих.

Ареалы мигрантской занятости можно встретить в Москве не только в строительстве и рыночной (а теперь уже и магазинной) торговле, но и во многих других сферах, таких как строительство дорог и коммуникаций, коммунальное хозяйство, уборка офисов и иных помещений, автосервис, уход за больными и стариками.

Как свидетельствуют результаты опроса МОМ 2006 года, в тех секторах, которые более длительное время и в большем количестве привлекают мигрантов (строительство и торговля), разделение труда между мигрантами и местными работниками более глубокое и, соответственно, конкуренция между ними слабее.

«Островки» мигрантской экономики организованы либо по отраслевому, либо по территориальному принципу. Рынки являются примером территориальной организации мигрантского бизнеса. Вокруг рынка, где мигранты заняты на торговых специальностях, как правило, образуется обслуживающая его инфраструктура (кафе, транспортные услуги и т.п.), где также работают в основном мигранты. Так, именно они уже несколько лет являются покупателями старых отечественных машин, от которых избавляются москвичи, и используют их для обслуживания рынков и торговых точек, частного извоза и других транспортных услуг. Часто (но не всегда) рыночный миг-

рантский бизнес организован по этническому признаку.

Автосервис же, наоборот, – пример сектора мигрантской занятости, организованного по отраслевому признаку. На многих предприятиях автосервиса в разных концах Москвы трудятся в основном мигранты из стран Кавказа. Чаще всего такие предприятия организованы по этническому признаку. Москвичи говорят об «армянских», «азербайджанских» и «грузинских» автосервисах. Есть и «наши» (или «русские») автосервисы. Поэтому этот бизнес является еще и примером конкурентного сектора мигрантской занятости, где иностранные работники заочно (так как конкуренция в основном идет между предприятиями, а не непосредственно между работниками, претендующими на одно и то же рабочее место) конкурируют с местными специалистами.

Сегрегация рынка труда по национальному признаку в Москве – пока мало исследованная область; мы также недостаточно знаем об этнических нишах в экономике города. Эти вопросы ждут своих исследователей.

Углубление мигрантских экономических ниш приводит к образованию сфер экономики, неспособных развиваться без притока иностранного труда. Это часто рассматривают как угрозу национальной безопасности. По опыту многих других мировых столиц, вероятно, надо признать, что избежать этой «угрозы» Москве, скорее всего, не удастся. Россия, особенно ее мегаполисы, будет все больше зависеть от привлечения иностранного труда. Поэтому надо уповать не на снижение миграции, а на политику легализации и «нормализации» мигрантской занятости, приближения ее параметров к стандартам принимающего общества. Такая политика лучше защитит национальных работников от миграционного давления, чем любые ограничительные меры, которые, как правило, приводят лишь к росту нерегулируемой составляющей миграции.

Еще один распространенный миф о трудовой миграции – что мигранты, соглашаясь работать за небольшие деньги, снижают уровень оплаты труда местных работников. Согласно опросу МОМ, зарплата мигрантов в Москве на сентябрь 2006 года (к сожалению, после этого времени опросов не проводилось) составляла в среднем около 500 долл. США (13336 руб.), что примерно в 2 раза ниже средней зарплаты по городу. К тому же работают за эту зарплату мигранты в 1,6 раза дольше местных работников. Мигранты в Москве работают в среднем 64 часа в неделю (при норме по трудовому законодательству – 40 часов), причем более 1/3 мигрантов имеют 70-часовую рабочую неделю. Средняя почасовая зарплата – около 2 долл. Указаний же на то, что зарплаты местных работников снижаются или растут пониженными темпами из-за мигрантов, нет.

Таким образом, несмотря на то, что труд мигрантов отнюдь не является дармовым, как часто представляют обыватели, он, конечно, обходится работодателям дешевле, чем труд местного работника одинаковой квалификации, за счет экономии как на зарплате, так и на налогах. Такая экономия возможна только с использованием теневых схем ведения хозяйства/бизнеса. И хотя она связана с известными рисками как для мигрантов, так и для принимающего общества (распространение «недоброкачественной» конкуренции, двойных стандартов в сфере труда, теневых схем ведения бизнеса и т.п.), эти риски лежат в основном в области экономики и решаться должны именно экономическими методами. Попытки решить внутренние экономические проблемы ограничительными мерами миграционной политики приводят к печальным результатам. Примером является запрет мигрантам торговать на рынках с 2007 года. Ясно, что не миграция является причиной теневой экономики, скорее наоборот, последняя предъявляет спрос на дешевый

неформальный труд, который не устраивает местное население.

Масштабная теневая занятость вообще и мигрантов в частности – серьезная угроза экономическому и социальному развитию. По данным социологических исследований, примерно 75–80% мигрантов не имеют письменного трудового контракта, то есть работают в теневой экономике. Как показала статистика ФМС 2007 года, даже среди мигрантов, имеющих разрешение на работу, менее половины трудятся официально – по договору, получая «белую» зарплату и выплачивая налоги (на таких мигрантов приходит уведомление от их работодателя в органы ФМС и Роструда).

Теневой труд: козыри и риски

Экономический характер современной миграции отражается на целевых установках и поведении мигрантов. Приезжая в страну, они изначально позиционируют себя как экономические субъекты и потому стараются оптимизировать свое поведение на рынке труда. Не обладая традиционным для местного населения набором ресурсов (информацией, сбережениями, жильем, социальными связями и т.д.), мигранты мобилизуют немногочисленные доступные для них ресурсы: связи в диаспоре или национальном сообществе, случайные знакомства (например, часто это знакомство по пути в РФ), связь с родственниками на родине и т.п. Очень немногие трудовые мигранты обладают какими-либо сбережениями, заранее полученной (еще на родине) информацией о возможном месте работы, законах и т.п.

Мигранты ищут на рынке труда такие ниши, где они будут конкурентоспособны. Часто единственный доступный для них ресурс – согласие на тяжелый, низкооплачиваемый, неформальный и социально не защищенный труд. Именно это и оказывается самым надежным козырем в конкурентной борьбе. В Москве, где разделение тру-

да между мигрантами и местными работниками уже сложилось, конкуренция на рынке труда существует не столько между мигрантами и местным населением, сколько между самими мигрантами (из разных регионов РФ и разных стран). Здесь уже спор идет между теми, кто согласен на «плохие» и «очень плохие» (то есть практически рабские) условия. Таким образом, сам исходный уровень конкуренции снижается, включая цену на труд, требования к условиям труда, социальным гарантиям и т.п. В интервью с мигрантами это часто выражается подобными высказываниями: «Если я не соглашусь работать на его условиях, хозяин тут же наймет другого такого же, как я, только более сговорчивого». Социологические исследования, проведенные в последнее время международными организациями в некоторых регионах РФ (МОТ в 2003 году и МОМ в 2006 году), показали довольно высокий уровень различных нарушений прав мигрантов в Москве по сравнению с другими регионами.

Вместе с тем, ориентируясь на предложение дешевого труда и используя возможности теневой экономики, формируется группа предпринимателей, которые строят свой бизнес на сверхприбыли от эксплуатации дешевого труда, предъявляют спрос на такой труд и подстегивают тем самым его предложение, раскручивая маховик эксплуатации. Москва сегодня представляет богатые возможности для взаимодействия этих социальных групп: работников с пониженными (или нулевыми) требованиями к социальной защищенности труда и работодателей с пониженным (или нулевым) цензом ответственности по отношению к работнику и государству. Среди сфер мигрантской занятости по объему организованных теневых махинаций с привлечением мигрантов лидируют все то же строительство, транспорт и торговля (которая так и остается сферой мигрантской занятости, несмо-

тря на строгий запрет федерального законодательства).

Люди, чей труд пользуется спросом в столице и ее окрестностях, изначально попадая во внеправовое поле, оказываются исключенными из «нормального» общества (того, в котором существуют и соблюдаются нормы). Для них не действуют трудовые нормы, они не имеют доступа к правосудию и защите прав (кроме обращения к мафии), из-за нелегального положения, негативного отношения властей и местного населения они часто стараются минимизировать свои контакты с внешним миром. Даже не совершая никакого преступления, они нередко становятся частью криминогенной среды, легкой добычей преступных группировок. Так формируется питательная социальная почва для ксенофобии, коррупции, преступности.

Согласно опросу МОМ 2006 года, только 14% мигрантов в Москве знают организацию, куда можно обратиться в случае проблем или нарушения прав; 8% обращались в подобные организации, в основном в коммерческие структуры для легализации. В Москве есть несколько некоммерческих организаций, помогающих мигрантам. Наиболее активные из них: «Миграция и право/Фонд Таджикистан», «Гражданское содействие», отдел иностранных работников в Профсоюзе строителей, Информационный центр МОМ и др. Однако очень небольшое количество мигрантов относительно их общей численности обращаются в правозащитные организации, хотя они многим помогли. Государственного же механизма реагирования на жалобы мигрантов пока не существует.

Кроме НКО мигранты могут обратиться и в коммерческие фирмы. Это организации, помогающие в легализации, то есть в получении необходимых документов (разрешения на работу, регистрации, медсправок и др.), частные агентства занятости, платные адвокаты, юридические консультации

и прочие фирмы. Однако в такие организации обращаются также в относительном выражении очень немногие мигранты.

Современная инфраструктура миграции в Москве становится все более диверсифицированной. Кроме государства в нее включаются новые действующие лица, чья активность и принимаемые решения прямо или косвенно влияют на миграцию. Большинство игроков на этом поле представляет частный бизнес. Это как коммерческие посредники, так и сами работодатели, как юридические, так и физические лица. Работодатели часто обеспечивают значительную часть социальной среды для мигранта, предоставляют ему различные услуги, обеспечивают жилье, питание, медицинский уход, помогают осуществить необходимые транзакции (например, денежные переводы). Часто благополучие и здоровье мигранта зависят от работодателя или иных частных структур. Таким образом, наличие «приватизация» миграционных рисков, то есть зависимость их в большей мере от частных структур, чем от государства. Умело манипулируя миграционными рисками, недобросовестные работодатели и посредники обеспечивают себе сверхприбыль. Иногда их противоправная деятельность может квалифицироваться по ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» или ст. 127.2 «Использование рабского труда». Однако таких дел пока очень мало, поэтому сверхэксплуатация людей в целях получения прибыли чаще всего остается безнаказанной.

Таким образом, государство начинает вытесняться из сферы активного влияния на миграцию и на поведение ее агентов, как мигрантов, так и работодателей. И сами мигранты, и посредники, и работодатели зачастую не заинтересованы в участии государства в управлении их действиями. В свою очередь, государство, используя эту «расстановку сил», старается дистанцироваться от ответственности за последствия частных тран-

закций между мигрантами и другими участниками процесса. В результате миграция превращается во взаимодействие частных агентов на внеправовом поле, где правят скорее законы бизнеса, чем государства.

Плохо там, где мигранты, или мигранты там, где плохо?

Известный тезис сторонников ограничения миграции – мигранты осложняют криминогенную ситуацию. Однако, по данным МВД России, в 2007 году число преступлений, совершаемых иностранными гражданами, уменьшилось на 5,4% по сравнению с предшествовавшим периодом, тогда как абсолютное число мигрантов возросло.

В то же время число преступлений против иностранных граждан продолжало расти и увеличилось на 2,4% по сравнению с 2006 годом.

Спад числа преступлений, совершенных иностранными гражданами в 2007 году, при очевидном росте численности самих мигрантов показывает, что прямой связи между количеством мигрантов и уровнем преступности нет. Этот спад хочется отнести за счет либерализации законов, приведшей к увеличению возможностей легализации мигрантов и соответствующему улучшению их положения. Однако пока рано делать какие-либо выводы.

Преступления, совершенные иностранными гражданами, составляли в России в 2007 году 2,8% от общего числа расследованных преступлений. По данным статистики, количество преступлений с участием иностранцев за последние пять лет (с 2003 по 2007 год) увеличилось на 23,6%, в отношении них – на 53,1%.

В Москве традиционно доля преступлений, совершенных иностранцами, выше средней. Всего за 2007 год зарегистрировано 230631 преступлений (раскрыто 83726). 52 тыс. преступлений совершены приезжими, как иностранными гражданами, так и приехавшими

из регионов РФ (включая Подмоскovie)⁶.

Более 90% всех преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в России, приходится на выходцев из стран СНГ. В качестве «лидеров» выделяются Украина, Грузия, Азербайджан, Молдова.

Небольшой, хотя и растущий удельный вес преступности иностранцев в общей численности совершаемых преступлений явно опровергает участвовавшие заявления о том, что Россию захлестнула волна иностранной преступности. На фоне статистики это выглядит как политическая спекуляция. Рост преступлений, совершаемых иностранцами, происходил на фоне общего ухудшения криминогенной ситуации и роста преступности. Неправы те, кто утверждает, что наплыв иностранцев как таковой провоцирует ухудшение криминогенной ситуации в Москве. Это скорее зависит от положения мигрантов и состояния местной криминогенной обстановки.

Неверна точка зрения, что преступность иностранцев, проживающих на территории принимающей страны, города или района, – это явление, привнесенное извне, которое можно просто изгнать или не допустить на свою территорию. Преступность иностранцев порождается внутренними проблемами принимающего региона. Даже если криминал рождается в странах происхождения мигрантов, пересекает границы и приезжает в Москву, то он приезжает именно сюда, так как находит здесь благоприятные условия для процветания. Далее он укореняется на российской почве, меняет формы, воспроизводится, расширяется, практически становится «российским продуктом».

Примерно такой же логикой стоит руководствоваться при сопоставлении уровня миграционного присутствия

и уровня преступности в мегаполисе и его отдельных районах. Хорошо известное утверждение, что «там, где больше мигрантов, там выше преступность», в большой мере спекулятивно. Причем выявить эту спекулятивность не так-то просто. По данным исследований, районы наибольшей концентрации мигрантов в Москве – это Северный, Восточный, Южный административные округа⁷. По уровню криминогенности лидируют Центральный, Западный, Северный, Восточный, Юго-Восточный. То есть, действительно, районы с повышенной долей иностранных жителей и с неблагоприятной криминогенной ситуацией могут пересекаться. Однако это не говорит о наличии прямой причинно-следственной связи, а главное, вектор этой связи может быть направлен совсем в противоположную сторону от ожидаемой. Мигранты выбирают для вселения те районы Москвы, где дешевле жилье (аренда и покупка), а это, как правило, наименее благополучные территории, характеризующиеся, в том числе, и повышенным уровнем криминогенности⁸.

Таким образом, мигранты приходят туда, где стало плохо (может быть, еще до них) и откуда местное население постепенно переезжает. Так, подобно многим странам мира, в Москве происходит расселенческая сегрегация; формируются престижные районы и неблагополучные и даже опасные кварталы. Пока этот процесс еще в самом начале и нуждается в системном исследовании.

Отношение населения к мигрантам: откуда взять терпимость?

Многочисленные замеры общественного мнения часто показывают негативное отношение российского населения к мигрантам. К таким данным, как правило,

⁶ Данные МВД России [<http://kp.ru/daily/24040/98190/>].

⁷ Вендина О. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований, Институт географии РАН, 2005. С. 57.

⁸ Там же. С. 77.

апеллируют националистически настроенные политические и общественные силы и иные противники миграции. В то же время объективно, не руководствуясь политическими целями и тенденциозными оценками, определить уровень ксенофобии в обществе – задача нелегкая. Здесь велика ответственность социологов и ученых за формулировки вопросов и интерпретацию результатов выборочных опросов.

Например, по результатам всероссийского репрезентативного для населения страны опроса, проведенного Левада-Центром в 2007 году, почти четверть жителей Москвы высказала более или менее резкое отрицательное отношение к мигрантам. Как оценить такой уровень ксенофобии? Ответ на этот вопрос зависит от выбранного критерия. Однако все же это далеко от тех 60% враждебно настроенного населения, которые показывают некоторые «заказные» или просто неумелые замеры общественного мнения. В сравнении, например, с Московской областью, где ни один участник выборки не отметил хорошего/сочувственного отношения к мигрантам и более 1/3 населения высказали отрицательное отношение, московская ситуация явно лучше.

Все большая часть населения Москвы понимает, что экономика города не может функционировать без притока мигрантов. Москвичи, особенно небогатая часть общества, активно пользуются различными услугами мигрантов, которые, как правило, дешевле, чем такие же сервисы, предоставляемые местными работниками. Это помогает населению понять роль мигрантов в современной жизни Москвы и научиться ценить их вклад в развитие города.

Это отнюдь не значит, что ситуация благополучная. Все более отдаляющаяся в культурном отношении от российской, особенно московской, субкультуры миграция поддерживает образ «чужого» в общественном сознании, а значит, и настороженное отношение, и высокий уровень ксенофобии.

В молодежной среде Москвы, как показывают результаты того же опроса Левада-Центра, отношение к приезжим более резкое, что, конечно, свойственно молодежи, однако говорит о том, что если программы по толерантности и существуют, то нужного результата они пока не приносят.

Вряд ли какие-либо программы по толерантности, хотя, конечно, они нужны, могут повернуть вспять те общественные отношения, которые имеют под собой объективную почву. То, что мигранты разительно отличаются от местного населения, что они сторонятся людей, избегают контактов с милицией и официальными организациями, работают и живут в таких условиях, которые местное население считает неприемлемыми, – все это стимулирует отчуждение, а значит, настороженное, негативное отношение к приезжим.

Исключенность мигрантов из принимающего общества, использование по отношению к ним других, гораздо более низких стандартов в работе и быту поддерживает идеологию двойных стандартов и образ «человека второго сорта» в общественном сознании.

Определенные сигналы обществу дает и официальная позиция властей по отношению к мигрантам. Барьеры на пути их легализации лишь провоцируют нелегальную миграцию, маргинализацию и социальную исключенность мигрантов, а значит, стимулируют антимигрантские настроения.

Сегодняшнее отношение москвичей к мигрантам выстроено самой жизнью. Пока эта жизнь не изменится, вряд ли ситуация улучшится. Политика интеграции и включенности – вот что нужно сегодня Москве для сохранения общественного согласия в мультикультурном пространстве мегаполиса.

Бесспорно, Москва была и останется центром притяжения мигрантов. В какой-то степени это даже не зависит от проводимой московскими властями по-

литики. Даже в случае сохранения жестких барьеров миграция будет продолжаться, однако уйдет в тень. Об этом говорят как сложившиеся и эффективно работающие неформальные миграционные сети, так и растущий спрос на рынке труда.

Ориентация миграционной политики на краткосрочную (до 1 года) трудовую миграцию стимулирует появление огромного количества так называемого «временного» населения, что, естественно, не способствует консолидации общества. Степень социальной эксклюзии мигрантов остается очень высокой.

Опыт прошлых лет показал неэффективность рестриктивного миграционно-

го законодательства. Однако управлять миграцией в либеральном режиме, установленном новым федеральным законодательством, оказалось труднее, чем воздвигать административные барьеры. Для этого требуется больше объективных знаний о реальной ситуации, умение использовать весь известный и ранее невостребованный арсенал рычагов управления миграцией, а главное, готовность расстаться с идеологией запретов и «административным восторгом»⁹ от собственной власти. Новый миграционный менеджмент должен стать не только гораздо более интеллектуальным, технологичным и взвешенным, чем теперешний, но и более гуманным и уважающим права человека.

⁹ Выражение «административный восторг» принадлежит Ф. Достоевскому («Бесы», беседа Верховенского с Варварой Петровной Ставрогиной).

Алла Алексеевна Язькова,
доктор исторических наук, профессор,
руководитель Центра по исследованию
проблем Средиземноморья – Черномо-
рья Института Европы РАН

Кавказское эхо «пятидневной войны»

Долгосрочные последствия августовского российско-грузинского конфликта пока еще до конца не просчитаны. Но уже сегодня очевидно, что, наряду с наметившимися изменениями в характере отношений России с западными странами, не следует сбрасывать со счетов его негативные результаты для всех государств Южного Кавказа и их отношений с Россией. Кавказ всегда был значимым для России, и не только как форпост безопасности ее южных рубежей. Сближению народов Кавказа и России способствовали этнокультурные и конфессиональные факторы, общность интересов борьбы против самодержавия и авторитаризма. Сегодня в этих отношениях появился целый ряд «факторов риска», новых неожиданных поворотов, способных кардинально изменить не только ситуацию в самом регионе, но также и роль и позиции региональных и глобальных игроков – России, США, Евросоюза, а также Турции и Ирана.

Какими же видятся не только непосредственные, но и долгосрочные последствия этого, как поначалу представлялось, «локального конфликта» для стран Южного Кавказа?

Его наиболее очевидным результатом стали серьезные экономические затруднения Армении и Грузии. В Армении и до этого наблюдался промышленный спад, во многом объяснявшийся ее транспортной изоляцией. Единственными «окнами» для ее экспортно-импортных операций оставался наземный путь через Иран и морские перевозки через грузинский порт Потти. «Пятидневная война» пресекла и эти ограни-

ченные возможности. Согласно данным, приведенным генеральным секретарем Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Н. Бордюжей, Армения потеряла за время войны в Южной Осетии около 500 млн долл. из-за проблем с коммуникациями¹. Начало военных действий повлекло за собой также и сокращение на 30% поставок российского природного газа. Общие же потери Армении из-за вооруженного конфликта на территории Грузии составили около 700 млн долл., поскольку около 2/3 армянского экспорта транспортируется через территорию Грузии².

Что же касается самой Грузии, то ее прямые убытки от конфликта превысили 1 млрд долл. (8% национального ВВП), банковская система потеряла 12% депозитов, валютные резервы сократились на 6,5%³. Наиболее тяжелые потери понесли районы, оказавшиеся в зоне боевых действий, где, согласно данным наблюдателей ООН, тысячи домов были разрушены или серьезно повреждены. Сотни гражданских лиц были убиты или тяжело ранены. По оценке международных экспертов, боевые действия с обеих сторон отличались активным использованием тяжелой артиллерии и боевой авиации, в частности реактивных систем залпового огня и боевых модернизированных штурмовиков СУ-25⁴. Серьезный ущерб был нанесен сельскому хозяйству и транспортной сфере – железнодорожным и автомобильным перевозкам, а также важному для грузинской экономики транзиту энергоресурсов⁵.

Военный конфликт негативно воздействовал также и на экономические про-

цессы в России, непосредственно сказавшись на ее финансовых рынках. После его начала произошло наиболее масштабное за последние три с половиной года падение курса рубля по отношению к ведущим мировым валютам, резко упали котировки акций ведущих российских компаний, сократился приток иностранных инвестиций в российскую экономику⁶.

Из-за конфликта вокруг Южной Осетии пострадала и азербайджанская экономика. Еще 5 августа в результате теракта в восточной Турции из строя был выведен трубопровод «Баку – Тбилиси – Джейхан», являющийся главным экспортным маршрутом азербайджанской нефти. Военные действия в Грузии блокировали и другой трубопровод, проходящий по ее территории, – «Баку – Супса», а также газопровод «Баку – Эрзерум». По данным Caspian Alliance Group, каждый день, пока трубопроводы продолжали простаивать, Азербайджан терял около 100 млн долл.⁷

Тем не менее Азербайджан весьма сдержанно отреагировал на августовские события. С началом «пятидневной войны», несмотря на жесткую критику оппозиции, требовавшей заявлений о выходе из СНГ, изменения формата дипотношений с Москвой и резкой критики ее действий, официальный Баку не предпринял подобного рода мер. Президент И. Алиев находился в это время на Олимпиаде в Пекине, и с комментарием по поводу происходящего выступил руководитель пресс-службы МИД Х. Ибрагим: «Азербайджан признает территориальную целостность Грузии и считает, что конфликт должен быть разрешен в рамках международного права». В на-

¹ [www.regnum.ru]. 2008. 3 сентября.

² Institute for War and Peace Reporting (IWPR). Caucasus Reporting Service # 463. 2008. October 10.

³ [www.regnum.ru]. 2008. 8 сентября.

⁴ Минасян С. Некоторые уроки «пятидневной войны» для Южного Кавказа // [www.politcom.ru/print]. 2008. 10 сентября.

⁵ Аргументы и факты – Тбилиси. 2008. Октябрь. № 40.

⁶ Независимая газета. 2008. 12 августа.

⁷ НГ-Дипкурьер. 2008. 15 сентября.

чале сентября известный азербайджанский политолог Р. Мусабеков в интервью радиовещательной корпорации ВВС заявил, что Баку «будет поддерживать Грузию экономически».

После событий в Грузии Баку посетил целый ряд американских высокопоставленных чиновников – вице-президент США Д. Чейни, спецпредставитель госдепартамента М. Брайза, первый заместитель госсекретаря США Дж. Негропonte. По мнению азербайджанских аналитиков, такая активность объяснялась тем, что на фоне обострения американо-российских отношений и активизации в регионе таких ключевых фигур, как Россия и Турция, Вашингтон хотел бы уточнить, «на чьей стороне Баку»⁸. Полученные американскими дипломатами ответы были уклончивыми, но, по мнению азербайджанского политолога А. Ахмеда, Азербайджан не намерен «реализовать западный вектор в ущерб стратегическим отношениям с Россией и Турцией». Что же касается энергетических проектов, то в этом вопросе Баку проявляет самостоятельность и выбирает варианты, соответствующие национальным интересам страны⁹.

Иными словами, политика Азербайджана стала приобретать отчетливо многовекторный характер: сохраняя членство страны в ГУАМ и поддерживая диалог с Евросоюзом и НАТО, Азербайджан в то же время остается членом СНГ, хотя в состоявшемся в октябре 2008 года саммите СНГ в Бишкеке И. Алиев участия не принял, сославшись на необходимость подготовки к президентским выборам.

На саммите в Бишкеке было принято решение о выходе из СНГ Грузии, которая заявила о намерении поддерживать отношения с большинством постсоветских государств на основе двусторонних договоров. Что же касается отношений с Россией, то здесь вопрос обстоит

сложнее, поскольку в экономике Грузии присутствует значительная часть российских инвестиций, преимущественно в энергетике и частном секторе. По мнению руководителя Ассоциации экономической независимости Грузии Г. Хушавили, в создавшихся условиях необходимо пересмотреть подходы к инвесторам, чтобы «минимизировать риски», но пересмотр должен проходить цивилизованно¹⁰. Кроме того, Грузия вынуждена будет перейти к расчетам за поставляемый Россией газ на мировые цены, что, по оценке грузинских экспертов, не станет для нее слишком тяжелым ударом, поскольку основные объемы газа она покупает у Азербайджана.

Последствия августовских событий заставили также и Армению искать более надежные транспортные артерии и, соответственно, расширить круг своих партнеров. Основной выбор был сделан в пользу интенсификации уже сложившихся связей с Ираном, тем более что это не противоречило оценкам наиболее значимых для Армении России и США. Для России развитие контактов на линии Ереван – Тегеран вписывалось в долговременный геополитический проект Север – Юг. США, учитывая давление армянской диаспоры, вынуждены были с пониманием отнестись к такому решению Армении, несмотря на непрекращающуюся в самих Соединенных Штатах антииранскую кампанию.

В армяно-иранских отношениях пока что доминирует экономический компонент. По оценке министра транспорта и связи Армении Г. Саркисяна, ущерб местной экономике из-за войны на территории Грузии был бы еще большим, если бы не автомагистраль Иран – Армения, по которой удалось организовать доставку в страну дизельного топлива и зерна. Создана также армяно-иранская межправительственная комиссия

⁸ Мамедов С. Баку не войдет в союзы против Москвы // Независимая газета. 2008. 6 октября.

⁹ Там же.

¹⁰ Панфилова В. СНГ оформило развод с Грузией // Независимая газета. 2008. 10 октября.

для реализации проектов в сфере энергетики¹¹.

В отношениях между Тегераном и Ереваном становится все более заметной и политическая составляющая, что соответствует претензиям Ирана на региональное лидерство, а для Армении может стать путем выхода из изоляции. Речь может идти о налаживании двусторонних политических консультаций между службами национальной безопасности двух стран, а также о подключении Ирана к урегулированию карабахской проблемы¹².

В общественных кругах Армении и Азербайджана просчитываются параллели между войной вокруг Южной Осетии и армяно-азербайджанским конфликтом из-за Нагорного Карабаха. В беседе с корреспондентом бакинского агентства АРФ политолог Х. Гаджизадэ указал на то, что в результате событий, связанных с Южной Осетией и Абхазией, «преданные забвению кавказские конфликты оказались в центре внимания мира». На протяжении полутора десятилетий посредническую миссию в урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха осуществляла Минская группа ОБСЕ, и ее три сопредседателя (Россия, США и Франция) в основном способствовали сохранению status quo в регионе. Но после «пятидневной войны», а также признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии подходы сторон к проблемам территориальной целостности перестали быть однозначными.

Отвечая 30 августа на вопрос корреспондента информационного агентства REGNUM о перспективах дальнейшей деятельности Минской группы, руководитель фракции «АРФ Дашнакцутюн – Движение 88» в Национальном собрании Нагорно-Карабахской Республики (НКР) А. Саркисян поделился мнением

по поводу сложившейся в Минской группе «интересной ситуации»: из трех стран – ее сопредседателей две находясь в состоянии конфликта (Россия и США), а третья пытается выступить посредником (Франция). Тем не менее, по его же словам, если два противоположных полюса признают право на самоопределение – Запад – Косово, а Россия – Абхазии и Южной Осетии, то «становится интересной их совместная деятельность в отношении Нагорного Карабаха». Главное, чтобы обретение независимости не обернулось войной, заключил он¹³.

Как Азербайджан, так и Армения воздержались от официального признания независимости Абхазии и Южной Осетии, а при подведении общих итогов «пятидневной войны» отдали предпочтение учету своих собственных интересов, а не поддержке тех или иных глобальных планов и проектов, связанных с определением путей транспортировки каспийских энергоресурсов. И хотя последнее слово еще не сказано, в Баку не могут не учитывать того факта, что дружба с Вашингтоном не застраховала Тбилиси от вооруженного конфликта с Москвой. В дни августовского кризиса вопрос о поддержке Грузии и военном противостоянии с Россией, по оценке лондонской Financial Times (10.08.2008), даже не рассматривался ни США, ни их союзниками по НАТО.

Что же касается Еревана, то его позиция по поводу российско-грузинского конфликта была официально озвучена во время состоявшегося в начале сентября визита президента С. Саргсяна в Москву и его участия в саммите ОДКБ: «Мои сожаления, что события так развернулись, желаю скорейшего устранения всех последствий»¹⁴.

На открытую поддержку Арменией действий Москвы трудно было бы рас-

¹¹ Левонян С. Ереванская многовекторность // Независимая газета. 2008. 3 октября.

¹² Там же.

¹³ [www.regnum.ru/news]. 2008. 30 августа.

¹⁴ Взгляд. Деловая газета // [www.vz.ru]. 2008. 8 сентября.

считывать. События августа 2008 года показали, что даже кратковременное прекращение железнодорожного сообщения с Грузией способно оставить Армению без зерна и топлива, не говоря о поставках российского газа. К тому же односторонняя поддержка Москвы существенно осложнила бы урегулирование нагорно-карабахского конфликта, поскольку Россия не может и не готова признать независимость НКР, а любой диалог между Арменией и Азербайджаном в случае публичного осуждения Грузии или признания Ереваном независимости Абхазии и Южной Осетии едва ли стал бы возможным.

Еще одним проявлением диверсификации внешних связей Армении стало установление ее пока еще неофициальных контактов с Турцией. В конце августа президент Армении С. Саргсян принял спецпосланника президента Турции У. Чевикоза, с которым обсуждалась инициатива Турции по созданию «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» с участием Турции, России, Азербайджана, Армении и Грузии. Важно напомнить, что с этой инициативой выступил 12 августа, т.е. сразу после окончания военных действий, премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган в ходе своего визита в Москву.

Азербайджанская оппозиция негативно восприняла сближение Армении и Турции, но глава МИД Э. Мамедьяров, посетивший Анкару в конце августа, оценил сближение с Ереваном как «внутреннее дело Турции».

Неофициальный визит в Ереван президента Турции А. Гюля положил начало практическому «размораживанию» отношений Армении с Турцией, на протяжении полутора десятилетий не имевших дипломатических отношений, и, что важно, немедленному восстановлению железнодорожного сообщения между двумя странами. По итогам встречи президент С. Саргсян заявил

о готовности Армении к урегулированию отношений с Турцией «без прецедентов», а также положительно отозвался о создании совместной армяно-турецкой комиссии по изучению фактов геноцида армян в 1915 году.

А. Гюль, в свою очередь, высоко оценил итоги переговоров, сообщив, что в Ереване обсуждались также возможности урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха. «Эта проблема рано или поздно решится, но терять на это 20–30 лет нельзя», – подчеркнул он 8 сентября в интервью агентству АРА (Стамбул). Подтвержденные им предложения о создании регионального альянса «Платформа мира и стабильности на Кавказе» и активизации переговоров по Нагорному Карабаху, но уже не под эгидой Минской группы, были в принципе поддержаны российской стороной, хотя многие российские аналитики считают, что этот проект трудно реализуем. Предстоит выслушать мнение и других сопредседателей Минской группы – Франции и США, поскольку любые региональные проекты на Южном Кавказе едва ли получают путевку в жизнь без поддержки таких крупных «игроков», как США и Европейский союз. Что же касается Азербайджана и Грузии, то они расценивают проект как «нежизнеспособный» из-за невозможности наладить переговорный процесс между Азербайджаном и Арменией, Грузией и Россией¹⁵.

В более широком плане российско-грузинский конфликт стал заметной вехой в определении интересов России, Евросоюза и США в Каспийско-Черноморском регионе на фоне ухудшения российско-американских отношений¹⁶. После разразившегося между Россией и Грузией вооруженного конфликта администрация Буша направила в Черное море военные корабли «для доставки гуманитарной помощи Грузии». Тем самым было продемонстрировано американское «присутствие» в регионе, со-

¹⁵ [www.zerkalo.az/print/]. 2008. 22 сентября.

¹⁶ Райс К. Трансатлантическое единство по вопросу России // НГ-Дипкурьер. 2008. 13 октября.

проводившееся, по оценке Washington Post, «достаточно резкими заявлениями вице-президента Чейни». Грузии была также предоставлена помощь в размере 1 млрд долл., но, как отмечалось в передовой статье той же газеты, грузинский президент своими невыдержанными действиями «поставил в неловкое положение самых стойких своих сторонников в Вашингтоне и втянул Грузию и США в дорогостоящее и проигрышное противостояние». Поэтому, резюмировал автор статьи, администрации Буша «необходимо подумать, как отделить свою поддержку Грузии как стране и демократии от защиты Саакашвили»¹⁷.

Сегодня это сделать труднее, чем до начала вооруженного конфликта, на что справедливо указал Э. Шеварднадзе. «Всеми своими последними действиями – категорическими высказываниями в адрес Саакашвили и, особенно, признанием независимости Абхазии и Южной Осетии – Россия фактически спасла Саакашвили от ответственности в самой Грузии – несмотря на раздававшуюся в его адрес критику, его рейтинг поднялся в десять раз», – так подытожил сложившееся положение грузинский экс-президент¹⁸.

15 октября в Женеве состоялся первый раунд международных консультаций, участники которых должны были оценить промежуточные итоги реализации подписанного в Москве 12 августа президентами России и Франции Д. Медведевым и Н. Саркози Плана,

предусматривающего «полный вывод российских миротворческих сил из зон, прилегающих к Южной Осетии и Абхазии, на линию, предшествующую началу боевых действий», и введение в эти зоны наблюдателей от ЕС. Саму договоренность о начале переговоров можно было расценить как с трудом достигнутый компромисс, о чем и написала британская Independent: «Все стороны признали, что на данном этапе можно добиться лишь ограниченных успехов».

Однако и этого не получилось, и переговоры в Женеве, скорее всего, приобретут долгосрочный характер. У России пока нет союзников по вопросу о признании независимости Южной Осетии и Абхазии, поэтому усадить их за стол переговоров в качестве равноправных партнеров, на чем они сами настаивают, едва ли станет возможным. Вряд ли удастся склонить Грузию к подписанию соглашений о неприменении силы с Абхазией и Южной Осетией (независимость которых пока еще не признана мировым сообществом). Что же касается вопроса о санкциях против Грузии, то это – прерогатива Совета безопасности ООН, где он неизбежно был бы заблокирован.

Таким образом, большая часть связанных с российско-грузинским конфликтом вопросов по-прежнему остается на повестке дня, и эхо «пятидневной войны» еще долго будет звучать, осложняя решение многих международных проблем.

¹⁷ The Washington Post. 2008. 8 сентября.

¹⁸ [www.regnum.ru]. 2008. 27 августа.

*Эмиль Абрамович Паин,
доктор политических наук,
профессор Государственного универси-
тета – Высшей школы экономики,
Former Woodrow Wilson Center Guest
Scholar, Former Galina Starovoitova
Fellow*

Грузино-российский вооруженный конфликт: острая форма отравления имперскими иллюзиями

Спустя три месяца после грузино-российского вооруженного конфликта и признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии я рад тому, что отказывался от комментариев на эту тему с пылу с жару событий, в августе – сентябре 2008 года. Теперь, читая чужие комментарии, сделанные в то время, я вижу, что почти все аналитики попали в ловушку ложной дихотомии: «Если одна сторона не права, то вторая...» Между тем еще почитаемый сын грузинского и немалой части русского народа, как видно по недавним опросам, товарищ Сталин отмечал, что бывают «оба хуже». Вот и в данном случае Россия и Грузия продемонстрировали разные формы проявления одного и того же недуга – острой формы отравления имперскими иллюзиями. В России он проявился в форме амбициозных претензий на роль региональной сверхдержавы, одного из центров «многополярного мира», а в Грузии – как навязчивая идея насильственного принуждения к сожительству в одном государстве этнических и территориальных сообществ, которые того не желают. Мой нынешний комментарий – попытка характеристики анамнеза этого массового заболевания. Как мне кажется, некоторые его существенные черты и важные последствия остались незамеченными большинством экспертов.

Грузия готовилась к войне

Что касается грузинского руководства, то степень его отравления имперскими иллюзиями к моменту демонстрации

силы была запредельно высокой. Только в таком состоянии можно было принять свою армию за способную конкурировать с российской.

М. Саакашвили, президент Грузии: «Грузия никогда не была такой сильной, как сегодня, и она до сих пор не имела таких возможностей для защиты единства государства, и у нее до сих пор не было такой дисциплинированной и обученной армии. Сегодня нам по плечу сразиться с любым противником»¹.

Г. Таргамадзе, председатель комитета по обороне и безопасности парламента Грузии: «Таких дисциплинированных и отлаженных подразделений нет и в Российской армии. Грузинская армия намного лучше российской...»²

И. Окруашвили, бывший министр обороны Грузии: «...Россия обречена на поражение в случае войны с Грузией. ...мы готовы идти в бой хоть завтра. Переговорный процесс между Россией и Грузией полностью исчерпал себя»³. Это было сказано еще в 2004 году, и я еще вернусь к этому заявлению.

Людам свойственно принимать желаемое за действительное, однако в некоторых случаях такая невинная психологическая аберрация может превратиться в навязчивые галлюцинации. Нечто похожее, на мой взгляд, произошло и с грузинским руководством в результате головокружения от успеха. Я имею в виду возвращение управляемости Аджарской автономной республикой со стороны Тбилиси, которое произошло в 2004 году в результате скоротечной политической операции, проведенной М. Саакашвили вскоре после его избрания президентом Грузии.

Аджарский аншлюс, считавшийся в период Э. Шеварднадзе невыполнимой задачей, стал, пожалуй, единственным заметным достижением М. Саакашвили за время его правления. Эта

победа оказалась весьма значимой для грузинского общества, готового многое простить своему руководству ради символов территориального величия. Именно она породила иллюзии о возможности повторения этого успеха. Однако опыт Аджарии 2004 года не мог быть использован в Южной Осетии 2008 года. Возвращение Аджарии было быстрым и бескровным, поскольку в этой операции Тбилиси опирался на местное грузинское население, составляющее в Аджарии абсолютное большинство, тогда как аджарцы (особая этнографическая группа, исламизированные грузины, ради которых когда-то и создавалась эта автономия) в современной Аджарии – это меньшинство, составляющее менее 30% населения.

Попытка опереться на грузинское население, на жителей грузинских сел, предпринималась Тбилиси и в Южной Осетии, но здесь грузины никогда не были большинством. Даже в лучшие годы, по переписи 1926 года, они составляли лишь 26% населения этой автономии, а к августу 2008 года их доля уже было существенно меньше четверти. Эта территория 17 лет, с 1992 года, после заключения Дагомысского договора, фактически жила независимо от Грузии и в атмосфере крайне враждебного отношения к ней со стороны более 3/4 населения, прежде всего осетинского, составляющего здесь свыше 60% жителей. В таких условиях возможность добровольного возвращения жителей Южной Осетии в Грузию была даже теоретически маловероятна, а учитывая позицию России, полностью исключена. Уже в середине 1990-х годов Южная Осетия и Абхазия де-факто были частью России. Хотя руководство России неоднократно заявляло, что признает территориальную целостность Грузии, руко-

¹ Яшлавский А. Язык до Цхинвала довел // Московский комсомолец. 2008. 11 сентября. С. 2 [<http://www.mk.ru/blogs/МК/2008/09/11/abroad/370296/>].

² Там же.

³ Там же.

водители этих территорий приглашались на различные совещания в Российской Федерации, так, как будто бы являлись главами российских республик. Мне не раз приходилось наблюдать эти встречи.

У грузинского руководства был выбор: либо призвать грузинское общество к сосредоточению на проблемах, куда более значимых, чем возвращение утраченных территорий, либо продолжать эксплуатировать массовые иллюзии реинтеграции Великой Грузии, готовясь к войне. Почему именно к войне? Да потому, что грузинская идея реконкисты эксклюзивна для постсоветского пространства, поскольку только она неизбежно сталкивается с необходимостью войны с Россией. Такой жесткой предопределенности нет ни в одном другом месте. Например, в ситуации Нагорного Карабаха она исключена, а в Приднестровье – маловероятна.

К сожалению, выбор второго направления был почти неизбежен в условиях перманентной грузинской революции. Каждый новый ее лидер приходил к власти на плечах восставшего народа с обещанием исправить ошибки предшественника и вернуть, наконец, автономии.

После аджарского блицкрига грузинское руководство сделало свой выбор и стало готовиться именно к силовому возвращению двух других своих автономий. Достаточно посмотреть на быстрый рост военного бюджета и на хронику событий. Май 2004 года – свержение Абашидзе в Абхазии. 20 июля 2004 года Саакашвили заявил о своей готовности выйти из Дагомьского договора, регулирующего статус-кво в Южной Осетии, «если над Цхинвали нельзя водрузить грузинский флаг». 19 августа 2004 года был предпринят штурм села Тлиакана в Южной Осетии (это одна из стратегических высот над Цхинвалом), и именно тогда упомянутый И. Окруашвили под объективами телевизионных камер, раздавая солдатам ордена Грузии за эту операцию, предрекал не-

избежную победу над Россией. Могут привести и другие доказательства длительной подготовки Грузии к своей цхинвальской кампании. Она не была лишь ответом на непосредственно предшествующие ей провокации южноосетинской стороны.

Впрочем, и действия России в этом конфликте не могут быть названы лишь ответными. Задолго до событий августа 2008 года Россия, признавая де-юре Южную Осетию и Абхазию частью Грузии, де-факто сделала эти территории реально открытыми для себя пространствами, раздав их жителям российские паспорта, выведя эти территории из-под действия визового режима, распространяемого на Грузию, создав особые условия энергоснабжения и социального обеспечения жителей этих автономий, сформировав местные армейские подразделения и оснащая их оружием. А главное, постоянно наращивалась агрессивная риторика против Грузии, особенно после декларации о ее намерениях вступить в НАТО. Вместе с тем военные действия России в августе 2008 года не дают повода для вопроса, который часто поднимался в западной прессе: «Кто следующий станет жертвой нападения России?» Подчеркиваю еще раз: грузино-российские противоречия по поводу Южной Осетии и Абхазии не имеют аналогов на постсоветском пространстве. Кроме того, существуют и другие ограничения российского экспансионизма, и о них я еще скажу.

К чему же готовилась Россия?

Россия – самоутверждается

Посмотрев более двух десятков восторженных комментариев от поклонников российской победы над Грузией, я, к своему удивлению, не обнаружил ни одного (!), в котором в качестве признаков успеха упоминалось бы «спасение мирных жителей от агрессии и геноцида». Между тем именно этот повод фигурировал в официальной версии ввода российских войск в Южную Осетию. Потом я понял. Аналитики, даже самые

проправительственные, не хотят выглядеть наивными простофилями. Они прекрасно понимают, что защита прав человека, мирных жителей, меньшинств не является массовой ценностью в нашем обществе после двух чеченских войн, в условиях распространности фобий кавказцев, осыпаемых презрительными кличками «южане», «черные», «чурки». Среднестатистический россиянин вряд ли отличит «своего» кавказца (например, абхаза) от вдруг ставшего «чужим» грузина.

Аналитики всегда хотят продемонстрировать свою квалификацию, умение увидеть истинные мотивы и определить скрытые пружины политических действий. И то, что у власти было на уме, то у обслуживающих ее экспертов оказалось на языке. Так или иначе, но большинство из них выделили истинные мотивы конфликта, которые можно свести к трем основным.

1. Геополитические приобретения

В. Цимбурский говорит о приобретении нового шельфа России: «И все-таки это удача... Это очень хорошо, что нами курируется Южная Осетия, нависающая над Тбилиси и являющаяся дорогой, которая рассекает Грузию. Очень хорошо, что мы держим под своей рукой Сухуми с его великолепной бухтой и контролируем подход к Потти»⁴.

В. Жириновский: «Теперь мы можем заключить соглашение и поставить туда (т.е. в Абхазию и Южную Осетию. – Э.П.) по армии. Мы снова можем восстановить Закавказский военный округ»⁵.

К. Лукьянова, депутат Государственной Думы РФ, фракция «Справедливая Россия»: «Во-первых, мы устанавливаем контроль над Кавказским регионом. Во-вторых, мы целиком и полностью расстроили планы США и Великобритании – полностью окружить Россию с помощью НАТО на Кавказе»⁶.

Как видим ни слез, ни восторгов по поводу «мирных жителей». Все сухо и прозаично – высоты, гарнизоны, стратегические выгоды. В той же тональности описывается и еще одно достижение военной кампании.

2. Консолидация общества образом врага

Весьма характерный, я бы сказал, типичный для современного российского экспертного сообщества анализ стратегических целей «пятидневной войны» дал сопредседатель Ассоциации военных политологов С. Мельков: «По всей видимости, это и стремление занять более самостоятельную позицию в мировом сообществе, это и демонстрация готовности практически разрешать конфликты в ближнем зарубежье с пользой для себя. Это также консолидация общества и элиты вокруг президента»⁷. Говоря о консолидации, необходимо отметить, что речь может идти прежде всего о явлении негативной консолидации, теоретически и эмпирически хорошо проанализированном Л. Гудковым⁸. Это консолидация образом врага.

Кто ныне главный враг России, объяснять не нужно. На моей памяти еще не было такой яростной и тотальной проповеди антиамериканизма и антизападничества по государственным каналам

⁴ Цимбурский В. Сила или удача? Новый шельф России // Русский журнал. Еженедельное издание Русского института. Вып. 2. 2008. 15 сентября. С. 9.

⁵ Жириновский В. Комментарий. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. 2008. 26 августа [http://kommentarii.ru/theme/1006].

⁶ Лукьянова К. Комментарий. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. 2008. 26 августа [http://kommentarii.ru/theme/1006].

⁷ Мельков С. Комментарий. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. 2008. 26 августа [http://kommentarii.ru/theme/1006].

⁸ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

радио и телевидения. В литературной передаче я услышал, о чем ныне говорят деятели культуры: «Я не могу простить Вашим произведениям, — упрекает народный артист известного писателя, — того, что они, выполняя указания Алена Даллеса, разлагают наше население». И писатель, ощущая открытие сезона «охоты на ведьм», испугался не на шутку: «Да нет, я не американский шпион. Я и сам не очень люблю этих американцев». В современной России заметны уже признаки массового психоза, мании преследования. В такой атмосфере противостояние России и Запада изображается в иррациональных образах мистически предопределенного столкновения цивилизаций. «Крупномасштабного столкновения с Западом, управляемым из одного центра силы — США, было просто не избежать. Авантюра Саакашвили — это просто повод, заставивший Россию и Запад сцепиться в острой схватке, к которой они шли все последние годы... И, как это ни странно звучит, России просто необходимо пройти через крупномасштабную конфронтацию с Западом, чтобы занять достойное место в этом сложном мире»⁹.

3. Самоутверждение России в противостоянии с Западом

Оказывается, Россия воевала не с ветряной мельницей, не с армией Грузии, в десятки раз меньшей и слабейшей, а с Западом в целом. Так это же совсем другая победа. Намного слаще и значительнее. Только осознав величественность этой победы, можно понять смысл заголовков газетных комментариев: «Возрождение силы»; «Россия перестает отступать»; «Россия встала с колен».

Тема второго выпуска «Русского журнала» (проект Г. Павловского) — «Сила, заново обретенная Россией после Пятидневной войны на Кавказе»¹⁰. Выдержки из комментариев в прессе:

- «Москва продемонстрировала странам Запада наличие у нее политической воли и ресурсного потенциала для принятия принципиальных внешнеполитических решений»¹¹;

- «Мы живем в новой России, где соображения статуса государства на международной арене ставятся выше меркантильных резонов некоторых представителей нашей элиты. В такой стране жить почетно»¹²;

- «Медведев и Путин акцентировали главную мечту среднестатистического россиянина — чтоб, как при СССР, нас боялись и уважали»¹³.

Вот эти цели искренние. Им я верю. Другое дело, что само выдвижение подобных целей свидетельствует о неадекватности оценок политиков и аналитиков, о мышлении, отравленном иллюзиями и мифами.

Имперские мифы российской элиты

Ныне только в совсем глухих деревнях могут найтись бабы, которые по-прежнему верят, что «мужик бьет — значит любит», что «страшных уважают». В более цивилизованных местах российские женщины разводятся с избивающими их мужчинами. И в России сегодня люди не уважают страшных. Их пытаются изолировать или, по крайней мере, от них спрятаться. Так что в современной России массовое сознание более рационально, чем сознание аналитиков,

⁹ Капустин О. Комментарии. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. 2008. 26 августа [http://kommentarii.ru/theme/1006].

¹⁰ См.: Русский журнал. Еженедельное издание Русского института. Вып. 2. 2008. 15 сентября.

¹¹ Войко Е. Комментарии. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. 2008. 26 августа [http://kommentarii.ru/theme/1006].

¹² Власов А. Комментарии. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. 2008. 26 августа [http://kommentarii.ru/theme/1006].

¹³ Там же.

которые готовят свою стряпню не для среднестатистического россиянина, а в расчете на совсем ленивых потребителей информации, принимающих без раздумий любую сентенцию.

Вот, скажем, геополитические приобретения – все эти «удобные бухты» и «стратегические высоты». Что в этом от правды? Напомню, что приобретение – это то, чего раньше не было. А разве территории Абхазии и Южной Осетии были недоступны для российских стратегов до августа 2008 года? Они уже 17 лет полностью контролируются Россией. Большинство (80%) их жителей имели российское гражданство. Туда и раньше завозили не только артиллерию, но и авиацию. Все эти годы российский флот не пускал в сухумскую бухту флот грузинский. Значит, с точки зрения приобретения «высот» и «бухт» затраты в 12,5 млрд руб. на войну и многократно большие на освоение двух новых «независимых» субъектов имперского шельфа – совершенно бросовые.

Далее, приобрела ли Россия больше контроля над Абхазией и Южной Осетией, признав их независимость? Конечно, нет. Обе республики в их прежнем статусе непризнанных государств были более зависимы от России. Даже если ничего не изменится в крошечной Южной Осетии, то «независимая» Абхазия со временем может и вправду стать независимой и продемонстрировать России такую особенность своих интересов, какую ей уже не раз показывали наши многочисленные независимые друзья на Балканах. Так ведь и «самая родная» Белоруссия иногда демонстрирует свою независимую политику.

Вполне резонно усомниться в том, что России удалось доказать свой статус «сверхдержавы», «нового полюса влияния, противостоящего США». Как раз последствия пятидневного конфликта, и прежде всего процесс непризнания не-

зависимости Абхазии и Южной Осетии, подчеркнули наше геополитическое одиночество. К октябрю 2008 года в признании независимости этих республик Россию поддержала только Никарагуа. Провалились надежды российских лидеров на поддержку Китая и ШОС. Не поддержали их в признании независимости Абхазии и Южной Осетии члены привилегированного клуба СНГ – участники Договора о коллективной безопасности (у каждого из них свои интересы). И даже законная вторая половина союзного государства – Белоруссия – пока не спешит с признанием новых независимых. Какой же это полюс мирового влияния? Это остров. При этом вовсе не остров стабильности.

Сколько было разговоров как раз после «пятидневной войны» об особой российской стабильности и ее слабой восприимчивости к мировому финансовому кризису. Отсюда же вытекали и хвастливые рассуждения некоторых политиков типа «А что нам Запад и его возможные санкции за вторжение в Грузию?» «Суверенной России, – пишет А. Савельев, бывший депутат, а ныне глава партии «Великая Россия», – угрозы Запада не страшны». «Откажут во вступлении в ВТО? И спасибо. ... Провалят фондовые индексы? И на здоровье! Спекулятивный капитал отправится портить экономики других стран, но не России»¹⁴. Вывод о неуязвимости России от санкций со стороны Запада аналитики связывали прежде всего с зависимостью западных стран от поставок Россией нефти и газа.

Но вот обвалились цены на нефть, и не могли не обвалиться, поскольку как раз они и выступали одним из тех дутых мыльных пузырей, которые лежат в основе мирового финансового кризиса. Его последствия для России оказались не менее значимыми, чем для Америки. На поддержание российского финансового сектора правительство планирует

¹⁴ Савельев А. Комментарий. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. 2008. 26 августа [http://kommentarii.ru/theme/1006].

выделить из бюджета огромные средства, равные 10% ВВП. Эта доля выше той, которую выделило в аналогичных целях американское правительство. Кризис неопровержимо доказал взаимозависимость мировых держав. В таких условиях необходимы другие образы вместо «полоса» или «острова». Уместнее говорить об одной лодке, в которой оказалось большинство стран мира, и ее не стоит бездумно раскачивать.

Впрочем, важнейшие ограничители имперских амбиций России и возможные источники отрезвления от горячечных иллюзий скрыты не столько во внешних факторах, сколько внутри нашей федерации, точнее сказать, внутри империи.

Федерация и империя – это два весьма сходных между собой типа организации полиэтнических государств. Более того, большая часть так называемых асимметричных этнических федераций сложилась на месте или на остатках бывших империй. Однако бывает и так, что федерации вновь дрейфуют в сторону империй. На мой взгляд, именно эта тенденция характерна для России¹⁵. В чем же разница между этими государственными конструкциями? Воспользуюсь удачным, на мой взгляд, ответом на этот вопрос американского исследователя М. Филиппова: «В целом механизм империи можно сопоставить с плановой директивной экономикой (региональные руководители прямо назначаются из центра, то есть “сверху”), а механизм федерации – с рыночной экономикой (лидеры отбираются в процессе конкуренции, то есть “снизу”»¹⁶. Еще в середине 1900-х годов теоретически были обоснованы причины перехода от империи к федерации, связанные с исчерпанием

ресурсов империи. Главной из этих причин является то, что уже концу XIX века империи не могли удерживать этнические территории силой. Неизбежно уменьшались также и возможности центральной власти контролировать разнообразные этнические территории с помощью поставленных ею наместников, которые требовали все большую плату за лояльность, предоставляя все меньше гарантий своего подчинения верховной власти. Пятидневный вооруженный конфликт проявил и обострил проблему исчерпания этого ресурса.

Об исчерпании ресурсов имперской политики

Совсем недавно, 20 сентября 2008 года, глава российского правительства В. Путин справедливо заметил о России: «Нам чужие территории не нужны. Нам свои еще нужно освоить»¹⁷. Золотые слова! А в бытность В. Путина президентом он говорил еще определеннее, не только об освоении, но и о необходимости «удержания территорий»¹⁸. И связь между сохранением, освоением существующего территориального тела России и ее амбициями на шельфе не только в том, что обе цели обеспечиваются из одного государственного кармана за счет одних и тех же ресурсов. Существуют и другие виды связей между этими целями. Например, вовсе не рассосался внутренний осетино-ингушский конфликт, и не нужно быть большим знатоком этноконфликтологии, чтобы понимать: всякое дополнительное внимание власти к осетинской стороне усиливает недоверие к ней со стороны ингушской. «Раз они признали Абхазию и Южную Осетию, мы просим их признать независимость Ингуше-

¹⁵ Эту идею автор высказывал и обосновывал в ряде своих работ. См., напр.: Паин Э. Между империей и нацией. М.: Новое издательство, 2004; он же. Империя в себе. О возрождении имперского синдрома в России // После империи / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 102–123.

¹⁶ Филиппов М. Введение // Захаров А. Унитарная федерация: пять этюдов о российском федерализме. М.: Московская школа политических исследований, 2008. С. 7–8.

¹⁷ Выступление В.В. Путина и Ф. Фийона перед журналистами. 2008. 20 сентября [http://www.mediocratia.ru/owa/mc/mc_project_news.html?a_id=22338].

¹⁸ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 года // Российская газета. 2003. 17 мая.

тии», – заявил М. Хазбиев, близкий друг М. Евлоева, одного из лидеров ингушской оппозиции, убитого властями (официальная версия: «по неосторожности»)¹⁹. А поводов для растущего недоверия у ингушей и без того хватает, учитывая долгое нежелание федеральной власти сменить ингушского президента М. Зязикова, утратившего доверие населения. При Зязикове уровень сепаратистских настроений в Ингушетии стал выше, чем был когда-либо. Впервые ингуши оказались вовлеченными в организованное противостояние властям, а после убийства М. Евлоева оно стало еще более массовым. Только за октябрь 2008 года прессой зафиксировано около десятка серьезных инцидентов, связанных с нападениями боевиков на представителей федеральной и местной власти²⁰.

Некоторые комментаторы полагают, что все это «стало первым признаком того, что признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии в результате военного конфликта с Грузией может повлечь за собой “эффект домино” в мятежном северокавказском регионе России»²¹. Но нужно понять и федеральную власть – скамейка ее игроков в замену Зязикова была необычайно коротка. Это предположение подтверждается экстренным назначением 31 октября 2008 года на пост президента республики Ю.-Б. Евкурова, профессионального военного, не имеющего опыта управления в гражданской сфере. Понятно, почему властям пришлось приглашать человека издалека – из Приволжско-Уральского военного округа. После гибели М. Евлоева возник вопрос, может ли какой-либо житель республики легально заявить о своих притязаниях на высший пост в Ингушетии без угрозы для своей жизни.

Почему герой прорыва грузинских войск под Цхинвалом, командир батальона «Восток», полковник С. Ямадаев вместо награды был уволен из армии? Да потому, что федеральная власть больше зависит от нынешнего президента Чеченской Республики Р. Кадырова, чем он от Кремля. Федеральная власть вынуждена не замечать, как из Чечни выдавливаются, а то и просто уничтожаются не только все потенциальные конкуренты нынешнего чеченского правителя, но и любые другие политики или чиновники, имеющие самостоятельную позицию. Это касается и персон, вполне лояльных федеральной власти, таких как убитый в центре Москвы депутат Государственной Думы, герой России Р. Ямадаев или убитый там же годом раньше бывший командир опергруппы «Горец» полковник ФСБ М. Байсаров. В республике ныне не может появиться легальный конкурент Р. Кадырову.

Между тем империя не может управлять территорией, если у верховной власти нет никаких рычагов воздействия на своего наместника, если его нельзя сместить и заменить другим. Вот бы где России добиваться многополярности, во всяком случае, разнообразия лояльных ей политических фигур. Однако в Чечне этого нет, здесь только один полюс влияния. Именно это позволяет главе республики блокировать деятельность многих федеральных органов власти, включая такие, как ФСБ и Министерство обороны. Получил широкую известность беспрецедентный случай: 24 мая 2007 года, после того как расквартированные в Грозном чекисты отказались впустить в здание чеченского УФСБ многочисленную охрану Р. Кадырова, все входы в это здание, т.е. в организацию, одно упоминание которой

¹⁹ Обстановка в Ингушетии накаляется после убийства Евлоева? [<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/292971/cat/42>]

²⁰ Два села в Ингушетии захвачены боевиками. 16.10.2008 12:02 [<http://www.demos-center.ru/news/23953.html>]; В Ингушетии разгромлена колонна федеральных войск. 18.10.2008 16:24 [<http://www.demos-center.ru/news/23966.html>]; В Ингушетии взорвали автомобиль брата Зязикова. 27.10.2008 12:21 [<http://www.demos-center.ru/news/24016.html>].

²¹ Обстановка в Ингушетии накаляется после убийства Евлоева? [<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/292971/cat/42>]

в России обычно вызывает трепет, были по приказу Кадырова просто напросто заварены с помощью сварочных аппаратов. Блокада была снята только после личного вмешательства главы ФСБ России Н. Патрушева²². Летом 2008 года в республике развивались боевые действия между вооруженными отрядами Р. Кадырова с одной стороны и подчиненными Министерству обороны РФ батальонами «Восток» и «Запад» – с другой. Эти столкновения сопровождались жертвами с обеих сторон конфликта²³.

Характер управления в Чеченской Республике трудно назвать ординарным, но и в других республиках региона возникло социальное пространство, на котором российские правовые нормы фактически не действуют. В Дагестане, по моим подсчетам, за 2003-й год пресой было зафиксировано более 90 случаев вооруженных столкновений незаконных формирований с федеральными силами и представителями местных правоохранительных органов, и тогда это было сопоставимо с числом подобных акций в Чечне²⁴. В 2008 году только за последние неполные два месяца (с 4 сентября по 26 октября) одним лишь информационном агентством REGNUM приводится список 59 подобных случаев²⁵. По этим показателям Дагестан уже давно обогнал Чечню и Ингушетию.

Но и в других регионах происходят процессы, затрудняющие удержание российской имперской целостности. Прежде всего, хочу отметить смену этнических элит. Часть бывших активистов национальных движений ушла в бизнес, другие были интегрированы

властью. Какая-то часть была ликвидирована, например на Северном Кавказе, другие просто состарились, умерли или утратили доверие населения, лишились своего статуса национальных лидеров. Кто их сменил? Вопрос не только очень существенный, но и сложный для ответа. Если в 90-е годы национальные лидеры мелькали на экранах, были публичными фигурами, о них все знали и они хотели, чтобы о них знали, то сегодня происходит смена форм активности. Преобладает конспиративная активность. О многих лидерах мы никогда не услышим, потому что они этого не хотят.

Происходит смена лозунгов. В 90-е годы национальные движения выступали под национал-демократическими лозунгами и ориентировались на Запад как на свою поддержку. Ныне же у большинства лидеров национальных сетей России, особенно в зонах, исторически связанных с исламом, преобладают антизападнические, фундаменталистские лозунги. Эти силы делают ставку на идеологические, организационные и финансовые ресурсы нового субъекта глобальной политики – международных исламских движений.

Заметна и перемена консолидационных основ национальных сетей. Если в 90-е годы такой основой выступали идеи этнического сепаратизма, то сегодня во многих регионах этническая консолидация уступает место религиозной. Если говорить о Северном Кавказе, то идея этнического сепаратизма отдельных республик уступила место другой идее: замене светского государства на государство духовное. «Сначала устроим имамат, а потом посмотрим, где

²² Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе весной 2007 года: оценка правозащитников // Бюллетень Правозащитного центра «Мемориал» [<http://www.memo.ru/2007/07/19/1907071.html>]. См. также: Ямадаев С. Я не хожу на поклоны к Рамзану и не буду // Коммерсант-Власть. 2008. 21 апреля [<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=884022>]; то же. Институт религии и политики [<http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-19594.html>].

²³ Ямадаев С. Указ. соч.

²⁴ См. подробнее: Pain E. Reforms in the Administration of the Regions and their Influence on Ethnopolitical Processes in Russia. 1999–2003 // The Dynamics of Russian Politics. Vol. II / Ed. by P. Reddaway and R.W. Orttung. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2005. P. 341–370.

²⁵ ИА REGNUM. Все ссылки в сюжете «Боевики в Дагестане» с 04.09.2008 по 26.10.2008 [<http://www.regnum.ru/dossier/124.html>].

его границы», – с этим лозунгом выступал, например, последний из публичных лидеров чеченских боевиков А.Х. Сайдуллаев, сменивший А. Масхадова и, также как он, убитый.

Чего же можно ожидать от этнополитических перемен? Они в неодинаковой форме проявляются в разных регионах. Если говорить о националистических или радикально-фундаменталистских движениях республик Поволжья, то пока их лидеры только разминаются на чужих полях. Не случайно, среди захваченных американцами в отрядах талибов в Афганистане наших сограждан не было чеченцев (им и дома есть, где проявить свою активность), но там были татарские и башкирские экстремисты, которые сейчас лишь готовятся к домашней работе.

Иная ситуация на Северном Кавказе, где вместо одного чеченского фронта с федеральной властью, как было в 1990-х, ныне образовалось как минимум три зоны нестабильности (чеченская, ингушская и дагестанская). На мой взгляд, не столь уж далек от истины Католикос-Патриарх всея Грузии заявивший, что «отделение от Грузии Абхазии и Цхинвальского региона опасно для самой России. Это даст толчок развитию сепаратизма в вашей стране, и в будущем у вас возникнет гораздо больше проблем, чем сегодня в Грузии»²⁶. Даже если этот вывод и содержит преувеличения, продиктованные вполне понятными переживаниями грузинского гражданина, то и в этом случае федеральной власти не стоит забывать об оправданности почти любого предупреждения об опасностях сепаратизма в России.

Возможно ли избавление от имперских иллюзий?

Лишь массовый энтузиазм населения в поддержку действий Российской армии в Южной Осетии могут записать россий-

ские власти в актив своих достижений, связанных с рассматриваемым конфликтом. Символические ресурсы временной консолидации общества вокруг власти действительно сохраняются и даже могут возрастать при информационном раскрывании «образа врага» и амбиций мирового лидера. Однако ажиотаж, вызванный победой над Грузией, продержался не дольше, чем массовый подъем после победы российских футболистов над голландскими на «Евро-2008». Его отодвинули актуальные проблемы, связанные с финансовым кризисом. Не сомневаюсь, что угрозы девальвации рубля воспринимаются нашими согражданами куда острее, чем угрозы нового «грузинского нашествия» и даже угроза расширения НАТО на восток. Сегодня яснее, чем раньше, проявляется основной порок империи, на который обращал внимание историк В. Ключевский: «Государство пухнет – народ хиреет». В условиях мирового финансового кризиса обязательства России по развитию ее нового имперского шельфа могут стать гигантской обузой для национального бюджета, исполнение даже основных статей которого, прежде всего социальных, становится проблематичным.

Вряд ли одна лишь необходимость приспособления общества к новым экономическим условиям сама по себе излечит его от имперских иллюзий. Напротив, именно в условиях кризиса велика вероятность проявления в массовом сознании мифологизированных объяснений реальных проблем. Поэтому ныне возрастает необходимость рационализации массового сознания, его излечения от различного рода иллюзий, мифов и страхов. Не думаю, что направления такого лечения уже известны, однако не сомневаюсь в актуальности тех форм рационализации массового сознания, которые доступны научному сообществу, – через народное просвещение.

²⁶ Грузинский Патриарх призывает Россию одуматься [http://www.ndance.ru/developments/id_90294/].

*Андрей Станиславович Макарычев,
доктор исторических наук,
профессор политологии
и международных отношений
Нижегородского лингвистического
университета,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

Россия, НАТО и «цветные революции»: дискурсивные ловушки

Введение

Военные события августа 2008 года в Грузии и связанное с ними обострение российско-украинских отношений наглядно продемонстрировали, что самой существенной проблемой, с которой сталкивается внешняя политика России, является конфликтное состояние ее отношений с соседними странами. Наиболее яркими примерами этой неблагоприятной тенденции в прошлые годы стали кризисы во взаимоотношениях с Литвой (из-за калининградской проблемы), Эстонией (из-за монумента героям Великой Отечественной войны), Польшей (которая вообще на время заблокировала процесс переговоров между РФ и ЕС), Украиной (из-за целого комплекса вопросов, включающих «оранжевую революцию», транзит энергоносителей и стремление Киева в НАТО), Грузией (опять-таки в силу целого ряда причин – начиная с запрета на ввоз грузинских вин в Россию и заканчивая проблемами Абхазии и Южной Осетии). Если к этому списку добавить явную пробуксовку планов российско-белорусской интеграции, то общая картина получится весьма напряженной. Такое положение кажется тем более неестественным на фоне того, что крупнейшие субъекты мировой политики – США в рамках НАФТА, Евро-союз в формате Политики европейского (добро)соседства – инвестируют большие ресурсы для создания благоприятных отношений с географически близкими государствами.

В настоящей статье автор сделает попытку дать оценку политике России в отношении стран так называемых

«цветных революций», и прежде всего Украины и Грузии, которые крайне негативно маркируются в официальном дискурсе Кремля. Если посмотреть на полки российских книжных магазинов, то станет очевидным, что образ Украины в российском политическом сознании носит нарочито карикатурный и неглубокий характер. Выступления в средствах массовой информации экспертов «кремлевского пула» (от К. Затулина до С. Маркова) добавляют нотки патернализма в общую картину отношения России к странам «ближнего зарубежья». С нашей точки зрения, академическое сообщество России должно внести свой вклад в переформатирование крайне политизированного дискурса в отношении как Украины, так и Грузии и добавить в него необходимые элементы объективности и научности.

Методологически в настоящей статье я буду опираться на тезис известного словенского философа С. Жижека о том, что язык – это «великий разделитель», который содержит в себе отношения власти, а значит, элементы подавления, подчинения и гегемонии¹. Дискурсивный характер любой власти постулировали многие европейские теоретики (например, М. Фуко), что можно интерпретировать как господство дискурсов над сознанием людей в качестве орудий власти. Иными словами, в любом обществе производство дискурса контролируется, подвергается селекции, организуется и распределяется с помощью целого ряда процедур и технологий.

В контексте нашего анализа важно отметить две важнейшие функции, которые выполняет дискурс. Во-первых, любой дискурс содержит в себе определение инаковости (в английском варианте – *othering*), что особенно важно для сферы международных отношений. Эта инаковость (отношения «свой – чужой») артикулируется вокруг ключе-

вых, смыслообразующих концептов данного типа дискурса, которые нам предстоит выявить в ходе анализа.

Во-вторых, дискурс мы понимаем как процесс, с помощью которого «субъект подвергается изменению благодаря тому, что он познает. Это позволяет как видоизменить субъект, так и сформировать объект»². Другими словами, дискурс – это та область, где посредством коммуникационных отношений конструируются объекты, которых, как утверждают радикальные постструктуралисты, нет вне (или до) дискурса. В данном случае, анализируя российский дискурс в отношении Украины и Грузии, мы можем увидеть, как формируются, тиражируются и распространяются образы этих стран, предназначенные для восприятия российской аудитории. Но у этого процесса есть и другой, не менее важный аспект – тот же самый дискурс приводит к формированию «говорящего субъекта» (то есть самой России) и приданию ему определенных характеристик, в том числе посредством (пере)определения Других.

Россия и «цветные революции»: стратегия «риторических атак»

Реакцию Кремля на последние политические события на Украине и в Грузии нужно рассматривать в более широком контексте, связанном с политикой РФ в отношении стран «цветных революций». Украина и Грузия – при всей несхожести моделей их развития – представляют собой в этом смысле однопорядковые, с точки зрения российской дипломатии, страны. Понятно, что этот контекст весьма негативен, и Россия артикулирует это разными способами. В нашем дальнейшем анализе мы методологически будем опираться на те возможности, которые открывает дискурс-анализ с точки зрения изучения риторических приемов, ловушек

¹ См., напр.: Zizek S. *Iraq: The Borrowed Kettle*. London & New York: Verso, 2004.

² Фуко М. *Интеллектуалы и власть*. Т. 2. Москва: Праксис, 2005. С. 233.

и противоречий, обнаруживающихся в дискурсивной стратегии России³.

Во-первых, одна из проблем касается того, как в официальных кругах России оценивается НАТО. Устами бывшего президента В. Путина Североатлантический блок был назван «остатком холодной войны» и вместе с тем мощным и агрессивным блоком, угрожающе подступающим к нашим границам. Ключевой вопрос здесь можно сформулировать следующим образом: если НАТО – это организация, которая, по словам министра финансов РФ А. Кудрина, должна «стать историей», к тому же с огромным грузом внутренних проблем, то зачем из нее делать врага? А если это действительно враг, то как и зачем с ним можно формально состоять в партнерских отношениях?

Здесь просматривается и другая логическая ловушка: российское руководство фактически заявляет, что оно не против НАТО как организации, а возражает лишь против ее приближения к границам России. Например, расширение НАТО на Балканах негативной реакции со стороны РФ не вызывает, несмотря на ее особую позицию по Косово. Более того, по словам В. Путина на саммите 2008 года в Бухаресте, НАТО должно сотрудничать в приоритетном порядке непосредственно и именно с Россией, и тогда, возможно, последняя не будет в скором времени столь нервно реагировать на расширение этого альянса или другие предпринимаемые им действия. Объяснение такой позиции состоит не в боязни НАТО, а как раз в обратном – в опасении того, что в результате расширения НАТО РФ может остаться «за бортом» формирующейся «архитектуры» безопасности и ее перестанут принимать в расчет при решении ключевых вопросов глобального уровня.

Сказанное обозначает еще одну проблему. Для того чтобы стать влиятель-

ным членом международного сообщества, Россия должна начать ощущать себя глобальной державой в позитивном смысле этого слова. Пока, парадоксальным образом, статус «великой державы» Россия предпочитает доказывать (и то не всегда убедительно) на региональном уровне. Между тем, если пользоваться подходом О. Вэвера и Б. Бузана, глобальные державы – это те, которые не связаны необходимостью вовлечения в какой-то конкретный регион, даже у своих границ, и могут варьировать формы, методы и географию своего присутствия в мире⁴. Если Россия хочет, образно говоря, играть в «высшей лиге» мировой политики, то ей нужно качественно расширить свою повестку дня в области безопасности и всерьез заняться – в качестве глобальной державы – решением проблем экологии и изменения климата, транснациональной преступности и коррупции, истощения ресурсов, информационной и энергетической безопасности и т.д.

Во-вторых, Россия явно смешивает друг с другом нормативный (основанный на ценностях и принципах) и реалистический (базирующийся на интересах) языковые регистры. С одной стороны, Москва очевидным образом отказывает «цветным революциям» в нормативном содержании, то есть не воспринимает события на Украине и в Грузии как логические следствия стремления к демократии европейского типа и интеграции с евроатлантическими структурами. Вместо этого РФ применяет такие исключительно «реалистические» категории, как «борьба за власть», которые задают рамки «силового» восприятия событий.

Российский политический класс продолжает воспринимать украинские выборы 2004 года как травматическое поражение России, тем самым под-

³ См., напр.: *Ambrosio T. Tu Quoque. How the Kremlin Redirects External Criticism Through Rhetorical Attacks*. Paper presented at 2nd Global International Studies Conference, Ljubljana, 23–26 July 2008.

⁴ *Buzan B., Waever O. Regions and Power. The Structure of International Security*. Cambridge University Press, 2006. P. 59.

тверждая, что РФ действительно была глубоко вовлечена во внутренние дела Украины (не в меньшей степени, чем страны Запада, чье вмешательство В. Путин называет не соответствующим нормам демократии). Продолжением этого «комплекса проигравших» стала искренняя боязнь распространения «оранжевого» опыта на Россию, что в значительной степени объясняет и отношение В. Путина к некоммерческим организациям, сотрудничающим с иностранными грантодателями, и формулирование концепции «суверенной демократии», и появление лексемы «шакалящие у иностранных посольств».

В духе Realpolitik Москва воспринимает отношения с Киевом сквозь призму более широких отношений со странами ЕС и НАТО. Вот как об этом высказался В. Путин: «Если на Западе хотят поддержать “оранжевые” движения, тогда заплатите за них. Или вы хотите поддержать их таким образом, чтобы заставить нас заплатить? Что, за идиотов нас принимаете, что ли? Это неискренняя позиция»⁵. В этом заявлении содержится указание на несколько обстоятельств одновременно: (а) окончательный выход Украины из российской сферы влияния, (б) ее несамостоятельность и подчиненность Западу и (в) косвенное признание того, что в отношениях с Киевом Москва преследует преимущественно экономические интересы.

Но парадокс состоит в том, что в некоторых случаях российская политическая элита меняет «языковой регистр» и сама пытается контратаковать на нормативном поле, обвиняя грузинские и украинские власти в узурпации полномочий, нарушении прав человека и принципов демократии. В. Путин прямо указал на то, что Россия не считает демократическим установленный в Грузии политический режим. В этом смысле Украина и Грузия, в российском

«прочтении», все же существенно отличаются друг от друга: если в Тбилиси происходит опасная концентрация власти в руках президента М. Саакашвили, формирующая основы репрессивного режима, то в Киеве, напротив, власть воспринимается как неустойчивая, конфликтная, а потому слабая и неэффективная.

Нормативная линия внешней политики России стала еще более противоречивой после августовского (2008 года) военного конфликта в Грузии. Россия фактически встала на путь унилатерализма, то есть тактики односторонних действий, и, по сути, приняла ту же логику поведения США в отношении Косово, которую Кремль в начале 2008 года резко критиковал как антинормативную. Оппонируя Соединенным Штатам, Россия парадоксальным образом перенимает значительную часть американской внешнеполитической философии.

В-третьих, кремлевский дискурс смотрит на Украину и Грузию российскими глазами, меряет ее своими мерками, как бы перенося и накладывая на эти страны российские представления о власти и политике. Отсюда – многочисленные попытки истолковать события на Украине и в Грузии как очень похожие на ту картинку, которую мы узнаем по своему собственному недавнему прошлому. Официальные российские СМИ пытаются убедить, что способы политической борьбы, практикуемые на Украине и в Грузии, похожи, и приводят они к конфликтному расколу, недовольству, массовому разочарованию и сопротивлению власти изнутри. Комментарий В. Черномырдина к парламентским выборам 30 сентября 2007 года стал типичным примером риторического переноса российского политического языка на украинскую реальность. «Люди хотят стабильности и возможности работать», – в этих словах посла России на

⁵ Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай», 14 сентября 2007 года. «Президент России». Официальный сайт [<http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/09/144011.shtml>].

Украине между строк явно видно критическое отношение к украинской политической системе в целом и ее выборному элементу в частности. Однако в глазах внешнеполитической элиты России Украина ассоциируется не только с внутривосточной нестабильностью и конфликтностью, но и с враждебностью по отношению к России (как в плане намерений вступить в НАТО, так и в плане кампании против русского языка, предпринимаемой украинским правительством)⁶.

В-четвертых, Россия сознательно соединяет и перемешивает в своей «повестке дня» в отношении Украины три различных типа вопросов, относящихся к сферам безопасности, идентичности и демократии. Соответственно, российское руководство вынуждено постоянно употреблять слова из разных языковых регистров, что часто приводит либо к смешению понятий, либо к неоправданному расширению проблемного поля.

Так, Украина в составе НАТО представляется проблемным вариантом для России с точки зрения как безопасности (поскольку в этом случае базирование российского Черноморского флота в Севастополе после 2017 года будет под вопросом), так и идентичности (Севастополь считается в России городом русской славы). Накладываются друг на друга и вопросы безопасности и демократии: на Бухарестском (2008 года) саммите НАТО В. Путин вступил в заочную полемику с теми, кто полагает, будто членство в Североатлантическом блоке может служить неким дополнительным доказательством демократичности государства, из чего следует, что оставшиеся за бортом НАТО страны якобы не «вполне демократичны». Назвав подобные мысли с присущей ему прямоотой «бредом», тогдашний президент России, таким образом, подтвердил, что вопросы демократии и безопасности имеет смысл обсуждать отдельно

друг от друга, не смешивая их. Логическая проблема состоит в том, что сама Россия не дает позитивного примера в этом отношении, явно пытаясь «пристегнуть» к проблемам безопасности свои оценки демократичности внутреннего устройства Грузии и Украины (при этом явно уклоняясь от аналогичных оценок в отношении Абхазии и Южной Осетии). Вероятно, это происходит из-за понимания того, что именно «демократия» (и сопряженные с ней понятия) является критерием, открывающим России путь в «международное сообщество», контуры которого, конечно же, не окончательны.

Вообще, вопрос о том, как влияет внутренняя политика на политику внешнюю, в кругах российской власти решается чрезвычайно конъюнктурно. В одних случаях такая связь фактически отрицается (когда утверждается, что Россия всегда, то есть при любом режиме, поддерживала Абхазию от полномочий со стороны Грузии), а в других — становится важнейшим аргументом (когда признается прямая зависимость грузино-российских отношений от хода избирательной кампании в США). Россия пытается использовать «демократический аргумент» в тех случаях, когда он, по мнению Кремля, имеет некоторую силу (например, регулярно напоминая о том, что Украина не проводила референдума по поводу членства в НАТО из-за оппозиции этому большей части населения), однако в тех случаях, когда, по признанию самих российских лидеров, нормы демократии были соблюдены (имеется в виду проведенный в Грузии референдум по присоединению к НАТО), поведение России становится еще более жестким.

В-пятых, Кремль совершенно явно озвучил еще один риторический прием в виде гипотезы о том, что членство в НАТО неизбежно расколует Украину, поэтому ей нужно выбирать: или вхож-

⁶ Апофеозом антиукраинской истерии стала передача «Реальная политика» по НТВ от 5 апреля 2008 года, в которой Ю. Тимошенко в «кукольном» формате была представлена в качестве женщины свободных прав, выбирающей себе партнера между Н. Саркози и Дж. Бушем.

дение в Североатлантический блок, или сохранение страны в ее нынешних границах. Аналогичный тезис был заявлен Д. Рогозиным, представителем РФ в НАТО, и в отношении Грузии: если эта страна «и войдет в НАТО, то только той территорией, которой была ограничена проведением референдума о присоединении к альянсу»⁷. Итоги военных событий августа 2008 года наглядно подтвердили это.

Проблем здесь сразу несколько. Первая состоит в том, что эти заявления и формируемые на их основе образы снабжают украинскую и грузинскую публику дополнительными аргументами о том, почему этим странам нужно вступление в НАТО и во все другие структуры, участие в которых России не предусмотрено.

Вторая проблема касается того, что на этом дискурсивном фоне весьма спорно смотрится позиция Москвы в отношении самопровозглашения независимости Косово. Жесткость оппозиции российской дипломатии попыткам расколоть суверенные государства и вычленив из их состава «мятежные территории» размывается и даже дезавуируется откровенными симпатиями к вставшим на путь сепаратизма Абхазии и Южной Осетии. С февраля по август 2008 года Россия пыталась сыграть роль государства, приверженного принципам международного права, однако достаточно быстро отбросила эти попытки как не принесшие практических плодов. Видимо, сознавая уязвимость своей политики в отношении Абхазии и Южной Осетии в свете недавнего сопротивления признанию Косово, Москва очень осторожно использовала ссылки на «косовский прецедент», который, согласно логике Кремля, не связан строгой причинно-следственной связью с позицией Москвы в отношении Сухума и Цхинвала.

В-шестых, некоторые официальные деятели России, включая Д. Рогозина, полагают, что «Украина и Россия – практически одна нация»⁸. Известно, что аналогичным образом высказывался и В. Путин. Важно отметить, что эти заявления являются прямым отзвуком ряда идей одного из интеллектуальных лидеров современного российского консервативного национализма Е. Холмогорова. В их числе концепции (а) «прагматического ирредентизма» (Россия должна оставить за собой право на патронаж русскоговорящих сообществ в бывших республиках СССР); (б) «дочерней» (то есть вторичной) государственности стран «ближнего зарубежья» и (в) «технических» (то есть условных и непостоянных) границ РФ с этими странами, включая Украину и Грузию⁹.

Такая позиция, опять-таки, неустрашимо двойственна. С одной стороны, она смотрится весьма агрессивно и наступательно. Концепция «осажденной крепости» и вытекающее из нее неизбежное деление на «наших» и «чужих» (при явном преобладании последних) лежит в основе многих действий России на международной арене. Но, с другой стороны, здесь же обозначаются и пределы секьюритизированного взгляда на Украину как на страну, которая, якобы, представляет собой некую угрозу для интересов России: в словах Е. Холмогорова можно увидеть косвенное признание близости России и Украины как родственных друг другу стран. Аналогичным образом обстоят дела и в отношении Грузии: дискурс вражды к правящему в ней режиму, достигший своего пика в августе 2008 года, постоянно встречается с контрдискурсом культурной близости двух стран и неразделимости их исторических судеб, что представляет собой мощный фактор, играющий против секьюритизации Грузии официальной Россией.

⁷ Рогозин Д. НАТО – не брюссельская капуста // Трибуна. 2008. 28 марта. № 11 (10206). С. 11.

⁸ Аргументы и факты. 2008. № 14. С. 13.

⁹ Холмогоров Е. Защитит ли Россия Украину? Москва: Европа, 2006. С. 149.

В-седьмых, в информационной позиции, которую занимает Россия, особенно в контексте августовского военного конфликта с Грузией, есть и еще одно уязвимое место: речь идет о массовом использовании исторических параллелей. Дело не в том, что они возникают (это неизбежно), а в том, что лица, занимающиеся информационной политикой, исходят из презумпции о том, что любая историческая аналогия будет автоматически работать и приносить тот эффект, который в нее вложили. Вот лишь один пример: М. Саакашвили неоднократно сравнивался с И. Сталиным (об этом прямо заявил директор Института истории РАН А. Сахаров, а в неоднократно повторяемом по РТР ролике делался акцент на то, что Михаил Николаевич родился в один день с Иосифом Виссарионовичем).

В этом языковом регистре И. Сталин маркируется как негативный персонаж, тогда как Э. Кокойты, который сравнил оборону Цхинвала со Сталинградом, упоминается в прямо противоположном смысле. Как же будут работать исторические сравнения с учетом того, что И. Сталин является одним из лидеров интернет-проекта «Имя России»? При этом параллельно была запущена и другая метафора. М. Саакашвили предстал в ней уже в роли «сегодняшнего Гитлера», что еще больше запутало ситуацию: зрителям фактически предложили выбрать из двух антагонистов, Сталина и Гитлера, того, с кем бы они могли идентифицировать нынешнего грузинского президента. В том же сумбурном контексте вспоминали и Л. Берия, и сержанта И. Кантария, водрузившего советский флаг над рейхстагом, в результате чего палитра ассоциаций, предлагаемая не искушенным в истории российским гражданам, оказалась вычурно пестрой и постмодернистски разнообразной.

Заключение

Наш анализ логично было бы завершить вопросом о том, появление какой России как международно-политического субъекта означает и возвещает тот дис-

курс, который сформировался в отношении Украины и Грузии? В самом общем виде можно увидеть, что представления о России как о рационально действующем субъекте, способном на долгосрочное стратегическое планирование своих действий в мире, можно поставить под большое сомнение. Россия, формирующая собственную международную субъектность, находится на перепутье, а ее позиция буквально напигигована многочисленными противоречиями и не отличается последовательностью.

Аналогично, было бы большим преувеличением характеризовать Россию как международного игрока, приверженного исключительно реалистическим принципам ведения внешней политики. Как мы показали, Realpolitik Москвы дополняется попытками (возможно, не всегда удачными) альтернативных подходов, включая либеральный редукиционизм (признающий прямую зависимость внешней политики от внутренней), столь же либеральный универсализм (симпатизирующий попыткам выработать некие общие «правила игры», обязательные для соблюдения всеми), а также нормативизм (то есть стремление формулировать свои внешнеполитические аргументы на языке ценностей и принципов).

Россия, таким образом, пытается говорить сразу на нескольких языках и варьировать различные аргументы, экспериментально стараясь понять степень эффективности каждого из них. Конечно, такая дискурсивная стратегия затрудняет понимание того, какого типа международный субъект представляет собой «медведевско-путинская» Россия. На поверхности лежит то, что Кремль демонстрирует высокую чувствительность к любым попыткам маргинализировать Россию, указать ей на ее вторичное положение, вывести ее из числа «нормальных» стран. Понятно и то, что основная дискурсивная борьба ведется вокруг определения границ «международного (со)общества» и его содержания.

Но итоги военного конфликта на территории Грузии и последовавшего за ним серьезного обострения российско-украинских отношений не столько дали ответ на какие-то вопросы, сколько обозначили новые дилеммы. Идет ли речь о присоединении Южной Осетии к России? Если да, то в качестве отдельного субъекта Федерации или объединенного с Северной Осетией? Если верно последнее предположение, то как будет организовано слияние двух частей одного разделенного народа в организационном плане? Если о включении Южной Осетии в состав России речь не идет, то каков будет статус этой территории – протекторат, некое подобие «ассоциированного членства» или «заморской территории» (как во Франции)? Но главное: будет ли Россия стратегически ориентироваться на нормативную модель своей внешней политики (с общими правилами игры и принципами поведения в мире), или же – что не исключено – она почувствует вкус к иной модели, описываемой скорее в категориях К. Шмитта, то есть основанной на суверенных (и в силу этого – сингулярных, единоличных и даже эксклюзивных) актах власти, включая решения о признании, наказании, применении силы и т.д. Пока нетрудно увидеть, что в российской политике есть и то, и другое.

Думается, события августа 2008 года поставили перед российскими экспертами именно эту проблему: мы хотим интегрироваться в это международное сообщество, несовершенное по своей природе, спорное с точки зрения универсальности свои норм, противоречивое в плане двойных стандартов и т.д.? Или – это теоретически могло бы стать альтернативной стратегией – мы хотим идти по пути «блестящей изоляции», дистанцируясь от большинства международных институтов как несправедливых и, возможно, дискриминирующих Россию? Или же мы готовы пойти по пути создания другого «международного сообщества», где Россия чувствовала

бы себя комфортно и неуязвимо (на базе Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества или каких-то других организаций)? А, может быть, есть еще одна стратегия – превратить само понятие «международное общество» в химеру, анахронизм (в худшем случае) или (в лучшем) эвфемизм, который скрывает растущую хаотичность (и, следовательно, асоциальность) самой ткани мировой политики?

Вопросы остаются открытыми, и эта очевидная неопределенность во многом связана с тем, что Россия испытывает серьезный дискомфорт от произошедшей в результате военной операции против Грузии двойной смены ролей. Во-первых, Россия, которая до этого всегда говорила о том, что она не будет давать симметричного ответа на действия США (в том числе в Косово), фактически дала именно такой, симметричный ответ. Во-вторых, теперь российский, а не американский президент говорит: территориальная целостность – это важно, но в конкретной ситуации реальность такова, что жить по нормам не получается. Здесь наметилось какое-то созвучие с традиционной для западных политиков позицией о том, что «каждый случай надо рассматривать отдельно», но все равно сложно избавиться от ощущения той же парадоксальной симметрии: и Россия, и страны Запада просто запутались в том, что касается соотношения единичного и всеобщего, нормы и исключения. А ведь именно от этого зависит будущий язык коммуникации между ведущими державами мира, особенно в плане того, что понимается под демократией, свободой, ценностями, силой, цивилизацией. Сама постановка этих вопросов требует выхода за пределы территориально ограниченного взгляда на отношения России со своими соседями и начала дискуссий о более глубоких, структурных тенденциях мировой политики, которые лишь отчасти могут моделироваться и тем более управляться даже самыми крупными государствами планеты.

Олег Германович Румянцев,
кандидат юридических наук,
президент Фонда конституционных
реформ, в 1990–1993 годах –
народный депутат РФ, член
Верховного Совета РФ,
ответственный секретарь
Конституционной комиссии

Политический кризис и конституционная реформа в январе – апреле 1993 года

Свидетели и исследователи не раз отмечали поразительную ассоциативность словосочетания «девяносто третий год», прежде вызывавшую в памяти трагические события Великой французской революции. Ровно двести лет спустя столкновение «видений и призраков» (по В. Гюго) двух эпох и мировоззрений повторилось в реформируемой Российской Федерации. После романтического подъема 1990 года, переломного 1991-го, трудного созидательного 1992-го, 1993-й стал годом не только политического тупика, но и принятия новой Конституции Российской Федерации, давшей перспективы выхода из кризиса государственной власти и конституционного коллапса. Но каким же трудным был путь к новой Конституции!

В предшествующие годы конституционный процесс шел по нескольким направлениям, которые сменяли друг друга, пересекались, «высекая искры», но сохранялось поступательное движение масштабной конституционной реформы как относительно устойчивой константы развития и фактора обновления правовой политики государства. Путем легитимного принятия актов конституционного законодательства создавались и развивались принципиально новые конституционно-правовые институты. Ставились и решались, хотя весьма противоречиво, задачи экономической реформы. В сжатые исторические сроки шло формирование базовых условий для становления в Российской Федерации конституционного строя и современного эффективного демократического, правового, федеративного,

социального государства со сбалансированной республиканской формой правления.

В 1993 году действия на конституционном поле привели к группированию противоборствующих сил вокруг исполнительной и законодательной ветвей власти и обострению конфликта между ними, признаки которого проявлялись уже с весны 1992 года. Это была борьба за власть, в основе которой лежали политические, экономические и социальные интересы. Стороны подерживали нормотворческую либо «политическую» составляющую реформы в зависимости прежде всего от мировоззренческой основы, собственного правосознания и субъективного представления об общественно приемлемых методах достижения заявленных целей. Но не все происходило по сугубо политическим причинам. За каждым вариантом действий стоял свой социальный проект, отвечавший определенному социальному заказу. Борьба вокруг высшего законодательного (конституционного) закрепления избранного нового экономического пути – рыночной экономики – в каком-то смысле как «базис» определяла многое.

Напомним основные вехи конституционного процесса в России в 1990–1992 годах:

- принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР;
- создание Конституционной комиссии;
- подготовка, принятие за рабочую основу и опубликование Конституционной комиссией проекта новой Конституции России;
- проведение референдума по учреждению поста Президента РФ; введение в действующий Основной Закон глав (статей) о Президенте РФ, Конституционном Суде (КС) РФ, правах и свободах человека и гражданина;

• принятие пятым Съездом народных депутатов (СНД) РФ решения о делегировании Президенту России указного права по вопросам радикальной экономической реформы;

• подписание Федеративного договора, включение его содержания в Конституцию и начало непростого строительства конституционной Федерации;

• постатейное рассмотрение проекта новой Конституции Верховным Советом (ВС) РФ и его принятие шестым СНД РФ фактически в первом чтении;

• политический компромисс, выработанный совместно Президентом России и седьмым Съездом при участии КС РФ о проведении в апреле 1993 года всероссийского референдума по основным положениям новой Конституции.

Представляется спорной точка зрения, что 1993 год Россия встретила без новой Конституции и четкой перспективы ее утверждения. С одной стороны, условия для конституционного кризиса явно накапливались в испещренной поправками Конституции РСФСР 1978 года, которую руководство Верховного Совета во имя ее «улучшения» превращало, словами В. Зорькина, в «кору дуба, изъеденную жуками»¹. Конституция все больше утрачивала целостный вид. С другой стороны, действующий Основной Закон РФ был уже серьезно реформированным документом, в значительной степени приспособленным к реалиям жизни. Среди крупных задач нерешенными оставались уточнение формы правления, переход к двухпалатному парламенту с верхней и нижней палатами, вопрос собственности на землю.

Это был, словами Б. Ельцина, переходный, промежуточный конституционный порядок, «непосредственно следующий за ушедшим социалистическим порядком и являющийся колыбелью нового конституционного строя»². Кон-

¹ Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 13.

² См.: Девятый (внеочередной) СНД РФ, 26–29 марта 1993 года: Стеногр. отчет. М., 1994. С. 23.

ституция была весьма подвижной. Нельзя не вспомнить мнение Конституционного Суда РФ и его председателя В. Зорькина, что причина конфликта заключалась не только и не столько в тексте Конституции, сколько в реальной способности властей жить по Конституции³.

Перспектива законного и легитимного завершения конституционной реформы существовала. Она была задана решениями первого (июнь 1990 года) и седьмого (декабрь 1992 года) Съездов: референдум по основным положениям проекта новой Конституции с последующим ее принятием на Съезде народных депутатов РФ. Другое дело, что она не была в достаточной степени конкретизирована вплоть до 29 апреля 1993 года, дня запоздалого принятия ВС РФ Постановления «О завершении работы над проектом Конституции Российской Федерации».

1993 год довольно четко разделился на три равных трети.

I. Первые четыре месяца с января по апрель были связаны с интенсивной подготовкой к всероссийскому референдуму – во исполнение компромисса, достигнутого на седьмом СНД РФ. В марте восьмой Съезд вынужденно отменил референдум по основным положениям новой Конституции РФ, а девятый – согласился с его проведением для выяснения степени доверия Президенту и депутатам, тогда уже повсюду обвинявшим друг друга в «антиконституционном перевороте». Голосование 25 апреля 1993 года не разрешило политического кризиса, но полученное Президентом доверие было позже использовано для завершения противостояния с большинством избранного в 1990 году депутатского корпуса. Период заканчивается представлением и публикацией президентского проекта Конституции и переходом конституционной инициативы от парламента к Президенту.

II. В последующие четыре месяца, в мае – августе, внимание общества было приковано к публичному состязанию двух государственных проектов Конституции РФ – проекта Конституционной комиссии и проекта, предложенного Президентом России. В соответствии с Указом приступило к работе Конституционное совещание при Президенте, созыв которого мог стать формой реализации идеи седьмого Съезда о «круглом столе», однако в полной мере этого достичь не удалось. Верховный Совет принял ряд решений о порядке принятия новой Конституции Съездом в ноябре 1993 года. Доработка проектов в Конституционной комиссии и Конституционном совещании вела к сближению их положений. В итоге текст, принятый 12 июля на Конституционном совещании, имел много общего и с идеями, и с текстом Конституционной комиссии, хотя основой оставался текст президентского варианта, особенно в части слишком широких в сравнении с тем, что принято в демократических конституционных системах, полномочий Президента РФ и его особого положения в системе органов государственной власти РФ.

III. Заключительный период длился с сентября по декабрь. Если в августе Президентом РФ и Советом глав республик активно прорабатывался вопрос о создании Совета Федерации взамен Съезда и Верховного Совета, то в сентябре роспуск последних не заставил себя долго ждать. 8–14 сентября еще велась работа по срочному согласованию двух проектов Конституции в рамках созданной Председателем Конституционной комиссии РФ Б. Ельциным обновленной Рабочей группы. Но 21 сентября Президент во имя завершения «поэтапной конституционной реформы» издал указ № 1400. Политический взрыв достиг апогея 3 октября и повлек «наведение конституционного порядка» чрез-

³ См., напр.: Выступление Председателя КС РФ Зорькина В.Д. 26 марта 1993 года о неотложных мерах по сохранению конституционного строя РФ и его ответы на вопросы. Девятый (внеочередной) СНД РФ, 26–29 марта 1993 года: Стенографический отчет. М., 1994. С. 23–40.

вычайными мерами. В октябре и начале ноября проект Конституции прошел окончательную доработку под эгидой Президента РФ и был принят 12 декабря путем всенародного голосования.

Посмотрим, что же происходило в первой трети того критического и памятного для свидетелей, но остающегося для новых поколений в тумане недосказанного года. Поскольку автор был непосредственным образом вовлечен в перипетии конституционного процесса, данная статья частично носит мемуарный характер, хотя из-за ограниченного объема многое приходится упоминать «скороговоркой».

С начала года усилия Конституционной комиссии были сосредоточены на вопросах референдума по основным положениям проекта Конституции. Усилия не только законотворческие. К тому времени Комиссия приобрела значительный политический вес, особенно в пограничных между политикой и правом вопросах. Создание Конституции, да еще в переломный для страны период, не могло быть свободным от политики. Это был одновременно правовой и политический процесс.

Референдум поначалу представлялся удачным способом разрешения конфликта вокруг новой Конституции. Рабочей группой Конституционной комиссии был доработан представленный ею в последний день седьмого СНД РФ проект⁴. Предлагалось вынести на референдум политико-правовой текст основ новой Конституции из 10 положений. Мы искренне желали, чтобы эти основы были восприняты обществом как объединяющие нацию, конституционализм стал национальной идеей, а проект принятия и реализации Конституции – общенациональным проектом.

Представлялось важным, чтобы краеугольные устои конституционного

строения были восприняты и проголосованы в их совокупности: если хоть один из них убрать, нарушалась бы цельная и стройная система конституционных принципов. То, что эти положения представляли, по сути, цельный раздел новой Конституции, было плюсом. Будучи принятым на референдуме, раздел обеспечивал бы защиту остального текста от искушения вносить в него противоречащие основам поправки. Но были и минусы. Прежде всего, определенная сложность текста. А также неконфронтационность (казавшаяся его создателям плюсом), воспринятая в штыки теми, кто видел в референдуме способ достижения безоговорочной политической победы над оппонентами.

Рабочая группа предложила включить в перечень вопросов референдума один политический вопрос – о досрочных выборах Президента и высшего законодательного органа государства, – чтобы задать перспективу конституционному процессу, увязать последовательность таких шагов, как проведение референдума, принятие избирательного кодекса, избрание нового парламента, принятие новой Конституции РФ. Путь к ней не был быстрым или легким, но представлялось принципиально важным, чтобы он был правильным – т.е. конституционным и законным, закладывающим солидную основу в виде гражданского согласия, нарабатываемого в ходе демократических процедур, легитимной практики созидания новых органов государственной власти и самого нового Основного Закона. Исследователи еще долго будут пытаться понять: а был ли возможным рациональный, правильный путь к новой Конституции при расколе в обществе и власти?

Вопрос о референдуме был вынесен на обсуждение пленарного заседания Конституционной комиссии 12 января, которая приняла план действий по завершению выносимого на референдум текста. Было поддержано предложение

⁴ См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Кн. 2. Т. 3 «1992 год». С. 794–797.

заместителя Председателя Комиссии Н. Рябова, которое предусматривало создание альтернативных проектов основных положений Конституции с последующим их обсуждением в общественных и политических кругах и кампаний по разъяснению выносимых на референдум вопросов. Не прошел предложенный членом Комиссии В. Исаковым пункт о назначении на 15 марта внеочередного СНД РФ. Вопрос о том, где и как должна приниматься Конституция – на Съезде, Учредительном собрании или всенародном референдуме, так и не нашел решения на Комиссии.

Представляя проект основных положений Конституции, автор этих строк обратил внимание коллег на обязательность трех направлений его согласования – между ветвями власти, основными общественно-политическими силами России и между федеральным центром и субъектами РФ, – требовавших самой серьезной работы. С регионами согласие было призрачным, да и в политических кругах в центре надежд на его достижение оставалось немного. Январь и февраль были отмечены беспрецедентными переговорами по всем направлениям.

Референдум готовился в сложной обстановке реформы федеративных отношений. Ни один регион не мог твердо обещать, что за оставшиеся три месяца успеет подготовиться к референдуму, в ряде субъектов РФ были условия для его игнорирования. Поездки членов Конституционной комиссии в регионы явно не хватало для обеспечения вовлеченности их руководителей в обеспечение референдума.

По мнению советника Президента РФ С. Станкевича, российские автономии были готовы принять в нем участие при условии, если сами местные власти не будут переизбираться. Однако поступала и другая информация – об угрозе срыва голосования там, где зрело недовольство, что подписание Федеративного договора не привело к быстрому превращению России в договорное образование⁵.

Ожидания сторонников договорной Федерации не оправдывались, им было из-за чего переживать, и в течение 1993 года они не сидели сложа руки. Неурегулированность отношений с рядом субъектов Федерации на фоне продолжавшегося бездействия федеральных органов государственной власти вынудили автора этих строк сначала предложить перенести референдум на 12 июня, а позже предположить, что он вообще будет отменен⁶.

Референдум мог стать общегосударственным способом преодоления правового сепаратизма и подтверждения государственного единства, если бы не слабость федеральной власти, парализованной продолжавшимся сведением счетов между политическими флангами. На прошедших одновременно с заседанием Конституционной комиссии парламентских слушаниях по вопросу о конституционном устройстве России, организованных движением «Демократический выбор», некоторые их участники (лидер фракции «Радикальные демократы» в ВС РФ С. Юшенков, адвокат А. Макаров, н.д. РФ Г. Якунин и др.) заявили, что готовы представить Б. Ельцину свой вариант вопросов для

⁵ В 1992–1993 годах сохранялись опасения, что подписание Федеративного договора сделает Россию договорным образованием, что ослабило бы единство государства. В действительности же получилось наоборот. Ценность и парадокс Федеративного договора как раз в том, что его подписание в том виде, к которому привел непростой компромисс с участием Совета национальностей ВС РФ и Конституционной комиссии, сумевшей сыграть роль здорового противовеса, в тех исторических условиях не подхлестнуло, а предотвратило сползание России к договорному образованию. В известной мере оно даже повернуло этот процесс вспять, несмотря на последующую временную сдачу некоторых позиций по чисто властным, политико-тактическим мотивам (например, в плане подготовки законопроекта о механизме реализации Федеративного договора, создания Совета Федерации и т.п.). Без Федеративного договора и достижения договоренностей все могло развалиться в одностороннем порядке по каждой республике, автономии, как это случилось в СССР.

⁶ Пресс-конференция Парламентской коалиции реформ // РТР. Вести. 20.01.1993. 23:00.

апрельского референдума⁷ и категорически не согласны на отсрочку его даты.

Для поиска компромисса обратились к идее «круглого стола» политических сил. Р. Хасбулатов и В. Черномырдин в порядке реализации решения седьмого Съезда подписали беспрецедентное совместное постановление Президиума ВС РФ и Правительства РФ об организации «круглого стола» для выработки рекомендаций к программам антикризисных мер и развития реформ. Этот шаг соответствовал духу времени, эпохи реального, а не выращаемого лабораторным путем политического плюрализма и незаданной многопартийной состязательности. Первая встреча за «круглым столом» прошла в середине января по вопросу о соблюдении условий конституционного компромисса. Принципиальные соперники – консолидирующиеся блоки («Демократическая Россия», Фронт национального спасения, набиравший силы центристский «Гражданский союз») имели серьезные расхождения по вопросу о роли СНД РФ, досрочном прекращении полномочий Съезда и досрочных выборах. Попытки собрать «круглый стол» натолкнулись на позицию лидеров демократов; в отличие от лидеров других 30 общественных организаций и политических партий они не приняли участия ни в первой, ни в последующих (февральских) встречах «круглого стола», по своему поняв решительное слово Президента: «Мы не имеем право проиграть референдум».

На 29 января в Конституционную комиссию поступило 10 вариантов проекта «Основных положений новой Конституции Российской Федерации». Рассмотрев их, Рабочая группа выработала обобщенный вариант и внесла его на рассмотрение Президиума ВС РФ,

который и утвердил содержательный перечень основных положений новой Конституции РФ.

Это был значимый шаг на пути к оптимальному варианту Конституции и разрешению политического конфликта. Если бы Россия проголосовала за предложенный документ, возможно, она обрела бы новую Конституцию гораздо раньше и с меньшими жертвами. Хотя Президиум, строго говоря, не имел статуса, позволяющего ему что-то «утверждать», кроме чисто организационных мероприятий внутри ВС, данное постановление открывало дорогу к поддержке предложений Конституционной комиссии на самом Верховном Совете. Предыдущую такую поддержку Президиум ВС РФ оказал Комиссии 28 сентября 1992 года, в вопросе о конституционных реформах в республиках в составе РФ.

Но тогда, в феврале – марте 1993 года, Верховный Совет не поддержал предложения Конституционной комиссии. Это случилось критически позже, лишь 29 апреля 1993 года – в день, когда в Кремле Президент РФ уже официально представлял свой проект Конституции Российской Федерации...

По поручению СНД РФ предстояло получить согласие Президента РФ на проект Основных положений. Для обсуждения документа на 9 февраля было назначено пленарное заседание Конституционной комиссии с участием ее председателя Б. Ельцина.

Перед заседанием Б. Ельцин и Р. Хасбулатов провели встречи каждый со своей «вертикалью власти»: Президент – с Советом глав республик, а Председатель ВС РФ – совещание с председателями Советов народных депутатов регионов (названное «семинаром»), потому что никакой «вертикали власти» по отношению к Советам на ме-

⁷ Речь шла о семи пунктах: о компетенции каждой ветви власти, о праве народа на референдум по любому конституционному вопросу, о двухпалатном парламенте (а не СНД) как основе законодательной власти, о прямых выборах Президента, назначении им всей исполнительной вертикали и участии Президента в формировании высших органов судебной власти РФ, о созыве Конституционного собрания как органа, принимающего Конституцию, о неприкосновенности собственности и о частной собственности на землю.

стах Председатель ВС юридически уже не имел).

На встрече с Ельциным вопрос референдума обсуждался совместно с вопросами о механизме реализации Федеративного договора и внешнеполитической деятельности субъектов РФ. Совет глав республик показывал, что он явно перерос свой консультативный статус. Основная атака была развернута на проект положений новой Конституции, поддержанный Президиумом ВС РФ. Было, в частности, заявлено, что Конституционная комиссия «фактически узурпировала работу над проектом новой Конституции России» – явная реакция на принципиальную позицию Комиссии по вопросу об односторонних нарушениях рядом субъектов РФ норм Основного Закона РФ и настойчивые предложения о принятии закона о механизме выполнения решений КС и ответственности за их невыполнение.

Главы республик обратились к Б. Ельцину, Р. Хасбулатову и В. Зорькину с заявлением о «нецелесообразности проведения в настоящее время всероссийского референдума об основных положениях Конституции РФ». И были услышаны руководителями федеральной власти. Для Б. Ельцина становились очевидными тактические преимущества альянса с лидерами субъектов РФ. В. Зорькин предложил найти согласительную формулу, на которую бы опирались и Президент, и Верховный Совет, и судебные власти, с тем, чтобы «уйти» от референдума по основам новой Конституции России. Чуть позже, 15 февраля, его поддержали и участники «круглого стола».

После общения с представителями субъектов Федерации на заседание Конституционной комиссии 9 февраля Б. Ельцин пришел явно не в настроении. Взяв предлагаемый проект Основных положений, он пробежал глазами первый абзац и произнес: «Конституция – высший закон страны. Да это каждому ребенку ясно!» Позже он сказал это и в своем выступлении. Между тем

разработчики искренне верили в столь ключевой для правового государства тезис и особую значимость всенародного голосования за него, тем более в контексте с другими основами конституционного строя! Вскоре Ельцин покинул пленарное заседание Комиссии, оно стало последним, которое прошло под его председательством.

Но перед этим Ельцин внес ряд предложений, самым значимым из которых стало предложение участникам согласительной комиссии – председателям ВС, КС и Правительства – вновь собраться и «пообсуждать вопрос конфликта», ибо «нет никакой другой более эффективной формы» его разрешения. Эта инициатива сразу же получила развитие – началась подготовка «конституционного соглашения» для стабилизации конституционного строя.

На следующий день после заседания Конституционной комиссии на «круглом столе» Президенту РФ было рекомендовано выступить с законодательной инициативой, которая может быть оформлена как заявление руководителей трех ветвей власти о конституционном соглашении. 15 февраля к встрече высших должностных лиц РФ Рабочей группой Комиссии были подготовлены «Согласованные предложения по укреплению и развитию конституционного строя РФ». В них, в частности, содержались пункты об отмене референдума, созыве в марте восьмого СНД РФ «для юридического оформления согласованных предложений» и пункт о принятии новой Конституции РФ. Предлагалось в ноябре созвать Съезд, посвященный вопросу о принятии новой Конституции РФ, где и утвердить ее согласованный текст. Рабочая группа считала, что именно Съезд должен и сможет принять Основной Закон. Предложения эти были использованы Комитетом ВС РФ по законодательству в подготовке проекта закона «Об изменениях и дополнениях в Конституцию (Основной Закон) РФ» как основы возможного соглашения между Президентом и Верховным Сове-

том. В ответ на эти предложения Б. Ельцин 23 февраля направил депутатам свой вариант.

Однако ответ на вопросы, как обеспечить стабилизацию обстановки в стране, согласованную работу ветвей власти и что делать с неотвратимо приближающимся референдумом, виделся по-разному.

Сторона Президента двигалась в направлении решения о роспуске Съезда. Соратники Ельцина были убеждены, что конституционно-правовое закрепление монополии СНД РФ и ВС РФ на государственную власть дестабилизирует конституционный строй России, обостряет политическую обстановку в стране и что внесенные седьмым Съездом изменения резко эту монополизацию усилили в нарушение таких незыблемых основ конституционного строя, как народовластие и разделение властей.

Проблема соотношения ст. 104 и 109, которые закрепляли полномочия Съезда и Верховного Совета, с теми статьями Конституции, в которых закреплён был принцип разделения властей (ст. 1 и 3), существовала. Но существовал и серьёзный настрой разрешить это противоречие. С тем же, что эту норму надо из новой Конституции в любом варианте устранять, никто, кроме ярых «фундаменталистов», не спорил.

Оппоненты возражали, что Съезд выступает в качестве нормального конституционного противовеса Президенту. И действительно, пресловутую ч. 2 ст. 104 Конституции о том, что Съезд «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации», СНД применил всего лишь один раз – и то в пользу реформы, делегировав в ноябре 1991 года на пятом Съезде Президенту указное право для ускорения экономических преобразований.

В Верховном Совете в каком-то «угаре юридикзма» обращали внимание на

противоречия предложенного «конституционного соглашения» Конституции. И это несмотря на то, что ключевые постановления СНД РФ имели тогда очевидную «законопредварительную» (по удачному выражению А. Белкина) природу и по определению нормам действовавшей Конституции соответствовать не могли.

К марту достигнутое на седьмом Съезде хрупкое перемирие было разрушено. Стороны шли к очередной схватке; главной целью созыва восьмого Съезда для критиков Ельцина было «остановить начавшийся государственный переворот, предотвратить его дальнейшее развитие»⁸.

На фоне жестокого кризиса безвластия и клинча федеральных органов государственной власти потенциальный неуспех референдума угрожал уже самой российской государственности. Нарастало брожение в регионах, становилась все явственнее опасность включения отдельными республиками в вопросы предстоящего референдума дополнительных вопросов для голосования и повторения судьбы союзного референдума марта 1991 года. В связи «с крайне тревожной обстановкой в стране» 73 руководителя представительных органов власти субъектов Федерации (потом к ним присоединятся и остальные главы регионов) после совещания в Доме Советов РФ обратились 6 марта к СНД РФ: «С учетом того, что неподготовленный референдум может привести к развалу России, к непредсказуемым последствиям», «... признать проведение его не просто нежелательным, но вредным и опасным. Если референдум будет назначен по чьей-либо инициативе, но не состоится по причине неявки граждан РФ, инициаторы должны уйти в отставку (распущены)»⁹.

Президент не представил своих замечаний и предложений по направленно-

⁸ См.: Исаков В.Б. Государственный переворот. Парламентские дневники 1992–1993. М.: Палая, 1995. С. 289.

⁹ См.: Из истории создания Конституции РФ. Кн. 1. Т. 4 «1993 год». С. 681.

му ему на согласование еще 29 января проекту выносимых на референдум основных положений новой Конституции. 7 марта он направил в ВС РФ свой вариант вопросов для голосования (через два дня прислав уточнения). Итак, требуемого согласия по основным положениям проекта новой Конституции достигнуто не было, и, в соответствии с Постановлением седьмого СНД РФ от 12 декабря 1992 года «О стабилизации конституционного строя РФ», на референдум должны были выноситься альтернативные формулировки.

Большинство представителей партий, принимавших участие в консультативном совещании и встречах с Президентом России, как уверяли в его Администрации, поддерживали президентский вариант конституционного соглашения и вопросов референдума. Накануне восьмого Съезда 9 марта за «круглым столом» наконец удалось собрать представителей всех основных политических блоков, заполнявших политическую «площадку» России, и принять совместное обращение к Съезду и Президенту с призывом воздержаться от любых действий, попирающих Конституцию, а также о недопустимости попыток как вовлечь в конфронтацию силовые структуры, так и создать параллельные силовые структуры.

«Третья сила», каковой уже стали руководители республик, тоже провела 9 марта свою встречу с участием Президента РФ. Совет глав республик наращивал влияние по мере того, как заходила в тупик ситуация в высших органах федеральной государственной власти; обращаться к нему за поддержкой становилось обычной практикой для Президента России. Какой же выход был предложен этим новым альянсом? Было реанимировано предложение из политического заявления глав республик, сделанного на седьмом СНД РФ в декабре 1992 года, – заменить

Конституционную комиссию органом по выработке закона о механизме реализации Федеративного договора.

Обращение к Федеративному договору в этом случае становилось как бы новой идеологией строительства Российской Федерации. При этом в нем подчеркивались те позиции, которые превращали его в договор, а закон о его реализации – в ядро новой Конституции¹⁰. Это означало бы изменение принципов конституционного строительства России и ставило под сомнение стратегию последовательной конституционной реформы в РФ, реализовывавшейся Конституционной комиссией и ее Председателем.

Консультативный орган требовал от федеральной власти приостановить деятельность важнейшей комиссии высшего органа государственной власти России – Конституционной комиссии, возглавлявшейся Президентом и Председателем ВС РФ. По сути, было предложено убрать последнюю легитимную площадку для выработки и осуществления высшими руководителями Федерации согласованной конституционной реформы. Атакуемая справа и слева, сверху и снизу Конституционная комиссия обязана была продолжать взятый курс, несмотря на размежевание внутри ее руководства.

В марте прошло два последних Съезда народных депутатов РФ «мирного» времени, оба внеочередные: восьмой (11–13 марта) и девятый (26–29 марта).

Восьмой СНД РФ наделил Правительство определенными законодательными полномочиями в интересах экономической реформы. Не мог он пройти мимо развернувшейся острой дискуссии о референдуме, которая велась не только в «верхах», но и в обществе, в среде весьма активных тогда еще избирателей. Решающим стало мнение субъектов РФ; 13 марта Съезд признал проведение референдума об основах новой Конституции РФ «в настоящее вре-

¹⁰ Независимая газета. 1993. 10 марта. № 44.

меня нецелесообразным». Критике подвергся курс на формирование нового властного органа из представителей регионов – Совета Федерации.

В ходе Съезда в попытках найти согласие Б. Ельцин многократно обращался к депутатам как устно, так и письменно. По его словам, он «...честно стремился к компромиссу на Съезде и до Съезда. Несмотря на интриги, несмотря на оскорбления, грубость, весь путь был пройден до конца...» Но к далее идущим последствиям привело решение Съезда о «введении в полном объеме статей 109, 110, 121 Конституции РФ», в т.ч. приостановленных в декабре 1992 года поправок, согласно которым «полномочия Президента РФ не могут быть использованы для ... роспуска любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае эти полномочия прекращаются немедленно»¹¹.

Последовала типичная для Ельцина политика, не раз решительно ставившего оппонентов перед фактом, политическая акция: 20 марта Президент выступил с обращением к народу. Это была не просто одна из речей высшего должностного лица, но действия и решения главы государства, который сообщил, что «принял решение, подписал Указ» и публично обнародовал основные его положения: введение особого порядка управления, изменение разграничения компетенции между федеральными органами власти, придание приоритета указам Президента, назначение референдума на 25 апреля самим Президентом РФ, непосредственная подотчетность глав исполнительной власти регионов Президенту и Правительству¹². Примечательно, что в отличие от Конституции Федеративный договор сохранял свою силу и действовал как

составная часть Конституции, ибо, как заявил Президент, «не может быть и речи о каких-либо ограничениях суверенитета республик в составе РФ»¹³.

С запросом о проверке конституционности действий и решений Президента ВС РФ обратился в Конституционный Суд, который рассмотрел 23 марта политический конфликт в свете конституционных норм и установил факт неконституционности действий и решений Президента, но, словно продолжая линию на примирение сторон, воздержался от решения, является ли это основанием для отрешения от должности. В. Зорькин признал, что, «в конечном счете, решает Съезд».

24 марта в послании Верховному Совету о конституционности Президент предупредил: поскольку борьба властей, по сути своей политическая, приняла «юридизированный» облик, он «готов предложить проект новой Конституции», потому что считает, что «затяжка с ее принятием смертельно опасна для российской демократии», и не исключил, что «новая Конституция впоследствии будет дополнена и утверждена Конституционной ассамблеей или новым федеральным парламентом»¹⁴. Президент не рассматривал Съезд как орган, правомочный принять новую Конституцию России.

Б. Ельцин сделал два шага навстречу девятому СНД РФ: предложил поддержать Съездом же принятый в апреле 1992 года проект Конституции РФ (Съезд, к сожалению, проигнорировал эту инициативу) и согласился с идеей проведения досрочных выборов одновременно народных депутатов и Президента РФ.

28 марта на пятое заседание девятого Съезда, после длившейся всю ночь кропотливой согласительной работы, Пре-

¹¹ См.: п. 31 Закона РФ от 9 декабря 1992 года № 4061-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РФ – России, приостановленный “до проведения референдума по основным положениям новой Конституции (Основного Закона) РФ” п. 2 Постановления СНД РФ от 12 декабря 1992 года».

¹² Указ Президента РФ № 379 от 20 марта 1993 года.

¹³ См.: Из истории создания Конституции РФ. Кн. 1. Т. 4 «1993 год». С. 723.

¹⁴ Там же. С. 760.

зидентом, Председателем ВС РФ и главой Правительства при поддержке представителей субъектов РФ и ряда депутатских фракций был совместно внесен проект принципиального Постановления «О преодолении кризиса власти и сохранении конституционного строя РФ», где ключевой п. 2 предусматривал назначение одновременных досрочных выборов народных депутатов РФ в двухпалатный высший законодательный орган государственной власти РФ и Президента РФ на 28 ноября 1993 года, а п. 5 – поручение Верховному Совету подготовить к июню пакет законопроектов, согласованных с Президентом и с субъектами Федерации, для того чтобы обеспечить законодательно и конституционно эти выборы. После обсуждения во фракциях и дискуссии на Съезде большинство депутатов отрицательно отнеслись к предложенным мерам¹⁵ и отвергли проект постановления.

Это была одна из развилок новейшей истории, которую «заведенный» президентским Обращением от 20 марта Съезд проскочил. Большинство депутатов уже думали не столько о перевыборах как единственно нормальном пути выхода из ненормальной ситуации, сколько о немедленном приведении в действие предусмотренных Конституцией механизмов политической ответственности Президента – прекращения его полномочий и отрешения от должности.

История «конституционного соглашения» на этом завершилась, а история конституционного кризиса, увы, нет. Была упущена возможность согласованного шага в сторону мирного развития политического процесса.

Обстановка стала приобретать драматические формы после принятого предложения В. Исакова о включении в повестку дня вопроса об отрешении Президента РФ от должности. Недоб-

рав до импичмента 72 голосов, Съезд ограничился констатацией серьезного нарушения Президентом Конституции и вынужденно вернулся к идее референдума. Но уже не по новой Конституции, а – как и требовал Б. Ельцин на Конституционной комиссии 9 февраля – по нескольким кратким вопросам. Ими по решению СНД РФ стали вопросы о доверии Президенту; об одобрении социально-экономической политики, осуществляемой Президентом РФ и Правительством РФ с 1992 года; о необходимости проведения досрочных выборов Президента РФ и народных депутатов РФ. Несмотря на избыточную критику такого подхода к референдуму, к тому и пришли.

Президент предлагал провести голосование, приглашая избирателей сделать «нравственный и политический выбор». Съезд решил провести референдум. Конституционный Суд не взялся определить консультативный характер двух первых вопросов, оставив простор для последующего парада интерпретаций результатов голосования по ним.

Р. Хасбулатов назвал решения девяттого Съезда народных депутатов правильными и взвешенными. В самых различных уголках России пошли митинги в поддержку Президента с одной стороны и Советов – с другой, митинговая стихия расколола Россию. На Васильевском спуске в Москве 28 марта Ельцин заявил: «Пора компромиссов закончилась!» Старт молниеносной кампании референдума был дан.

Референдум

Всероссийский референдум состоялся 25 апреля 1993 года. Решающими для его итогов, как отмечает в своем фундаментальном труде по истории парламента В. Шейнис, явились «перевес в средствах массовой информации и воздействие на избирателей, которое

¹⁵ Суть возражений изложил член Президиума ВС РФ, член Конституционной комиссии М. Митюков, отметивший, что проект «нас сразу вводит в конфронтацию с Конституцией и законами РФ и тем самым усугубляет кризис власти». См.: Стенограмма от 28 марта 1993 года, девятый Съезд СНД, заседание пятое.

чуть позже получило название административного ресурса»¹⁶.

Активно отстаивавшаяся сторонниками Президента формула ответов по четырём вопросам «ДА-ДА-НЕТ-ДА» была в итоге получена не целиком¹⁷. Однако в виду очевидной патовости ситуации именно эта формула была многогласно названа победной и стала краеугольным основанием для дальнейших действий получившего доверие избирателей Президента в части конституционной реформы. Примечательно высказывание Г. Бурбулиса в день открытия Конституционного совещания в Кремле 5 июня 1993 года: «Я согласен на компромисс в рамках того рубежа, который определен был референдумом 25 апреля... Понимаю я его очень просто: большинство активных избирателей сказали “нет” советской политической системе и сказали “да” новому общественному государственному строю в России»¹⁸.

Теперь мы знаем, что инструментарий референдума помог сторонникам форсирования досрочного роспуска СНД и ВС РФ. Последнее предложение мотивировочной, вводной части Указа Президента РФ от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» гласит: «...основываясь на статьях 1, 2, 5, 121 Конституции Российской Федерации, итогах референдума 25 апреля 1993 года, постановляю...». Отношение же Конституционной комиссии к институту досрочного роспуска органов государственной власти через референдум было отражено в подготовленном Комиссией проекте

Конституции: «Посредством референдума РФ не могут ...решаться вопросы о... прекращении полномочий органов государственной власти Российской Федерации, их должностных лиц...» (ч. 1. ст. 90)¹⁹.

Между тем трудно отрицать тот факт, что значительная часть выказавших здравомыслие активных избирателей хотела проведения досрочных выборов как народных депутатов (свыше двух третей участвовавших в референдуме), так и Президента РФ (практически половина принявших участие в голосовании, 49,5%, при этом «нет» новым выборам сказало меньшее количество – 47,1%). Однако формально вопрос решен не был. Для конституционного процесса референдум означал то, что Съезд народных депутатов может принять новую Конституцию; мандата на его роспуск большинство избирателей не дало. Строго говоря, никакого другого законного органа для принятия Конституции, кроме как СНД РФ, не было. А конституционную реформу следовало довести до логического конца в полной неопределенности ситуации.

Два проекта Конституции

Итак, инструментарий референдума был апробирован уже вторично за два года. Поскольку набор сильнодействующих средств в арсенале был ограничен, следующим неизбежно стал проект Конституции РФ.

Уже 27 апреля заместитель Председателя Правительства РФ С. Шахрай сообщил, что Президент намерен в ближайшее время обнародовать свой

¹⁶ Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 2. С. 292.

¹⁷ Результаты голосования: 58,7% от принявших участие в референдуме доверяли Президенту РФ, 53% – одобрили проводившуюся с 1992 года Президентом и Правительством РФ социально-экономическую политику; 31,7% от общего числа избирателей сочли необходимым проведение досрочных выборов Президента РФ и 43,1% – проголосовали за досрочные выборы народных депутатов РФ. Разница в порядке подсчета голосов была вызвана решением КС РФ от 21 апреля 1993 года, из которого следовало, что первый и второй вопросы референдума могли решаться большинством от проголосовавших, тогда как третий и четвертый вопросы – в соответствии с постановлением девятого СНД РФ – большинством голосов от числа внесенных в списки избирателей.

¹⁸ ОРТ. Красный квадрат. Дата выпуска: 05.05.1993. 17:55.

¹⁹ Проект Конституции РФ (подготовлен Конституционной комиссией) // Конституционный Вестник. 1993. № 16. С. 45.

проект Конституции. Официально это было сделано 29 апреля в Кремле на совещании руководителей республик, глав администраций краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга – по сути дела, заседании Совета Федерации. Представляли проект Б. Ельцин, выступавший «не только как Президент, но и как Председатель Конституционной комиссии» и земляк Президента, охарактеризованный им как «крупнейший наш ученый-правовед», С. Алексеев.

Проект был разработан группой, куда помимо С. Алексеева входили С. Шахрай и А. Собчак; за основу, как утверждали тогда участники группы, был взят проект Алексеева – Собчака, но в текст перед представлением были включены положения из написанного ранее проекта группы Шахрая. С. Алексеев воздал должное проекту Конституционной комиссии, признав, что при работе над президентским проектом «...было взято все самое ценное, что имелось в предшествующих проектах, и я заявляю с полной уверенностью, что за основу в ряде случаев были взяты и идеи проекта, который был одобрен Съездом народных депутатов. И я как профессионал должен сказать им спасибо, потому что они были пионерами. Они первые сказали слово, демократическое слово конституционного развития»²⁰.

Представленный проект явно носил приметы времени. По причинам борьбы с конституционным двоевластием в нем отсутствовали признаки концепции равновесия властей, была усилена власть Президента и ослаблена власть парламента. Включение Федеративного договора в качестве отдельного второго раздела и расширение прав республик («первоначальных носителей суверенитета») в будущем парламенте выглядели как откровенная тактическая уступка главам субъектов за ожидаемую от них поддержку.

Подстегиваемый ходом событий Верховный Совет в тот же день, 29 апреля, принял Постановление «О завершении работы над проектом Конституции Российской Федерации» – подготовленный в Конституционной комиссии четкий план конституционного процесса на предстоящие семь месяцев. Недосказанностей не было. Конституционной комиссии поручалось завершить до 20 мая доработку и согласование проекта основных положений новой Конституции, обсудить их на парламентских слушаниях 25 мая, после чего уже весь проект Конституции до 30 июня доработать и представить в ВС РФ на постановочное рассмотрение, завершив его 10 октября. Не позднее 15 октября проект должен был быть опубликован и через месяц – 17 ноября – рассмотрен на очередном, десятом Съезде народных депутатов, созываемом для принятия новой Конституции РФ. Порядок ее принятия должны были установить поправки в действовавший Основной Закон, подготовка которых возлагалась на Комитет ВС РФ по законодательству и Конституционную комиссию.

Специальная группа из руководителей и членов Конституционной комиссии была направлена для переговоров с Президентом и скоординированного обсуждения дальнейших шагов в конституционной реформе «в законном русле» вместе с разработчиками президентского проекта.

С конца апреля 1993 года мы вступили в период состязательного параллельного существования двух поддерживаемых «сверху» проектов Конституции Российской Федерации. Но это уже другая история...

Повествование об усилиях января – апреля 1993 года по преодолению кризиса подтверждает, что противоборствующим сторонам, возможно, следова-

²⁰ См.: Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 1. 29 апреля – 4 июня 1993 года. М.: Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента РФ, 1995. С. 5.

ло воздержаться от ультимативных действий ради солидарного развития нации на базе приемлемого социального компромисса. Но тогда этого не случилось. Те, кто с обеих сторон считал, что компромиссы портят проект реформы, оказались сильнее и удачливее тех немногих, кто рассматривал его как плод труднодостижимого согласия. Сыграли свою роль специфические факторы, в которых формировались современная российская политическая культура и правосознание. Особенности революционного прошлого и воспитание нескольких поколений на его материале, длительная практика однопартийной системы породили непоколебимый метод, основанный на правде силы и стремлении скорее переломить оппонента, нежели прийти к согласию с известными уступками в собственной

позиции, умерить бескомпромиссность действий сообразно правилам общежития в общем конституционном пространстве.

Незрелость институтов эмансипирующегося, казалось бы, гражданского общества вскоре выразилась в парадоксальной готовности вновь безоговорочно и надолго отказаться от значительной части своих прав и свобод в пользу абсолютной верховной власти. Как заметил князь Д. Голицын после неудачи конституции Анны Иоанновны, «пир был готов, но званые оказались недостойными его»²¹.

Наверное, не мне одному за прошедшие с тех памятных событий 15 лет не раз и не два думалось: «Конституцию сделали, а счастья нет». Почему?..

17 ноября 2008 года

²¹ В 1730 году гвардейское руководство потребовало от императрицы принять подлинное самодержавие, а ранее подписанные ею соглашения о создании Верховного тайного совета, которому были подчинены Сенат, Шляхетская палата и Палата городских представителей, уничтожить.

Вильям Померанц,
доктор юриспруденции (J.D.),
заместитель директора Института
Кеннана

Некоторые размышления по поводу создания Конституции России

Летом 1993 года мне довелось быть в Москве. Как раз в то время проходило Конституционное совещание, на котором обсуждалась будущая Конституция РФ. Хорошо помню, что по телевидению передавали лишь общие сведения о ходе дискуссии. Дальнейшие события в России заставят преждевременно свернуть публичную дискуссию и быстро, без излишней гласности разрешить конституционный кризис. Однако Россия – далеко не единственная страна, где конституционный кризис разрешался в обстановке секретности. В 1787 году Конституционный конвент в Филадельфии также проходил за закрытыми дверями, и американская общественность так и не получила полного отчета об этой встрече.

Скептикам, указывающим на то, что появление Конституции РФ происходило в крайне неблагоприятных условиях, следует напомнить, как непросто рождалась Конституция США. Необходимость ее принятия возникла исключительно из-за несостоятельности первого конституционного документа Соединенных Штатов – Статей Конфедерации (Articles of Confederation). Их ратификация в 1781 году привела к образованию практически недееспособного правительства, работа которого была парализована во многом из-за того, что, согласно Статьям, отдельные штаты обладали суверенитетом и независимостью.

Поистине легендарными являются сложности, связанные с работой Конституционного конвента. Начнем с того, что он не был уполномочен разрабо-

тать новую Конституцию, ему следовало лишь пересмотреть уже существующие Статьи Конфедерации. Много позже один из будущих американских президентов назовет Конституционный конвент «героическим и противоправным актом», поскольку тот почти сразу вышел за рамки своих полномочий¹. Явка делегатов была, мягко говоря, беспорядочной. В итоге между штатами возникли резкие разногласия, казавшиеся непреодолимыми, — о роли центрального правительства, взаимоотношениях между исполнительной и законодательной ветвями власти, квотах для членов законодательных органов больших и малых штатов. Лишь в самый последний момент делегатам удалось прийти к великому компромиссу, но некоторые фундаментальные проблемы, такие как вопрос о рабстве, остались неразрешенными.

Можно только гадать, как развивались бы события в 1787 году, возмись за освещение работы Конвента современные средства массовой информации, как это было в Москве в 1993 году. К счастью, Соединенные Штаты миновало столь пристальное внимание СМИ, и им удалось достичь закулисных соглашений без лишней шумихи в прессе. У Соединенных Штатов был целый ряд других преимуществ, например непосредственное наследование британской системы общего права, что оказало большое воздействие на политическое и законодательное развитие страны. К явно недооцененным преимуществам следует отнести тот факт, что к 1787 году Соединенные Штаты имели некоторый практический навык написания конституций. После принятия Декларации независимости несколько штатов создали свои собственные конституции. Таким образом, местные политики уже сталкивались с проблемами представительного правительства, сдержек и противовесов, гражданских прав и т.д. Об-

ширный опыт, приобретенный штатами при написании своих конституций, сыграл решающую роль при подготовке Конституции США.

Очевидно, что у России в 1993 году подобного опыта не было. Более того, она получила в наследство Конституцию, написанную для страны и политической системы, которые перестали существовать. Причем в Конституцию РСФСР, унаследованную Россией, было внесено столько исправлений, что она стала маловразумительной и недееспособной. В результате России пришлось выйти на международный правовой рынок, для того чтобы изучить зарубежный опыт и пообщаться с конституционными экспертами из США и западноевропейских стран, таких как Германия, Франция и Испания. Сегодня кому-то нравится изображать эти встречи как уроки, которые Запад преподавал России, и, оглядываясь назад в прошлое, мы видим, что в них действительно была доля высокомерия. Однако на протяжении 70 лет Россия была отрезана от правового развития, происходившего на Западе, и ей требовалось установить определенные контакты для преодоления последствий своей «добровольной ссылки». Кроме того, следует признать, что в то время Россия была крайне восприимчива к западным идеям, но хотя при внимательном рассмотрении в Конституции РФ можно выявить концепции иностранного происхождения, они отражают российские реалии и опыт. История такого взаимодействия, несомненно, будет когда-нибудь написана и, как мне кажется, поможет лучше понять процесс создания Конституции РФ.

Хорошо, что теперь, 15 лет спустя, Россия уже не изолирована от хода правового развития на Западе и при обсуждении вопросов международного права может все увереннее полагаться на собственных специалистов в различных об-

¹ Bowen C.D. *Miracle at Philadelphia: The Story of the Constitutional Convention, May to September 1787*. Boston, 1986. P 62.

ластях права – конституционного, коммерческого, уголовного. Недавно я побывал в московском офисе одной крупной юридической фирмы, в котором мне довелось работать в 1999–2000 годах. Его персонал увеличился с 40 до 140 юристов, а сам он превратился в российскую юридическую фирму, где клиентов в основном обслуживают русские, а не иностранные специалисты.

Есть и другие показатели того, что Россия открылась для международного права. Это особенно заметно, когда читаешь ст. 15 п. 4 Конституции РФ. Там говорится, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». В Конституции Соединенных Штатов подобного положения нет. Мнения членов Верховного суда по данному вопросу резко разделились, причем часть судей настаивает на том, что, кроме случаев, когда речь идет об особых договорах, международное право не должно играть роли в толковании конституционных статей.

Россия придерживается иного мнения – она беспрецедентно открыта для международного права. Так, подписав Европейскую конвенцию о защите прав человека, Россия в очередной раз подтвердила приверженность основным принципам, провозглашенным в ее Конституции, и выразила согласие соблюдать целый ряд международно признанных прав человека: свободу слова, свободу собраний, право на справедливый суд, запрет дискриминации и т.д. Кроме того, на Россию распространяются решения Европейского суда по правам человека. Читая последние решения Конституционного суда, постоянно находишь ссылки на Конвенцию или частные определения Европейского суда. Россия не всегда считается с этими институтами и их рекомендациями. Она определенно хотела бы приостановить поток русских обращений в Европейский суд, составляющих примерно одну четвертую часть от всех поданных пети-

ций. Тем не менее, несмотря на некоторую амбивалентность, Россия продолжает выполнять условия Конвенции, а Европейский союз и его правовые институты играют в настоящее время важнейшую роль наблюдателя, призывающего Россию к соблюдению общих принципов, изложенных в Конституции РФ.

Включение международного права в российское правовое поле является лишь одним из нововведений, отличающих Конституцию РФ от Конституции США. Есть и другие резкие отличия. Так, содержащийся в российской Конституции длинный перечень социальных прав, включая право на образование, медицинскую помощь, жилье и т.д., не имеет аналога в американском праве. Однако, рассказывая своим американским студентам о Конституции РФ, я не прошу их сравнивать ее с американской. Хотя обе Конституции основываются на схожих идеалах, это продукт двух совершенно разных эпох и различных направлений исторического развития. Вместо этого я предлагаю для начала сравнить Конституцию РФ 1993 года с Конституцией РСФСР 1978 года. Это помогает моим студентам, которые, естественно, ничего не могут помнить о Советском Союзе, осознать революционный характер действующей российской Конституции.

Конечно, наивно было бы полагать, что ее обнародование означало, что все перечисленные выше принципы чудесным образом воплотились в жизнь. Напротив, реализация прав, заложенных в Конституции РФ, была отсрочена ввиду противоречивости документа и его непоследовательности. Однако и США понадобились долгие годы для того, чтобы права граждан, провозглашенные в Конституции, такие как права женщин, афроамериканцев и прочих меньшинств, стали реальностью. И сегодня эти права нуждаются в постоянной защите. Еще раз подчеркну то, что всегда акцентирую в своих лекциях по российскому праву: для того чтобы по достоин-

ству оценить Конституцию РФ, необходимо найти такой отправной пункт, который поможет увидеть путь, который прошла Россия, и то, сколько ей еще предстоит пройти.

Хочу добавить, что мое личное отношение к этой проблеме отличается от позиции большинства американцев. В 1985 году, еще до начала перестройки, я был аспирантом и выбирал тему для своей диссертации. Историю пишут победители. Меня же интересовали не победители, а побежденные: я попытался понять причины неудачи проведения либеральной реформы в Российской империи. Мое внимание привлекла статья Б. Кистяковского «В защиту права», опубликованная в знаменитом сборнике «Вехи». Прочитав ее, я решил, что ответ на занимавший меня вопрос в какой-то мере можно найти в истории российского права, особенно истории возникновения и развития института адвокатуры. При этом мне и в голову не могло прийти, что через несколько лет слово «гласность», которое до этого ассоциировалось с Судебными уставами 1864 года, станет призывом к проведению реформ в Советском Союзе. Спустя какое-то время М. Горбачев вернул в политический оборот словосочетание «правовое государство», тем самым возобновив правовые дебаты, столь популярные в дореволюционной России и прекратившиеся в 1917 году с приходом к власти большевиков.

Возможно, термин «правовое государство» не совсем соответствует идее «rule of law state» («государство, в котором господствует право»), особенно в американском ее понимании. По смыслу он ближе немецкому «rechtsstaat» («государство, управляемое законом»). Однако тот факт, что понятие «правовое государство» внесено в Конституцию РФ, свидетельствует о решающем прорыве, поскольку оно отражает как надежды и чаяния людей, так и приверженность российским интеллектуальным традициям.

В Конституции РФ есть и другие моменты, связывающие современную Россию с ее дореволюционным прошлым. Особенно примечательно решение вновь учредить суд присяжных и вернуть настоящий состязательный процесс. Эти правовые институты своими корнями уходят во времена царской России, хотя следует отметить, что и в Российской империи их не сильно жаловали и относились к ним с большой долей недоверия. В результате самодержавие постоянно находило лазейки, помогавшие не прибегать к услугам этих реформированных правовых институтов.

Сегодня, как и в царской России, такие институты, как адвокатура и суд присяжных, находятся в весьма уязвимом положении, хотя его причины тогда и сейчас разные. Тем не менее я с большим удовлетворением наблюдал, как с помощью Конституции Россия за 15 лет сумела восстановить позитивные черты, присущие российскому праву в прошлом. Это касается не только развития правовых институтов. Некоторые книги, которые я с трудом находил для написания диссертации, например труд И. Гессена, посвященный первым 50 годам развития российской адвокатуры, сегодня переизданы.

Однако несмотря на очевидный прогресс главный вопрос остается открытым: сможет ли правовая реформа в России избежать участи ее предшественниц? Одно дело провозгласить Конституцию с заложенными в ней принципами сдержек и противовесов, правами и свободами, и совсем другое – претворить их в жизнь. В. Спасович некогда писал о Судебных уставах 1864 года как о величественном здании, возведенном по лучшим архитектурным планам из первосортных материалов. К сожалению, констатировал Спасович, здание было построено на болоте, на зыбкой, сыпучей почве. В итоге оно постепенно разрушалось и было обречено на крах.

К 40-летию Судебных уставов в журнале «Русская мысль» была опублико-

вана статья, где они также уподоблялись новому зданию, которое оставалось недостроенным как снаружи, так и внутри из-за давления, оказываемого реакционными силами. Далее следовал длинный перечень контрреформ, проводимых самодержавным режимом, которые наносили вред как независимости отдельных судебных институтов (судей, адвокатуры), так и правовой системы в целом.

К сожалению, и сейчас можно составить список контрреформ, угрожающих жизнеспособности Конституции РФ. Все страны сталкиваются с серьезными препятствиями, которые должны быть преодолены – либо с помощью политической оппозиции, акций гражданского неповиновения, компромиссных решений, либо просто благодаря удачному стечению обстоятельств, – для того чтобы реализовать права и принципы, изложенные в их конституциях. Но хотя этот процесс и может быть эволюционным, как показывает российская история, его достаточно легко приостановить или развернуть в обратную сторону.

Мое личное мнение об общих тенденциях развития Конституции меняется в зависимости от того, с кем я говорю. Так, когда я общаюсь со знакомыми мне российскими и иностранными представителями бизнес-сообщества, меня поражает их оптимизм. Очевидно, что они верят в то, что Конституция сможет надежно защитить их интересы, охраняя право частной собственности, права, вытекающие из контрактов, частные инвестиции и т.д. Встречаясь же с представителями академических кругов и правозащитниками и узнавая о тех проблемах, которые все еще существуют в российской законодательной системе, я понимаю, какой долгий путь предстоит пройти России, чтобы воплотить в жизнь основные гражданские права, гарантированные Конституцией.

Как же соединить столь радикально отличающиеся представления? Очевидно, что это одна из основных задач, стоящих перед Россией сегодня. Теоретически экономические и гражданские права должны сообща способствовать построению гражданского общества, поскольку, кроме всего прочего, у них одни и те же философские корни. Однако в России их взаимосвязь до сих пор не кажется естественной. Государство препятствует их сближению. В XX веке в России сменилось три формы правления – самодержавие, коммунизм, демократия. При этом общим для всех трех являлась решающая роль государства, ревностно охранявшего свое привилегированное положение в российской иерархической системе. В XXI веке России предстоит решить серьезную задачу: каким-то образом подчинить российское государство Конституции, добиться того, чтобы оно не выходило за рамки Основного Закона страны.

И последнее. Пока еще рано говорить о судьбе Конституции РФ. В 1916 году знаменитый юрист Н. Карабчевский в речи, посвященной 50-летию русской присяжной адвокатуры, говорил о ее юном возрасте и о том, что у нее еще все впереди. По его мнению, эта годовщина знаменует лишь окончание начального этапа развития². Конституция 1993 года тоже еще очень молода. Она находится в начале пути, и только время покажет, сможет ли она выполнить свои обещания, стать прочным правовым фундаментом, обеспечив выполнение закона на практике. Но хотя перед Конституцией России стоит еще много задач, она, несомненно, является важной вехой в развитии российского законодательства, а также живым памятником отцам – основателям страны.

Перевод Галины Левиной

² Карабчевский Н. Пятидесятилетие петроградской присяжной адвокатуры // Право. № 19. 1916. 15 мая.

Конституционный критерий периодизации современной российской истории

Противоречивый и разнонаправленный ход политических трансформаций в конце XX – начале XXI века затрудняет целостное исследование современной истории России в поле конвергентных теорий политической модернизации и демократического транзита. Для выявления траектории трансформаций становится значимым обращение к их подробной периодизации, с последующей комплексной характеристикой каждого из выделенных хронологических отрезков.

В последние годы проблемы периодизации политической истории современной России занимают видное место на страницах научных журналов¹, обсуждаются в рамках представительных методологических семинаров².

Выработка основополагающих критериев периодизации происходит в объективно присущих современной истории условиях незавершенности многих процессов. В этой связи историки выдвигают требования предельной формализации и единообразия критериев.

Ведущими критериями, закладываемыми в основы хронометрирования современной российской политической истории, являются личностный (по по-

*Дмитрий Александрович Пушмин,
аспирант кафедры истории России
новейшего времени
Российского государственного гумани-
тарного университета*

¹ См.: Мадатов А.С. Проблемы периодизации современного политического процесса в России после 1985 г. // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2006. № 1 (6). С. 46–61; Смолин О.Н. Радикальная трансформация общества в СССР и России: к проблеме периодизации // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 39–47; Созинов В.В. 1985–2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005. № 3. С. 3–24; и др.

² О понятии «Современная история». Стенограмма методологического семинара / Российская академия государственной службы, 15 февраля 2007 года [<http://www.rags.ru/files/steno1.doc>].

литическому лидеру у власти) и конституционный (по Основному Закону, регламентирующему политическое устройство). В данной статье анализируются перспективы и эвристические достоинства конституционного критерия периодизации современной российской истории.

Особенности личностного критерия периодизации

На сегодня приходится констатировать, что периодизация по персоналии, находящейся у власти, является самой распространенной в историографии политической истории современной России, отличает многие социологические очерки и политические исследования³, активно используется в учебных пособиях.

Среди последовательных сторонников личностного критерия периодизации находится историк В. Согрин. Он считает «разделение современной российской трансформации на периоды, совпадающие с пребыванием у власти президентов..., и признание смены высшего лица российской власти принципиально важным для... изменения, как характера российской модернизации, так и в целом современной истории России»⁴.

Чтобы подчеркнуть продуктивность личностного критерия в периодизации современности, В. Согрин ввел и обосновал концепцию «президентского синтеза». Суть ее состоит в том, что внутреннее единство каждого выделяемого в политической истории современной России периода «невозможно представить без политического лидерства первого лица государства»⁵. Руководству-

ясь этой концепцией, В. Согрин выделил в современной истории страны три периода, или, как называет их сам автор, «превращения»: «горбачевское», «ельцинское» и «путинское».

Представляется, что приверженность личностным критериям в периодизации имеет свои отрицательные стороны.

Философ и политолог А. Мадатов, признавая, что «личные качества политических лидеров... оказали воздействие на конкретные политические события, наложив свой отпечаток на ход исторического процесса»⁶, тем не менее предупреждает от преувеличения роли личности в современной истории.

Гипертрофированное внимание к личности руководителя и тенденция к персонификации политической власти и политического режима может привести к тому, что множество социальных, экономических, институциональных факторов российской трансформации, успехи и неудачи реформ станут оцениваться как проекция личной воли находящегося у власти.

Вызывают вопросы и некоторые детали концепции «президентского синтеза» В. Согрина. Формула «президент – высшее лицо российской власти» является несколько неточной, если говорить о тех периодах времени, когда эта должность еще не была учреждена (1985–1990 годы), а также когда Президент РФ по Конституции являлся главой исполнительной ветви власти, а не государства в целом (1991–1993 годы). И главное: остается неясным, будет ли приход к власти нового президента каждый раз означать начало нового «превращения» в истории страны и выделяться в новый период.

³ См., напр.: *Литман Ф.Д.* Три эпохи – этапы большого пути. Россия времен Горбачева, Ельцина, Путина. М.: Ленанд, 2007; *От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян* / Под ред. В.В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2007; *Попов Н.П.* Как начиналась эпоха Путина: общественное мнение 1999–2000 гг. М., 2008; *Эпоха Ельцина: очерки политической истории* / Батурин Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф., Костилов В.В., Краснов М.А. М.: Вагриус, 2001; *Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: мнения россиян (социологические очерки). М.: Фонд «Общественное мнение», 2002; и др.

⁴ *Согрин В.В.* Указ. соч. С. 3.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ *Мадатов А.С.* Указ. соч. С. 45–46.

Конституционный критерий периодизации

Перейти от личностного критерия периодизации современной политической истории России к конституционному предложил Р. Пихоя⁷. Современная политическая история, по его логике, берет начало в 1977 году с момента принятия Конституции СССР. 12 декабря 1993 года с принятием на всенародном голосовании новой Конституции РФ начинается следующий период, продолжающийся по настоящее время. По мнению автора, «обращение к смене Конституций позволяет выявить специфику изменений социально-политического, идеологического и экономического строя России»⁸. Подчеркивается, что выделенные по «конституционному» критерию периоды также совпадают с нисходящим кризисным (конец 70-х – начало 90-х годов прошлого века) и восходящим (с середины 90-х годов по настоящее время) трендами в развитии советско-российской государственности.

Конституционный критерий периодизации современной политической истории страны близок к выдвинутой историком А. Медушевским неoinституциональной теории конституционных циклов. Как и Р. Пихоя, А. Медушевский видит в создании нового основного законодательства «определенные знаки и символы, разделяющие разные фазы политического развития»⁹. А. Медушевский понимает конституционный цикл в качестве совокупности определенных последовательных фаз развития базовых правовых норм и политических институтов¹⁰. Одна из этих фаз («деконституционализация» – в авторской

терминологии) начинается в СССР с 1989 года (начало работы Съезда народных депутатов СССР и конституционных реформ М. Горбачева) и продолжается уже в новой России до декабря 1993 года.

В периодизациях Р. Пихоя и А. Медушевского начало 1990-х годов отнесено к позднесоветской истории. Образование независимого государства под руководством Б. Ельцина не рассматривается в качестве рубежной даты. В значительной степени это обстоятельство не согласуется с устоявшимися представлениями о том, что крушение социализма советского образца, начало интенсивных попыток смены системы общественных отношений и распад многонациональных государств (СССР, Чехословакия, Югославия) представляет собой общий для стран Восточной Европы и Центральной Азии рубеж, разделивший современную историю регионов на «до» и «после».

Попытка отдельно выделить и охарактеризовать период политической трансформации суверенной России до декабря 1993 года была предпринята в работах американских исследователей М. Макфолла и Т. Николса, а также российского историка и политического деятеля В. Рыжкова¹¹. Руководствуясь конституционным критерием периодизации и неoinституциональной методологией, М. Макфолл и Т. Николс рассматривают в современной политической истории России периоды Первой (1991–1993 годы) и Второй (с 1993 года) республик, чтобы «отличить президентский режим после 1993 года от Первой республики – системы институтов, оставшихся в наследство от СССР»¹². В. Рыжков опреде-

⁷ Пихоя Р.Г. // О понятии «Современная история». Стенограмма... С. 6.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Медушевский А.Н. Конституционные революции в России XX века: сравнительный анализ // Неприкосновенный запас. 2005. № 6. С. 48.

¹⁰ Он же. Теория конституционных циклов. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2005. С. 7, 17.

¹¹ Рыжков В.А. Четвертая республика: очерк политической истории современной России. М., 2000; Nichols T.M. The Russian Presidency Society and Politics in the Second Russian Republic. L.: Macmillan, 1999. P. XXVIII; McFaul M. Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. L.: Cornell University Press, 2001. P. XV.

¹² Nichols T.M. Ibid. P. X.

ляет Россию 1991–1993 годов в качестве Третьей, а после 1993 года – Четвертой республики, ведя отсчет становления и развития республиканского строя с 1 сентября 1917 года.

Хронометрирование прошлого по существовавшим в истории государства формам конституционно закрепленного республиканского правления имеет давнюю традицию во Франции. В России разделение истории на периоды различных республик до сих пор остается, по большому счету, не замеченным. С момента выхода трех упомянутых монографий был опубликован лишь один научный отзыв о работе В. Рыжкова. Петербургский историк А. Лосик, ознакомившись с работой, посчитал, что «необходима дополнительная, серьезная аргументация в пользу выделения Третьей республики». А. Лосик высказал предположение, что «отмеченный период... переходный... от принципиально разных моделей республиканского устройства, а не самостоятельная модель»¹³.

Политическое развитие суверенной России до и после принятия Конституции 1993 года находится в разных «режимах историчности» с различным сочленением черт старой советской и новой постсоветской государственности.

Характерной чертой периода истории суверенной России до второй половины 1993 года становится восприятие правящим политическим классом Основного Закона страны в качестве инструмента политического доминирования одной ветви власти над другой. Представительная власть путем внесения поправок в действовавшую Конституцию

РСФСР 1978 года пыталась ограничить полномочия исполнительной. Исполнительная власть делала ставку на принятие новой Конституции, в которой баланс сил значительно пересматривался в сторону Президента. Конституционная неопределенность являлась источником угрозы стабильного демократического развития.

На особенности развития суверенной России в начале 1990-х годов указывают непосредственные участники политического процесса того времени. «Распространенной ошибкой при обсуждении проблем новейшей российской истории, – пишет в своих мемуарах бывший глава правительства Е. Гайдар, – является смешение ключевых вопросов, решавшихся на ее отдельных этапах». Период начала 1990-х годов охарактеризован им как «революционное крушение старого режима и борьба за стабилизацию институтов нового»¹⁴. Самостоятельную значимость «эволюции российской государственности с конца 1991 до... 1993 года» подчеркивает бывший руководитель Верховного Совета РФ Р. Хасбулатов¹⁵.

В современной историографии прослеживается стремление придать процессам российской политической трансформации начала 1990-х годов революционный характер¹⁶. Многие авторы разделяют представления об исторической закономерности смены революционных периодов своеобразным «термидором» – планомерной реакцией против некоторых завоеваний революции¹⁷. Изменение конституционного строя РФ в 1993 году может восприни-

¹³ Лосик А.В. Отзыв официального оппонента о диссертации Рыжкова В.А. на тему «Четвертая республика: очерк политической истории современной России» ...на соискание... канд. ист. наук... // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб.: Нестор, 2001. С. 360.

¹⁴ Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997. С. 9.

¹⁵ Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия. В 2 т. Т. 1. М.: СИМС, 1994. С. 7.

¹⁶ См., напр.: Голдстоун Д. Теории революции, революции 1989–1991 гг. и траектория развития «новой» России // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 117–124; Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. Учеб. пособие. М.: Дело, 2004. С. 190–196; Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001; Hahn G.M. Russia's Revolution from Above, 1985–2000: Reform, Transition, and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime. L.: Transaction Publishers, 2002. P. XVII.

¹⁷ Бызов Л.Г. Новый политический консенсус в России. От государства «смуты» к государству «термидора» // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 42–54; Смолин О.Н. Указ. соч.

маться в качестве рубежа между «революционным» и «послереволюционным» периодами.

Принятие новой Конституции было, безусловно, во многом прогрессивным шагом. В Основном Законе страны был зафиксирован безоговорочный отказ от старых советских принципов организации политической системы – разведены функции палат законодательного органа власти, проведен принцип равенства субъектов Федерации. Также был детально проработан раздел о правах и свободах человека и гражданина, впервые закреплено право частной собственности на землю.

Вместе с тем рассуждения о «термидоре» в политической истории России 1990-х года остаются актуальными.

В Конституции 1993 года занижен статус представительной власти как института. Особенно сильно оказались ограничены контрольные функции нового Федерального Собрания Российской Федерации.

Конституционно-политический кризис 1993 года оказал влияние на общественное сознание россиян, которые впоследствии не испытывали доверия к избираемым ими же органам законодательной власти. Развязка противостояния в 1993 году вовсе не укрепила позиции либеральных реформаторов в правительстве. Усилилось политическое влияние чиновников из Администрации Президента и руководителей силовых ведомств. В жизни страны воз-

росла роль кулуарно принимаемых решений.

Государственные институты суверенной России начала 1990-х годов формировались в травматической обстановке системного кризиса. Политические силы в 1990–1993 годы часто игнорировали конституционные рамки. Неконституционные действия (расширение полномочий отдельных государственных институтов, вооруженные противостояния) рассматривались политическим классом в качестве приемлемой альтернативы легитимным процедурам демократии.

Конституция РФ 1993 года утвердила определенные «правила игры», которых уже 15 лет придерживаются все основные участники политического процесса для того, чтобы иметь возможность оказаться или остаться у власти.

Применение конституционного критерия для периодизации политической истории современной России находит позитивное оправдание. Традиционный, с точки зрения сторонников личностного критерия периодизации, принцип единоначалия в российской власти в современной политической истории суверенной России основан на Конституции РФ 1993 года, где зафиксированы широкие полномочия Президента РФ, которыми он располагает как глава государства. Конституция РФ – ключевой фактор, оказывающий влияние на траекторию российских посткоммунистических трансформаций.

Игорь Иванович Орлик,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института экономики РАН,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Уроки Джорджа Фроста Кеннана

Первого июля 1865 года Джордж Кеннан поднялся на борт стоявшего в бухте Сан-Франциско русского торгового судна «Ольга», которое отправлялось в Россию, на Камчатку. Так начинался для двадцатилетнего юноши путь будущего исследователя России, журналиста, писателя, путешественника. 23 мая 1885 года «по Указу Его Величества государя Императора Александра Александровича Самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая» был выдан «открытый лист» «Георгу Кеннану», отправляющемуся в Сибирский край в качестве корреспондента нью-йоркского журнала «The Century». Власти должны были оказывать ему «всякое законное содействие». Через девять лет, 9 марта 1894 года, Департамент полиции завел секретное дело № 1/94 (входящий № 3332) «о гражданине Северо-Американских Штатов Джордже Кеннана». 11 июля 1901 года по заключению Департамента полиции петербургский градоначальник вынес решение: «неблагонадежного иностранца» Дж. Кеннана «немедленно выслать за границу». В тот же день Кеннан был арестован и выслан из России. Конечно, это решение было принято не без ведома «Его Величества государя Императора», но уже Николая II.

13 декабря 1933 года Джордж Кеннан в качестве переводчика первого в Советском Союзе американского посла Уильяма Кристиана Буллита присутствовал в Москве на церемонии вручения верительных грамот председателю Центрального исполнительного комитета М. Калинину. Через неделю, 20 декаб-

ря, Кеннан вместе с Буллитом были на ужине у Калинина. Там же находились Сталин, Молотов и другие советские руководители. Кеннан произвел на всех такое благоприятное впечатление, что Буллит счел необходимым об этом сообщить в письме президенту Рузвельту. Советские лидеры «были... восхищены молодым Кеннаном, который был со мной»¹, – писал Буллит.

Так начинался для Кеннана путь будущего известного дипломата, исследователя и большого знатока России, одного из крупнейших теоретиков и историков международных отношений XX века.

В течение многих лет, занимая различные дипломатические посты в американском посольстве в Москве или в Государственном департаменте в Вашингтоне, Кеннан оставался верен «русской теме», хотя со временем выходил и на глобальные мировые проблемы международной политики. В апреле 1952 года он был назначен послом США в Советском Союзе. Однако советское руководство не желало терпеть откровенно негативное отношение нового американского посла к существовавшему в СССР строю, его осуждение советских порядков, и 3 октября 1952 года Кеннан был объявлен *persona non grata*. Конечно, это решение было принято не без ведома председателя Совета министров СССР И. Сталина.

Как схожи судьбы двух Кеннанов, их отношение к России и отношение к ним официальной России.

Писателя, путешественника Джорджа Фроста Кеннана-старшего и дипломата, ученого-историка Джорджа Фроста Кеннана-младшего объединяло одно общее устремление – глубокий интерес к России, ее культуре, истории, искреннее уважение к этой стране и ее народу, непонятное не только для американца, но подчас и для русского – очень теплое дружеское расположение.

Джордж Фрост Кеннан

Кеннан-старший взял себе второе имя Фрост в благодарность своему неизменному спутнику по российским дорогам – художнику Джорджу Фросту, а Кеннан-младший полностью сохранил имя своего двоюродного деда, а позже, в совершенстве овладев русским языком, с интересом стал изучать Россию. Все это, говоря сегодняшним языком, было «генетически предопределено».

Творческое наследие обоих Кеннанов, к сожалению, постигла почти одна и та же участь. Многие ли читали блестящие путевые заметки о Сибири Кеннана-старшего?² А ведь в свое время их высоко ценили Л. Толстой, Чехов, Короленко, Плеханов, а за рубежами России – Ф. Энгельс³. Из публикаций младшего Кеннана широко известны «Длинная телеграмма» и статья в «Форин афферс» под псевдонимом «Х». Далеко не все в России, даже историки-американисты, знакомы с его монографиями,

¹ Цит. по: Вестник Института Кеннана в России. М., 2004. Вып. 5. С. 16.

² Кеннан Дж. Кочевая жизнь в Сибири Джорджа Кеннана. СПб., 1872; он же. Сибирь и ссылка. В 2 т. СПб., 1999.

³ См.: Меламед Е.И. Джордж Кеннан против царизма. М., 1981. С. 5, 25, 38, 40.

мемуарами⁴. Наиболее интересная и поразительная по научному предвидению его публикация «Америка и русское будущее»⁵, изданная еще в 1951 году, была «совершенно случайно» (?) обнаружена только через 50 лет⁶.

А ведь многие оценки дипломатом и историком Кеннаном международных событий второй половины XX века, его глубокие мысли о природе внешней политики США, России, ряда европейских государств, размышления о будущем развитии мира не только представляют интерес для историков, но и являются чрезвычайно актуальными для понимания современной все более усложняющейся и грозящей серьезными опасностями международной жизни, для разработки новых принципов дипломатии XXI века.

Власть и сила

Во многих служебных записках, ставших известными спустя много лет, в ряде статей и обобщающих монографиях, а также в мемуарах Кеннана содержатся важные и интересные мысли о соотношении власти и силы, их влиянии на внешнюю политику государств. Ценность его размышлений по этим проблемам заключается в том, что, анализируя конкретные внешнеполитические факторы, автор приходит к широким теоретическим обобщениям. Поэтому его суждения остаются актуальными и в XXI веке, и не только для политиков и государственных деятелей Соединенных Штатов, но и для лидеров многих других стран, в том числе и России.

Кеннан, как никто другой из американских исследователей внешней поли-

тики своей страны, определил четкую связь между интересами власти и сущностью внешней политики. Уже в начале своей дипломатической деятельности он «получил урок, касающийся одной из характерных черт американских государственных деятелей, — их тенденции делать заявления и совершать те или иные акции, исходя не из последствий для международных дел (чего следовало ожидать), а из реакции на них американского общественного мнения и в особенности — конгресса. Политиков интересует, выглядят ли они внутри страны достаточно профессиональными и отстаивающими национальные интересы, пусть их действия и не приносят особой пользы этим интересам... Пока американское общество и пресса не перестанут вести себя подобным образом, наша страна не будет иметь по-настоящему зрелой и эффективной внешней политики, достойной великой державы»⁷.

Широко известна и многократно описана американскими и русскими исследователями история «Длинной телеграммы» (1946 год) и последовавшей за ней публикации статьи в журнале «Форин афферс» (июль 1947 года), в которых Кеннан излагал свое видение основных направлений политики США в отношении Советского Союза и свои рекомендации американской власти⁸.

И в «Длинной телеграмме», и в статье в «Форин афферс» Дж. Кеннан предлагал Западу противопоставить Советскому Союзу «достаточную силу и сделать ясной свою готовность использовать ее»⁹.

Но вскоре Кеннан отказался от «логики силы» и даже заявил, что у него хва-

⁴ *Kennan G.F. Memoirs. 1925–1950. Boston, Toronto, 1967* (на русском языке мемуары вышли под названием: «Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана» (М., 2002); *он же. American Diplomacy. 1900–1950. Chicago, 1951; он же. Realities of American Foreign Policy. L., 1954.*

⁵ *Kennan G.F. America and Russian Future // Foreign Affairs. 1951. April. Vol. 29. No 3. P. 351–370; Кеннан Дж.Ф. Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 81–94.*

⁶ *Болховитинов Н.Н. Полвека спустя // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 95.*

⁷ *Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. М., 2002. С. 40–41.*

⁸ См.: *Уткин А.И. Роковые телеграммы Кеннана // Вестник Института Кеннана в России. М., 2004. Вып. 5. С. 40–44.*

⁹ *The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. July. P. 575 (под псевдонимом «Х»).*

тило мужества отречься от своих прежних взглядов, понять их ошибочность. И все же, как отмечал Кеннан более чем через 30 лет, статья в «Форин афферс» «приобрела некую прискорбную известность и с тех пор преследует меня по пятам, как верное, но нежелательное и даже определенно затрудняющее мою жизнь животное»¹⁰.

Очень четко и объективно сформулировал принципы, которые определили отказ Дж. Кеннана от своих былых убеждений, В. Мальков в блестящем очерке «Неизвестный Кеннан»: «логика исторического анализа, политический реализм, внутренняя самокритичность ученого, не останавливающегося перед коррекцией собственных взглядов»¹¹.

Но «джин был выпущен из бутылки». Идеи Кеннана и сам термин «сдерживание» уже помимо воли их автора превратились в силовую «доктрину сдерживания» и вполне реальную внешнеполитическую практику американского правительства, а затем и всего Запада. «Сдерживание», а с начала 50-х годов уже при Д. Эйзенхауэре «освобождение» (Кеннан называл их двумя сторонами одной и той же медали) стали основой многолетней внешней политики США, предполагающей силовые методы.

«Доктрина сдерживания», в значительной степени «сконструированная» из отдельных положений и формул, изложенных Дж. Кеннаном в «Длинной телеграмме», по его собственным словам, определяла для западного мира «искусное и энергичное применение контрсилы в целом ряде постоянно меняющихся географических и политических пунктов, соответствующих переменам и маневрам советской политики»¹².

Дж. Кеннан не раз повторял, что силовая, особенно военно-силовая, политика становится все более малоэффективной и опасной для любой державы, в том числе и для такой экономически богатой и мощной в военном отношении, как Соединенные Штаты.

Уже в 50-е годы Кеннан существенно эволюционировал в своих внешнеполитических взглядах. Он стал активным сторонником мирного сотрудничества государств различных политических систем, выступал за прекращение гонки вооружений, предотвращение мировой ядерной войны¹³.

В своих взглядах на использование силы во внешней политике Дж. Кеннан был не одинок. В 70-е годы прошлого века американские политические деятели У. Фулбрайт, Р. Никсон, А. Гарриман, Дж. Болл, Г. Киссинджер и другие сторонники философии «реальной политики» считали необходимым согласовывать национальные интересы с фактическим соотношением сил в современном мире. Конечно, у них были разные взгляды на методы «реальной политики», но в целом они отстаивали, говоря словами госсекретаря США Г. Киссинджера, «необходимость самосохранения, сознавая, что наши национальные цели имеют свои пределы»¹⁴.

Кеннан был сторонником согласования крупных международных проблем между ведущими державами мира. В этом он видел возможность избежать «силовых приемов».

Может показаться странным, но идея многополярного мира, которая обсуждается в XXI веке, полстолетия тому назад (правда, в другой конфигурации) была выдвинута Кеннаном. В своих мемуарах он писал, что уже в конце 40-х

¹⁰ Common Sense in US-Soviet Relations. Wash., 1978. P. 27. Цит. по: История США. Т. 4. М., 1987. С. 86.

¹¹ Мальков В.Л. Неизвестный Кеннан: заметки о морфологии мышления дипломата // Вестник Института Кеннана в России. М., 2004. Вып. 5. С. 37.

¹² Kennan G.F. American Diplomacy. 1900–1950. Chicago, 1952. P. 120.

¹³ См.: Kennan G.F. The Nuclear Delusion. Soviet-American Relations in the Atomic Age. N.Y., 1982.

¹⁴ Цит. по: Современная внешняя политика США. В 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 149.

годов он «постоянно повторял мысль о существовании в мире пяти регионов – США, Великобритании, долины Рейна с прилегающими к ней индустриальными районами, СССР и Японии, в которых только и возможно образование военной мощи внушительных масштабов»¹⁵.

Конечно, и структура, и целевые замыслы этих центров силы резко отличались от главных геополитических сил в начале XXI века. Но сама идея явно противостояла уже тогда нарождавшейся тенденции господства в мире одной державы, располагавшей мощной силой во всех ее проявлениях.

Еще в 1954 году Кеннан высказал идею о постепенной замене «биполярной» стратегической конфронтации ситуацией «многополярности», то есть нескольких «центров силы». В связи с этим Кеннан предлагал разработать новую военно-политическую стратегию США с учетом гибких невоенных методов противоборства¹⁶.

Нужна ли внешней политике мораль?

В первом десятилетии XXI века, когда рушатся международные договоренности, когда здесь и там отказываются от принципов международного права, когда крупные региональные объединения фактически отказываются от своих обязанностей и нарушают права государств и народов, есть ли смысл говорить о морали, о нравственности?

Дж. Кеннан как будто предвидел такую ситуацию и оставил нам ориентиры нравственного поведения в международной жизни, мудрые наставления, как мораль может и должна определять внешнюю политику. Одна из его статей так и называется – «Мораль и внешняя политика». Она была опубликована

в зимнем номере журнала «Форин афферс» за 1985–1986 годы. И хотя автор оперирует в основном фактами из американской внешней политики, критикуя ее «правила», общие положения статьи, ее выводы и рекомендации по существу носят планетарный характер, во всяком случае, приемлемы для внешней политики крупнейших государств мира. И что особенно важно, Дж. Кеннан как будто опубликовал эту статью не в 1986 году, а в 2006-м или даже на рубеже 2008 и 2009 годов.

В отношении одного государства к другому нельзя руководствоваться только собственными моральными стандартами. Говоря о внешней политике США, Кеннан подчеркивает: «Мы не имеем права считать, что наши моральные стандарты также являются и их стандартами, и апеллировать к их стандартам как к источнику для нашего недовольства»¹⁷.

Когда американские политики слишком моралистично судят о действиях правительств других стран, это уводит их «в сторону от более основательных требований политического реализма, вследствие чего их заявления и действия, сколь впечатляющими они ни были для внутренней политической аудитории, теряли свою эффективность на международной арене»¹⁸.

Полны иронии и скепсиса многие рассуждения Кеннана о «высокопарных словах и фразах большинства правительств» при подписании важных международных деклараций, которые «не ущемляют чьей-либо свободы действий»¹⁹. Его упрек в адрес Хельсинкских соглашений 1975 года об их «декларативном, а не договорном характере» сегодня, когда неэффективность деятельности ОБСЕ всем очевидна, звучит как предупреждение Европе, да и всему миру. «Заслуживает ли морального одо-

¹⁵ Kennan G.F. Memoirs, 1925–1950. Boston, Toronto, 1967. P. 594.

¹⁶ Kennan G.F. Realities of American Foreign Policy. P. 100; *он же*. Russia, the Atom and the West. N.Y., 1958.

¹⁷ Kennan G.F. Morality and Foreign Policy // Foreign Affairs. Winter, 1985/86. Vol. 64. No. 2. P. 208.

¹⁸ Ibid. P. 205.

¹⁹ Ibid. P. 207.

бления побуждение других к подписанию деклараций, сколь бы возвышенными по звучанию они ни были, но которые заведомо не будут и не могут быть реализованы, – вопрос обоснованный»²⁰.

Не все принимают взгляды Кеннана, его философию международных отношений²¹. Кеннан не раз вызывал критику со стороны своих оппонентов по поводу его оценок внешней политики США. В середине 80-х годов прошлого века он отмечал: «Когда мы говорим о применении моральных стандартов к внешней политике, мы не говорим о сочетаемости их с некими четкими и общепринятыми международными правилами поведения. В случае, если политика и действия правительства США должны быть приведены в соответствие с моральными стандартами, это должны быть собственные американские стандарты, основанные на традиционных американских принципах справедливости и уважения права собственности»²².

Кеннан подчеркивал, что «американцы колеблются между бегством от мира и стремлением как-то уже очень страстно его обнять. Абсолютизация национальной морали требует или уйти от чуждого или изменить его, но постоянно и спокойно рядом с ним жить нельзя»²³.

«Реалист» Кеннан в середине 50-х годов глубже и яснее осознал высокое значение моральных принципов в мировой политике – фактора, создающего главные условия неделимости мира»²⁴. Он оценивал как «трагическую ошибку», «моральную потерю для американской внешней политики» применение атомного оружия в 1945 году против Японии²⁵.

В 1981 году Кеннан сетовал на то, что «в наше время запутанного взаимодействия между мнением публики и коммерческими средствами массовой информации лобби и другие организации меньшинства оказывают чрезмерное влияние на внешнюю политику; необычайно трудно демократическому обществу получить объективное представление о любой другой стране, которая объявлена военным и политическим противником»²⁶.

Кеннан не раз признавал, что, разрабатывая внешнюю политику, США «игнорируют уроки и прецеденты прошлого»²⁷. И далее, исходя из этого прошлого, он делает ряд важных рекомендаций не только для внешней политики США, но и для других государств. Эти рекомендации выходят за временные рамки конца XX века и носят принципиальный характер, являются одним из серьезных постулатов современных международных отношений.

«В последние годы, – пишет Кеннан в 1986 году, – было немало случаев, когда американское правительство выражало недовольство действиями других правительств, базируясь на основаниях, которые, по крайней мере, предполагали моральные критерии для суждения, и в некоторых из данных случаев словесные заявления протеста подкреплялись более осязаемыми мерами давления. Эти различные интервенции происходили под целым рядом лозунгов: демократии, прав человека, правления большинства, верности договорам, верности хартии ООН и т.д. Мишенью при этом скорее были внешняя политика, действия стран-«нарушителей», нежели внутривластные действия. По мнению

²⁰ Ibid. P. 208.

²¹ См., напр.: *Gellman B. Contending with Kennan. Toward a Philosophy of American Power*. N.Y., 1984.

²² *Kennan G.F. Morality and Foreign Policy*. P. 208.

²³ Цит. по: Современная внешняя политика США. Т. 1. С. 168.

²⁴ *Мальков В.Л. Указ. соч.* С. 34–35.

²⁵ Там же.

²⁶ *Kennan G. Cease this Madness* // *The Atlantic*. 1981. January. P. 25.

²⁷ *Kennan G. On Dealing with the Communist World*. N.Y., 1964. P. 21.

их американских вдохновителей, такие интервенции служили демонстрацией не только моральной ущербности других, но и моральной устойчивости нас самих, считалось нашим моральным долгом определять ошибки, совершенные другими, осуждать их в глазах мирового сообщества и гарантировать их исправление, насколько это в наших силах, не прибегая к военным действиям.

Вдохновители или инициаторы усилий такого характера, разумеется, утверждали, что действуют во имя моральных принципов, и во многих случаях не испытывали сомнений, что делали это совершенно искренне. Но насколько результаты этого вдохновения (как, впрочем, и многих иных благих намерений) обосновывают эти претензии – вопрос спорный со многих точек зрения»²⁸.

Некоторые утверждают, говорит Кеннан, «что поощрение демократии в других странах всегда служит интересам безопасности, политической неприкосновенности, а также процветанию Соединенных Штатов. Если это можно продемонстрировать в конкретном случае, то хорошо. Но так дело обстоит не всегда. Демократия – это широкое понятие. Многие разновидности глупости и несправедливости ухитряются скрываться под маской этого определения. Тот факт, что страна оказывается завлеченной в ловушки самоуправления (trappings of self-government), автоматически не означает, что таким образом продвигаются интересы Соединенных Штатов. Существуют формы плебисцитарной “демократии”, которые могут оказаться менее благоприятными для американских интересов, чем мудрый и великодушный авторитаризм. Могут быть тирании большинства, а также тирании меньшинства, так что одна едва ли менее одиозна, чем прочие»²⁹.

И далее: «Практика или политика, которая вызывает наше официальное неодобрение в одной стране, охотно оправдывается или игнорируется в другой. То, что считается дурным в поведении наших оппонентов, хорошо или, по крайней мере, допустимо, если речь идет о наших друзьях. То, что не вызывает возражений у нас в один период нашей истории, является устрашающим в другой.

К сожалению, непоследовательность подразумевает отсутствие принципиальности в глазах мирового сообщества, поскольку мораль перестает быть моралью, если не основывается на принципах»³⁰.

Моральным фактором внешней политики считает Кеннан и отношение к демократии. «Демократия в той форме, в какой ее понимают американцы, не обязательно будущее всего человечества, и американское правительство не обязано гарантировать, чтобы она стала таковым. Несмотря на частые утверждения в обратном смысле, не каждый в этом мире несет, в конце концов, ответственность за действия любого другого человека повсеместно. Не имея права принуждать к изменениям, не может быть и ответственности. В случае правительств по практическим мотивам следует вести себя ответственным образом, и, в частности, существует четкая связь между правом действовать и последствиями действия или бездействия»³¹.

Кеннан подчеркивает важность морали для дипломатии. «Успех нашей дипломатии всегда зависел и будет продолжать зависеть от присущей нам честности и открытости цели, а также откровенности, с которой она реализуется. Если лишить нас этого, мы лишимся нашего самого мощного и самого эффективного оружия. Если это ограничение, то не отражающее никакой компроматации нас самих. Мы можем приять его с чистой совестью, поскольку

²⁸ Kennan G.F. Morality and Foreign Policy. P. 208–209.

²⁹ Ibid. P. 209.

³⁰ Ibid. P. 210–211.

³¹ Ibid. P. 211–212.

в национальных и личных делах признание собственных ограничений – несомненно, один из первых признаков истинной моральности»³².

«Если западники хотят претендовать на звание носителей высокой морали, относящихся с большой симпатией и пониманием к человеческому существу, такому, каким его создал Бог, о котором он говорил, осуждая войны в моральном и военном отношениях и призывая не вести их вообще, то эти моральные принципы должны стать основой их поведения и деятельности»³³.

Прав А. Уткин, отмечая, что «идеи Кеннана были одними из наиболее влиятельных в XX веке»³⁴.

Русское будущее сегодня

Можно назвать не один десяток зарубежных исследователей, на протяжении долгого времени изучавших Россию, ее историю, культуру, ее жизнь. Многие из них прекрасно знали Россию, много о ней писали – и хорошего, и плохого. Но далеко не все они понимали Россию. И, пожалуй, Джордж Фрост Кеннан-младший – один из немногих, кто понимал ее, вопреки утверждению Тютчева: «Умом Россию не понять».

Именно глубокий ум Кеннана не только определил его проникновение в суть русской жизни, но и позволил ему сделать поразительные по своей точности предвидения «русского будущего».

Отнюдь не самонадеянно звучит признание Кеннана: «Я сомневаюсь, чтобы в западном мире нашелся человек, с большей симпатией и уважением, чем я, относившийся к страданиям и мужеству, с которым этот народ, подавленный деспотизмом, пробивался к обрете-

нию идеала человеческого достоинства и социальной ответственности. Этот народ, как никакой другой, чувствителен к ценностям морали... нравственное благородство их (русских. – И.О.) литературы оказало благотворное воздействие на значительную часть человечества»³⁵.

Кеннан много писал о России, советской и несоветской, о ее правителях и народе, ее победах и поражениях. Но всегда это были слова доброжелательного, мудрого не просто наблюдателя, а как будто соучастника русской жизни.

«Русский народ формировался в течение многих веков, что наложило несомненный отпечаток на его национальное самосознание. В отличие от народов Запада русские могли скрывать свои чувства добродушно и снисходительно – без негодования и возмущения, без нетерпимости. Так что сила Кремля выглядела в этом свете довольно сомнительно»³⁶.

«Ни у одного другого народа не было такой жажды к знаниям и такого интереса к интеллектуальным и художественным ценностям.

Неизбалован он и жизненным комфортом...»³⁷

Кеннан видел то, чего не видели многие другие: «В условиях войны и мира, при наличии драмы, переживаний и страданий в России все же развивалась духовная жизнь народа. И это, пожалуй, наиболее важное и загадочное из всего, что происходило в Советском государстве. А важно это потому, что уже в ближайшее время определило силу и характер национальных достижений и влияния России на остальной мир. Загадка же в том, что происходило оно по

³² Ibid. P. 215.

³³ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. С. 333–334.

³⁴ Уткин А.И. Роковые телеграммы Кеннана // Вестник Института Кеннана в России. М., 2004. Вып. 5. С. 44.

³⁵ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. С. 169–170.

³⁶ Там же. С. 409.

³⁷ Там же. С. 410.

своим собственным законам, которые подчас непонятны даже в Кремле»³⁸.

Читая страницы книг и статей Кеннана, подчас невольно ловишь себя на мысли, что и о своей родине – Америке – он пишет так же – и тепло, и сердито, и доброжелательно, и остро критично, – как и о России. Не в этой ли глубокой симпатии к нашей стране кроется ключ к кеннановскому «пониманию умом России»?

Это понимание наиболее полно (и в то же время лаконично) изложено в статье Кеннана «Америка и русское будущее». Она была опубликована в журнале «Форин афферс» в апреле 1951 года³⁹ и тогда же была напечатана в американском «Новом журнале»⁴⁰, выходившем на русском языке, в переводе профессора Гарвардского университета М. Карповича.

Эту статью каждому интересующемуся русскому или американцу нужно внимательно читать, обдумывая каждый абзац, каждую строку, вновь и вновь возвращаясь к мыслям Кеннана. Он дал четкую характеристику советского строя, раскрыл его суть и драматизм.

Здесь нет возможности хотя бы вкратце изложить его размышления и аргументы. И все же нельзя обойти те оценки, которые Кеннан дает нашему времени, началу XXI века. Он не говорит, что именно это время он имеет в виду, но отчетливо обозначает, что это будет уже не советский этап.

Кеннан высказывает рекомендации и русским, и американцам (да и неамериканцам), как относиться к этой будущей России, как Америка должна воспринимать «русское будущее», которое в первом десятилетии XXI века стало нашим «сегодня».

Вот определения «русского будущего», данные Кеннаном: «капиталистическое, либерально-демократическое государство»; отсутствие «широкого распределения собственности на акционерных началах»; весьма ощутимая аналогия со старой индустриализацией России. «Характерная черта этого развития – быстрое скопление денежных средств в руках отдельных лиц и семейств, которые далеко не всегда знают, что им делать со своим богатством... Способ расходования этих богатств зачастую кажется столь же сомнительным, как и пути, которыми они приобретались»⁴¹.

Кеннановские оценки «русского будущего» четкие, лаконичные, а главное, звучат сегодня как наставления и российским, и американским политикам, да и как теоретические обобщения, важные для понимания любого переходного периода. Трудно себе представить, что эти мысли были сформулированы почти 60 лет тому назад, когда, казалось, Россия (Советский Союз) после Победы вступает в эру многовекового развития, неизменного роста своего могущества.

А Кеннан писал о будущих кардинальных изменениях, глубоко проникая в саму их суть. «Русское национальное самосознание не подготовлено к установлению в России – особенно в ближайшем будущем – ничего подобного системе частной инициативы, в том виде, в каком знаем ее мы, американцы. Это не исключает возможности развития русской частной инициативы в будущем, при благоприятном стечении обстоятельств. Но она никогда не уложится в систему, тождественную нашей. И никому не удастся форсировать темп ее развития, особенно извне»⁴².

³⁸ Там же. С. 408–409.

³⁹ Kennan G.F. America and Russian Future // Foreign Affairs. 1951. April. Vol. 29. No. 3. P. 351–370.

⁴⁰ Кеннан Дж.Ф. Америка и русское будущее // Новый журнал. 1951. Кн. 26. С. 279–288.

⁴¹ Кеннан Дж.Ф. Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 83. (От редакции – И.О. позволил себе только в двух случаях изменить прошедшее время на настоящее.)

⁴² Там же. С. 83.

И далее: «Значительные секторы экономической жизни, которые мы привыкли относить к сфере частной инициативы, почти наверняка останутся в России в ведении государства, независимо от облика будущего политического строя. Это не должно американцев ни удивлять, ни пугать. Нет никаких оснований для того, чтобы формы экономической жизни России, за некоторыми исключениями, могли считаться жизненно важным вопросом для внешнего мира»⁴³.

Пророческими звучат наставления Кеннана русским и американцам по поводу их отношения к «русскому будущему». «Обращаясь к политической стороне дела, мы не можем ожидать появления либерально-демократической России, созданной по американскому образцу. Это необходимо подчеркнуть со всей силой. Это не значит, конечно, что будущий русский режим обязательно будет антилиберальным. Нет более прекрасной либеральной традиции, чем та, которая была в русском прошлом. Да и в наши дни многие русские люди и русские общественные группы глубоко проникнуты этой традицией и готовы сделать все, что в их силах, для того, чтобы она стала господствующей в новой России. Мы только можем от всей души пожелать им успеха. Но мы не окажем им услуги, если будем ожидать от них слишком быстрых и слишком больших успехов или же если будем надеяться, что они создадут строй, подобный нашему»⁴⁴.

А какое предупреждение будущим (т.е. сегодняшним) «реформаторам» России: «Многие характерные черты советской системы переживут советскую власть, хотя бы уже потому, что все другое, что можно было бы ей противопоставить, было уничтожено. Некоторые же черты советской системы заслужива-

ют того, чтобы они пережили ее, ибо ни одна система, просуществовавшая десятилетия, не может быть лишена отдельных положительных черт. Программа всякого правительства будущей России должна будет учесть тот факт, что в русской жизни был советский период и что этот период оставил – вместе с отрицательным – и свой положительный отпечаток. Плохую помощь окажут членам правительства будущей России те западные доктринеры и нетерпеливые доброжелатели, которые будут ожидать, что они создадут в кратчайший срок точную копию демократической мечты Запада – только потому, что эти русские люди будут заняты поисками нового строя, способного заменить тот, который мы теперь называем большевизмом»⁴⁵.

А вот наставление американским, да и вообще западным «советникам»: «Нам, американцам, в особенности следует сдерживать, а если возможно, то и раз навсегда уничтожить укоренившуюся среди нас склонность судить о других народах в зависимости от того, в какой степени они похожи на нас самих. В наших отношениях с русским народом для нас теперь более чем когда-либо важно помнить, что наш строй может представляться неподходящим для людей, живущих в иной атмосфере и иных условиях, и что возможно существование социального и государственного строя, не заслуживающего осуждения, хотя бы он и ни в чем не был сходен со строем американским. Сознание такой возможности несколько не должно нас смущать»⁴⁶.

И далее: «В национальном характере русского народа есть много положительных черт, а настоящее положение в России настоятельно требует создания новой формы правления, которая позволила бы этим положительным

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 84.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

чертам проявиться. Будем надеяться, что такая перемена осуществится. Но когда советская власть придет к своему концу или когда ее дух и ее руководители начнут меняться (ибо и тот и другой конечный исход возможен) – не будем с нервным нетерпением следить за работой людей, пришедших ей на смену, и ежедневно прикладывать лакмусовую бумажку к их политической физиономии, определяя, насколько они отвечают нашему представлению о “демократах”. *Дайте им время; дайте им возможность быть русскими; дайте им возможность разрешить их внутренние проблемы по-своему* (курсив мой. – И.О.). Пути, которыми народы достигают достойного и просвещенного государственного строя, представляют собою глубочайшие и интимнейшие процессы национальной жизни. Иностранцам эти пути часто непонятны, и иностранное вмешательство в эти процессы не может принести ничего, кроме вреда. Как мы увидим в дальнейшем, в некоторых отношениях вопрос о характере будущего русского государства действительно затрагивает интересы остального мира. Но это не касается формы правления – если только она не переступает определенных, четко установленных границ, за которыми начинается тоталитаризм»⁴⁷.

Через десятилетия Кеннан видит сложность международных отношений наших дней, расхождения и борьбы интересов. «Никто не требует наивного и детского доверия; никто не требует беспричинного энтузиазма по отношению ко всему иностранному; никто не требует, чтобы игнорировались реальные и законные расхождения интересов, которые всегда налагают и будут налагать свою печать на международные отношения. *Мы должны не только считаться с тем, что русские националь-*

ные интересы не перестанут существовать, но и с тем, что они будут энергично и уверенно отстаиваться»⁴⁸ (курсив мой. – И.О.).

А какое уважение выражает Кеннан к русскому народу. И это (опять же трудно поверить!) в начале 50-х годов прошлого века, когда, казалось, ничто не угрожало советскому строю. «Мы можем требовать, чтобы нелепая система анахронизмов, известная под названием железного занавеса, была упразднена и чтобы к русскому народу, который, будучи зрелым членом мирового коллектива, мог бы так много дать и так много получить взамен, перестала применяться оскорбительная политика, третирующая его как незрелого и несамостоятельного ребенка, которому нельзя позволить общаться с миром взрослых и которого нельзя без надзора выпускать из дому»⁴⁹.

В этой своей работе Кеннан предстает, по мнению многих исследователей, как глубокий «мыслитель XX века», который на примере России видит общечеловеческие проблемы и обращает на них внимание не только «русского будущего», но и общечеловеческого. Он говорит: «Трудно определить, в чем именно заключается величие той или иной нации. Каждый народ состоит из множества отдельных людей, а среди отдельных людей, как известно, нет единообразия. Некоторые из них привлекательны, другие неприятны; одни – честные люди, другие – не вполне; одни сильны, другие слабы; одни вызывают восхищение, другие у всех вызывают любое чувство, кроме восхищения. Все это верно, как в отношении нашей родины, так и в отношении России. Поэтому так трудно сказать, в чем заключается величие народа. Одно можно сказать с уверенностью: оно редко заключается в тех качествах, которые, в сознании самого народа, дают ему право верить в свое величие;

⁴⁷ Там же. С. 85.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 86.

ибо в народах, как и в отдельных людях, подлинно выдающиеся достоинства обычно бывают не те, которые они сами любят себе приписывать.

И все же национальное величие, несомненно, существует; несомненно и то, что русский народ обладает им в высокой степени»⁵⁰.

Уже в начале своей деятельности в России Кеннан, по его словам, «пытался заглянуть в будущее и оценить возможную перспективу двусторонних российско-американских отношений»⁵¹.

В одной из своих аналитических записок того времени он писал: «Я не отрицаю возможности взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами в ограниченных пределах. Но для этого американская сторона должна быть представлена людьми, у которых есть необходимые для такой работы квалификация и компетентность, готовность к сложностям русской жизни, достаточный уровень образования и особый дар терпения. При отсутствии таких людей с нашей стороны я не вижу особой перспективы развития советско-американских отношений, если не говорить о взаимном непонимании, разочарованиях, претензиях»⁵². Весьма интересна и симптоматична следующая за этим фраза: «Эта оценка и сейчас, 30 лет спустя (т.е. в конце 60-х годов XX века. – И.О.), не кажется мне пессимистичной»⁵³.

Эти мысли Кеннана справедливы и сегодня в намеченном им «русском будущем».

Р. S. В середине июня 1987 года в Москве стояла жаркая погода. Поэтому выходявшие на юго-восток окна «Дома туриста» в конце Ленинского проспекта были пришторены, предохраняя от яркого солнца. Здесь в небольшом конференц-зале с 16 по 18 июня

проходила встреча историков СССР и США. Обсуждались проблемы советско-американских отношений после Второй мировой войны.

За отдельным столом у окна сидели председатель Национального комитета советских историков академик С. Тихвинский, его заместитель по комитету, возглавлявший советскую делегацию, профессор А. Чубарьян (тогда еще не академик) и руководитель американской делегации, бывший посол США в СССР Дж.Ф. Кеннан.

Обе делегации располагались за отдельными столами, друг против друга. Так получилось, что Б. Марушкин и я сидели близко к «председательскому» столу, почти рядом с Кеннаном.

В своих работах я часто использовал почти все известные к тому времени публикации Кеннана, высоко ценил смелый критический подход к его собственным оценкам послевоенных международных отношений. Но сейчас, глядя на Кеннана, слушая его, я видел перед собой не только дипломата и ученого, но и мудрого человека, мысли которого воспринимались с каким-то особенным чувством открытия, интереса, глубокого уважения и симпатии. У него было очень четкое произношение, пристальный взгляд, приятная, чуть заметная ироничная улыбка. Да и внешне это был красивый, привлекательный человек, немного сухощавый, выше среднего роста, со спокойными, размеренными движениями. Он с большим уважением слушал каждого докладчика и выступавшего в дискуссии.

В своем вступительном слове Дж. Кеннан отметил, что как участник рассматриваемых на конференции событий и как их летописец он особенно ощущает необходимость осознания историками своей возросшей ответственности

⁵⁰ Там же. С. 90.

⁵¹ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. С. 53.

⁵² Там же. С. 54.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См.: Новая и новейшая история. 1988. № 1. С. 239.

перед будущим⁵⁴. Это было трудное, напряженное время, говорил Кеннан, и, «возможно, нами были допущены ошибки». Трезвое осмысление уроков прошлого необходимо для наступающего этапа решающих перемен в международных отношениях, требующего конструктивных усилий народов обеих стран⁵⁵.

Содержание и тональность выступлений Кеннана производили особое впечатление на всех нас. В заключительных словах С. Тихвинского и А. Чубарьяна отмечалось, что активное участие Кеннана в работе конференции придало ей особую значимость.

Некоторые из участников этой встречи через три года вошли в состав совет-

ско-американской комиссии историков по изучению происхождения холодной войны. Были встречи в Москве, затем в Институте мира в Вашингтоне. Из Вашингтона мы переехали в родной для Кеннана Принстон с его старинным (по американским меркам) университетом. Надеялись на встречу с Кеннаном. Но стоял жаркий август, и Кеннан, говорили, находился в Норвегии. Так что встреча не состоялась. А жаль...

Когда я иногда проезжаю мимо «Дома туриста», то невольно взор останавливается на окнах конференц-зала, где более 20 лет тому назад судьба подарила мне и моим коллегам радость общения с на редкость ярким человеком – Джорджем Фростом Кеннаном.

⁵⁵ Там же. С. 241.

Как «совок» стал выпускником Кеннановского института

Несколько лет назад Н. Болховитинов передал нашему журналу воспоминания о своем первом визите в Центр им. Вудро Вильсона. Тогда этот текст так и не был опубликован. 1 октября 2008 года Николай Николаевич ушел из жизни. Сегодня, хоть и с опозданием, мы знакомим читателя с этими заметками, отдавая тем самым дань памяти выдающемуся ученому, так много сделавшему для развития российской американистики и воспитавшему достойных учеников, многие из которых впоследствии также побывали в Институте Кеннана.

Хотя я не уверен в том, что впечатления «совкового» выпускника интересуют свободных и раскрепощенных демократов XXI века, мне захотелось вспомнить о примечательных событиях тридцатилетней давности.

Надо сказать, что это была уже не первая, а вторая моя поездка в США. (Первая состоялась в 1968 году, и о ней я по свежим следам рассказал в «Американском ежегоднике» 1971 года, который, впрочем, даже тогда мало кто читал, а теперь уже, во всяком случае, ничего не помнит¹.) Я принадлежал, таким образом, к счастливому сословию «выездных», которые уже получили некоторый опыт знакомства с западным миром. Тем не менее это не означало, что я мог свободно принимать приглашения своих иностранных коллег, регулярно посещать научные учреждения и конференции за рубежом.

¹ Болховитинов Н.Н. В архивах и библиотеках США: находки, встречи, впечатления // Американский ежегодник, 1971. М., 1971. С. 329–340.

Николай Николаевич Болховитинов, академик РАН, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, Former Woodrow Wilson Center Guest Scholar

Именно поэтому я был несказанно счастлив, когда приглашение сделать доклад на симпозиуме в Библиотеке Конгресса 8–9 мая 1975 года в связи с 200-летием Американской революции получило положительный отклик в Управлении внешних сношений АН СССР. Как лояльный советский гражданин я, в свою очередь, обязался соблюдать установленные нашими властями правила, и в частности не давать интервью без специального разрешения нашего посольства в Вашингтоне. Вскоре после того, как стало известно, что я собираюсь в США, последовало приглашение стать в мае 1975 года на несколько недель гостем Международного научного центра имени Вудро Вильсона. Директор Джеймс Биллингтон специально отмечал, что в то время членами центра состояли профессор Джордж Ф. Кеннан и крупнейший специалист по Американской революции профессор Джек Грин.

Хотя приглашение Биллингтона выглядело логичным и естественным выражением гостеприимства, оформлявший меня сотрудник УВС придерживался иного мнения и предупредил о необходимости возвращения в Москву сразу же после окончания симпозиума (срок командировки всего пять дней!). Задержка даже на один день грозила мне, как он предупредил, серьезными неприятностями. Советские граждане были приучены к разного рода запретам, но, тем не менее, мне трудно было понять, почему, получив разрешение на поездку в Вашингтон, я не мог хотя бы один день провести в Международном научном центре имени Вудро Вильсона, где в 1975 году уже выступал А. Добрынин, а позже, в 1976 году, побывали Н. Иноземцев, И. Ковальченко и многие другие. Впрочем, в то время это были люди другого ранга, а рядовому «совку» ничего не оставалось, как следовать полученным инструкциям.

Однако, попав за границу, «совки» иной раз проявляли завидную изобретательность, и не только при покупке де-

фицитных товаров. Еще до отъезда я узнал, что наш посол в США А. Добрынин имеет право по собственному усмотрению разрешить советскому гражданину задержаться в США на три дня.

Поэтому, прибыв в Вашингтон, я при первой же возможности отправился в советское посольство, где попросил о встрече с Добрыниным. К моему удивлению, Анатолий Федорович без всяких формальностей сразу же меня принял. Я объяснил возникшую ситуацию и попросил разрешения задержаться в Вашингтоне на три дня. Добрынин без лишних слов поставил на моем заявлении необходимую резолюцию, но я как недоверчивый «совок»-проситель захотел еще, чтобы на его подписи стояла печать. Анатолий Федорович рассмеялся и заверил, что для всех советских учреждений его подписи вполне достаточно и никакой печати ставить не нужно. Я извинился за свою неосведомленность и сердечно поблагодарил посла за то, что он позволил мне на законном основании хотя бы на три дня стать гостем Вильсоновского центра. С чувством удовлетворения я покинул старинный особняк на 16-й стрит и с воодушевлением возобновил работу в уютном читальном зале Джефферсоновского здания Библиотеки Конгресса.

При этом я так увлекся, что на время совершенно забыл обо всех своих прежних переживаниях и даже о том, где я нахожусь. Внезапно передо мной появился старый друг и коллега, сотрудник библиотеки д-р Роберт Аллен, взволнованно сообщивший, что меня срочно разыскивает Госдепартамент. Когда я подошел к телефону, приятный, но твердый женский голос осведомился, знаю ли я, что срок моей визы истек и что я должен покинуть Соединенные Штаты. Узнав об этом, «совок» вздохнул с облегчением и не без гордости сообщил, что был у А. Добрынина и он разрешил мне продлить пребывание в США на три дня в связи с приглашением Вильсоновского центра. В ответ все тот же жесткий женский голос ска-

Знаменитый «Замок» Смитсоновского института, в котором до 1998 года располагался Центр Вудро Вильсона

зал: «Г-н Добрынин – это ваш посол, и его разрешение для нас никакого значения не имеет. Вы должны обратиться в иммиграционное агентство Соединенных Штатов».

Поняв свою оплошность, я сразу же извинился и сказал, что немедленно отправлюсь за разрешением в ближайшее иммиграционное агентство. Д-р Аллен посадил меня в машину, и спустя несколько минут мы уже стояли у дверей здания, где располагались иммиграционные власти. Двери оказались, однако, закрыты, т.к. рабочий день служащих оканчивался в 15 часов.

Настроение было испорчено. Но ничего не оставалось делать, как на следующий день, когда была назначена официальная встреча в известном всем «Замке» Смитсоновского института, где располагался Вильсоновский центр, как можно раньше вновь отправиться в иммиграционное агентство, благо оно располагалось в самом центре города. Ровно в 8 часов утра я уже вошел в агентство и попросил одну из сотрудниц продлить мне визу. Она несколько растерянно посмотрела на мой советский паспорт и попросила подождать, пока придет начальство. Я сел в одно из

кресел для посетителей и начал ждать. Прошло пятнадцать, тридцать минут, час, полтора... Время от времени мимо проходили люди, с любопытством и настороженностью поглядывали на меня, но никто не предлагал пройти для оформления документов.

Наконец я не выдержал и попросил проводить меня к начальству, поскольку в 11 часов я должен уже выступать в Вильсоновском центре. Меня провели в кабинет начальника, который, извинившись за задержку, сообщил, что уже более часа пытается прояснить мое положение в Госдепартаменте. Моему удивлению не было предела. Свободная Америка оказалась ничем не лучше бюрократической России. «Неужели в США надо так долго согласовывать с Госдепартаментом продление визы всего на два дня?» – спросил я. «На два дня?» – удивленно переспросил шеф иммиграционного агентства. «Вообще-то на три дня, но один день я уже просрочил», – извинительным тоном уточнил я. «Вот Вам виза на 30 дней», – с явным облегчением сказал начальник агентства и быстро поставил в моем паспорте необходимый штамп и подпись. «А мы-то думали, как быть с Вашим ус-

тройством в связи с просьбой о политическом убежище».

Поблагодарив за «оперативность», я схватил свой паспорт и бросился к старинному зданию Смитсоновского института. Там меня уже ждал директор Центра – профессор Биллингтон и секретарь Кеннановского института доктор Фредерик Старр. Оба проявили завидную осведомленность о моих работах, показали монографию «Доктрина Монро (происхождение и характер)» (М., 1959), опубликованную докторскую диссертацию «Становление русско-американских отношений, 1775–1815» (М., 1966) и только что вышедшую книгу «Русско-американские отношения, 1815–1832» (М., 1975). Оба уже побывали на моем докладе по Американской революции в Библиотеке Конгресса, и мне ничего не оставалось, как согласиться сделать краткое сообщение по традиционной и уже несколько надоевшей тематике «Ранние русско-американские отношения».

Думаю, что мои слушатели были несколько разочарованы, поскольку на плохом английском языке за 30–40 минут я пытался изложить результаты своих исследований по истории отношений России и США в XVIII – первой половине XIX века. Впрочем, собравшиеся проявили завидное терпение и даже задали несколько дополнительных вопросов, а затем продолжили

неофициальную дискуссию за обеденным столом.

Так, в результате этой укороченной процедуры я и стал «выпускником» Кеннановского института и с тех пор регулярно получаю информацию о разнообразных сторонах его деятельности. Надо сказать, что сам я продолжал участвовать в совместных проектах института, в частности в подготовке ряда крупных изданий – документальной публикации «United States and Russia: The Beginning of Relations, 1765–1815» (Washington, 1980); коллективного труда «Russia's American Colony» (Durham, 1987); «Imperial Russian Foreign Policy» (New York, 1993).

Мне как «совку» долгое время казалось странным, что руководство Вильсоновского центра регулярно запрашивало мое мнение по самым разнообразным вопросам, включая назначение нового директора центра после ухода Джеймса Биллингтона на пост библиотекаря Библиотеки Конгресса. Постепенно, однако, бывший «совок» все более раскрепощался и начал даже давать рекомендации для поступления в Кеннановский институт. Трудно поверить, но иной раз я удостоивался благодарности за рекомендацию той или иной кандидатуры. Что говорить, времена меняются, и иной «совок» после пребывания в Институте Кеннана может стать и гражданином.

Дискуссия о российском среднем классе

За 15 лет в России сложилось целое направление исследований среднего класса. По аналогии с западными подходами средний класс рассматривается как гарант устойчивости общества, как медиатор в разрешении конфликтов между богатыми и бедными. В российской научной и общественной дискуссии вопрос о количественном росте и влиятельности среднего класса один из ключевых: он напрямую связывается с успешностью модернизации и демократического транзита. Иными словами, проблема среднего класса многогранна: она имеет экономическое, социологическое, политическое и культурное измерения.

Состоявшийся 24 сентября 2008 года «круглый стол» «Российский средний класс сегодня: возможности и перспективы», который был организован Горбачев-Фондом совместно с «Союзом социал-демократов», Национальным инвестиционным советом, Фондом Г.В. Плеханова и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона, разумеется, не ставил задачу охватить все аспекты заявленной темы. Открывая обсуждение, М. Горбачев подчеркнул, что важно обсудить «диагноз», который ставят российскому среднему классу исследователи и аналитики.

В выступлениях на «круглом столе» выявились различные подходы к тому, как отразился на «людях среднего класса» экономический рост последних нескольких лет; каковы их перспективы в виду потрясений, с которыми сталкивается мировая и российская экономика; на какие ценности ориентируются успешные россияне и заинтересованы ли они в общественных изменениях?

Рассматривая проблему среднего класса в теоретической и сравнительной перспективе, К. Сонин (Российская школа экономики), сделал акцент на том, что в отечественном опыте последних лет более заметны типические черты, чем особенности, связанные с историей Рос-

сии. Так, быстрый экономический рост, характерный для нашей страны в последние 10 лет (7–7,5% в среднем в год), на время снял перераспределительные конфликты, в которых средний класс выступает как сила, сдерживающая их превращение в классовое столкновение между богатыми и бедными. Однако сейчас мы находимся перед перспективой замедления экономического роста. Пока его обеспечивали «низкая стартовая точка, институты и люди, появившиеся в результате реформ 10–15-летней давности, высокие цены на нефть и консервативная денежная, фискальная политика». Сегодня из перечисленного продолжает работать только фактор высоких цен на нефть, не способных – в отрыве от всего остального – обеспечить быстрый экономический рост. Снижение же его ведет к обострению распределительных конфликтов. Количественно незначительный и невлиятельный российский средний класс не в состоянии будет сыграть в них сдерживающей роли – скорее, он будет стремиться примкнуть к богатым или окажется в новой ситуации жертвой, поскольку «грядущие потрясения» связаны с расширением зоны бедности и с тем, что «мы слишком мало внимания уделяем сегодняшним бедным».

Основываясь на результатах многолетних социологических исследований, *Н. Тихонова* (Институт социологии РАН) сделала вывод, что российский средний класс увеличился почти в 1,5 раза за последние пять лет. В 2008 году к нему можно отнести уже свыше трети населения страны, а доля экономически активного городского населения составляет в нем более 40%. Ежемесячные среднедушевые доходы в целом по среднему классу (по декларируемым заявлениям) составляют около 11 тыс. руб. на человека в семье. В группе высококвалифицированных профессионалов – в среднем 15 тыс. руб. на человека.

Поскольку состав российского среднего класса крайне неоднороден, исследователи предпочитают выделять в нем «ядро» и «периферию»: «Ядро – это профессионалы с высшим образованием. Они могут быть специалистами, руководителями, предпринимателями, имеющими более пяти наемных работников». Что касается периферии, то она «поставляет кадры»: «дети» тех, кто ее составляет, через канал образования вливаются в ядро среднего класса.

За последние годы положение среднего класса улучшалось в различных сферах жизни, при этом обозначились характерные особенности его стратегий, ориентированных на инвестиции в «человеческий капитал». Так, по сравнению с другими группами населения, представители среднего класса чаще берут кредиты в банке и гораздо реже одалживают деньги у знакомых; они чаще используют социальные сети для того, чтобы получить доступ к реально дефицитным ресурсам (качественному образованию и медицине, карьерному продвижению).

Вместе с тем сегодняшний средний класс в России, ориентированный на индивидуализм и потребление, не способен объединяться даже для решения своих проблем и тем более быть субъектом политической модернизации.

Развивая тему стратегий среднего класса, *Д. Логинов* (Институт социально-экономических проблем народонаселе-

ния РАН), выделил их принципиальную черту – соответствие экстенсивному, сырьевому типу развития общества. Хотя в последние годы средний класс растет количественно и по своим потребительским характеристикам приближается к европейскому среднему классу, он не готов инициировать изменения. Это особенно характерно для представителей так называемого массового среднего класса, которые получают образование без учета его качества и стремятся работать в управленческих должностях, но не в сфере производства, а в государственно-муниципальном управлении и сфере услуг. (43–44% получают высшее образование в области менеджмента – здесь Россия оказалась впереди даже США, которые традиционно славятся производством и экспортом управленческих кадров.) Более 25% молодых людей, получая высшее образование, меняют как сферу деятельности, так и регион.

Проблема эффективности образовательных стратегий и инвестиций в образование принципиально важна для современного среднего класса – это подчеркнул *Д. Константиновский* (Институт социологии РАН). Он показал, что у части россиян заметно выросли требования к качеству образования, которое рассматривается ими прежде всего в связи с возможностями социальной мобильности. «Требования к образованию становятся все более высокими у тех людей, которые или отправляют детей учиться за границу, или стремятся обеспечить им хорошее образование в России». В последнее время все более явным становится факт зависимости качества образования детей от дохода их родителей – это закладывает и углубляет неравенство шансов для выходцев из семей среднего класса.

В целом в дискуссии выделились две главные линии. Одна была связана с попыткой дать характеристику средних слоев российского населения как своего рода прообраза западного среднего класса, оценив эту группу количественно и описав ее структуру. В этой струк-

туре пока сосуществуют представители постсоветских служащих и их потомки, большая часть которых вливается в «массовый» средний класс.

Сторонники другой линии рассуждений исходили из того, что изменяющаяся социальная структура российского общества не может быть описана и проанализирована исключительно на базе методологического аппарата теорий формирования среднего класса, как они сложились в западной социологии. Наиболее отчетливо и полемически заостренно это прозвучало в выступлении *Л. Гудкова* (Левада-Центр), который высказал сомнение в самой постановке вопроса о среднем классе в России как «очень идеологичной, очень политической и заданной», «даже вредной». По его мнению, стремление исследователей использовать теоретическую конструкцию, подтвердив ее эмпирическими данными, «отвлекает внимание от реальной социальной структуры российского общества, у которой другие источники происхождения и другие институты».

Гудков обратил внимание на то, что, по данным Левада-Центра, 83% респондентов соотносят себя «с чем-то средним». Но если две трети группы, относящие себя в России к средним, тратят все свои основные доходы на питание, то вряд ли возможно рассматривать их по аналогии с западным средним классом, который является носителем базовых ценностей общества и настаивает на том, чтобы они воплощались в политике, отстаивались партиями, защищались в суде и парламенте, которые гарантируют воспроизводство этих ценностей. Методология Левада-Центра исходит из того, что в современной России происходит медленная трансформация массовых уравнилельных установок, соответствующих «размытости социальной морфологии» посттоталитарного общества. Поэтому для определения ведущих тенденций социальных изменений более плодотворно исследование не «идеологемы» среднего класса, а реальных успешных и продвинутых групп населения, об-

ладающих экономическими и в целом большими социальными ресурсами. По данным исследования 2008 года, к ним принадлежит 7% населения, а среди молодых (24–39 лет) – 3%.

Несмотря на собственную успешность, которая выражается прежде всего в способности обеспечить себя финансово (душевой доход представителей этой группы составляет в среднем 1500 евро) в этой группе (как и в массовых слоях населения) распространены государственно-патерналистские представления («государство должно обеспечивать не правила игры, а социальные возможности, работу, медицину, образование»). Представителей этих групп отличает крайняя политическая пассивность, которая проявляется в том числе в общем настрое на отъезд из России. У подавляющего большинства этот настрой не превращается в стратегию эмиграции (на нее ориентированы не более 3% в данной группе). Как правило, он характеризует неуверенность в собственном будущем и будущем своих детей, в продолжительности периода стабильности и неверие в возможность социальных изменений в России, которые позволили бы выстраивать долговременные стратегии успеха.

«Анатомия» воззрений успешных россиян была представлена *М. Афанасьевым* (Центр политического консультирования «Никколо М»), который основывался на результатах опроса представителей «верхних», «элитных» групп (крупные менеджеры, чиновники, ведущие представители силовых ведомств, успешные профессионалы). Афанасьев делает вывод, что элитные группы высказывают идеи деятельного обновления страны на основах верховенства закона, правового государства и честной конкуренции. По разделяемым ими представлениям они близки, например, к людям аналогичного социального статуса в Европе. Они признают важность открытой, конкурентной экономики, подчеркивают неэффективность нынешней вертикали власти, но не готовы оказывать на власть давление, требовать внедрения иных

норм экономического поведения и развивать какую бы то ни было общественно-политическую активность. Потребительский индивидуализм представителей элитных групп делает их неспособными к солидарным действиям, даже если речь идет о перспективе защиты собственных интересов.

Своего рода итоги дискуссии были подведены в выступлениях Д. Орешкина (Институт географии РАН) и А. Рябова (Горбачев-Фонд).

Д. Орешкин заметил, что проблема возможностей и перспектив современного российского среднего класса сталкивается с выводом большинства исследователей и аналитиков о процессах атомизации в российском обществе: «минимум солидарности, особенно горизонтальной солидарности; минимум надежды на помощь; минимум надежды на социальные институты». Орешкин видит в этом метаморфозы «ментального перехода», который – наряду с демографическим и экономическим переходом – болезненно переживает наше общество. Центральным звеном этого перехода является изменение отношения человека к государству, которое лишается сакральной ценности державности и начинает рассматриваться как государство-менеджер, предоставляющий населению услуги («я – налогоплательщик; я хочу, чтобы мне за мои деньги обеспечили безопасность, справедливый суд, хорошую ГАИ, чистый двор и т.д.»). Но «люди во власти этого не хотят. Они хотят устранить конкуренцию. Они хотят себя сохранить в этой власти. Поэтому они активно эксплуатируют систему классической русской государственной ментальности или государственных ценностей, когда власть и держава превыше всего». По мнению Орешкина, эти ценности декларируются, но все менее эффективно работают в обществе. Одновременно новые ценности, укорененные в парламентаризме, многопартийности, институте выборов, призванном соединять общество и власть, тоже не развиваются. На сегодняшнем витке «ментального перехода»

начинается процесс «маргинализации власти, маргинализации центра: все находится в центре, а мы живем помимо его – мы не взаимодействуем». В этом просматривается опасная тенденция «разрушения государственности, о которой мы так громко печемся».

А. Рябов, обратившись к дискуссии о понятии «средний класс» применительно к реалиям сегодняшней России, высказал точку зрения, что для аналитиков, обсуждающих политические процессы в нашем обществе, более целесообразно использование термина «городские средние слои». Что касается роли этих слоев в политическом процессе, в ходе состоявшейся дискуссии отчетливо выявилось, что в социальной среде, которую они представляют, «существует колоссальный разрыв между неким общественным идеалом и наличием мотивации к его достижению. Этот разрыв может стать мотивацией для совершенно разных типов политического поведения в разных политических ситуациях». В обществах с преимущественно сырьевой экономикой, аналогичных России, «когда существует риск быстро потерять неожиданно свалившиеся ресурсы», возникает прежде всего консервативная реакция, которая обнаруживается сегодня наиболее явно в поведении различных – в том числе наиболее продвинутых, успешных – групп населения в составе городских средних слоев.

Тем не менее, по общему выводу исследователей, представители среднего класса демонстрируют драматический разрыв между «парадными ценностями» и «реальными мотивациями», характерный и для 90-х годов, и для современной России. От преодоления этого разрыва и утверждения ценностей, адекватных задачам экономической и политической модернизации, непосредственно зависит развитие российского среднего класса.

Ольга Здравомыслова,
доктор философских наук,
исполнительный директор
Горбачев-Фонда

Россия и Украина после военного конфликта в Грузии: диалог экспертов

Прошедшая 5–6 сентября 2008 года в Одессе конференция украинских и российских выпускников Института Кеннана «Украина и Россия: взаимовлияние в прошлом и настоящем» стала первой встречей экспертов двух стран после августовского военного конфликта между РФ и Грузией. Значение состоявшейся дискуссии особенно высоко на фоне того, что в официальных российских СМИ Украина часто преподносится как недружественное государство, ангажированное Соединенными Штатами, политически солидарное с режимом М. Саакашвили, поставляющее ему оружие и препятствующее свободному перемещению Черноморского флота.

Неудивительно, что конференция обнажила весьма существенные различия в оценках между российскими и украинскими учеными по многим вопросам. Образно говоря, россияне и украинцы применяют разную «оптику» для обозрения окружающего мира. По словам профессора Высшей школы экономики (Москва) *Э. Паина*, если в России чаще говорят об общем наследии славянских народов, то на Украине – об отличиях между ними.

С точки зрения большинства украинских участников конференции, Россия представляет собой империю, и даже федерализм в России носит имперский характер (*О. Лазаренко*). Однако это империя, находящаяся в состоянии глубокого кризиса. По словам *В. Фисанова* (Черновицкий университет), если период с 1991 по 2004 год можно было охарактеризовать как «полураспад империи», то годы после «цветных революций» уже можно назвать «настоящим распадом». Одним из его симптомов стало то, что Россия постепенно теряет свое влияние и позиции на Украине. В качестве причины такого положения дел украинские коллеги называли ряд факторов, таких, например,

как заявление В. Путина о возможности перенацеливания российских ракет на Украину в случае ее вступления в НАТО, обвинения украинцев в воровстве российского газа без проведения соответствующих международных расследований и т.д.

Как показали дискуссии на конференции и в ее кулуарах, украинским коллегам многое не нравится в современной России: и новое российское ура-патриотическое кино, и предвзятость российских телеканалов, и попытка провести параллели между Южной Осетией и Абхазией, с одной стороны, и Крымом – с другой. Кто-то уверен, что Россия делает все, чтобы ее соседи не стали более успешными экономически, чем она сама. Другие задают вопросы: почему, с точки зрения многих российских экспертов, Украина представляет собой ту «красную линию», переступать которую Москва намерена не позволить? Почему многие в Москве считают, что Украина чуть ли не бросает вызов всему «славянскому миру»?

Вступив в дискуссию, *Э. Паин* заявил, что грузино-российский конфликт не дает оснований для предположений о возможности повторения такого же

сценария в отношении Крыма. Южная Осетия и Абхазия и так с момента распада СССР были в сфере влияния России, только до 2008 года та не несла за это никакой формальной ответственности, а теперь взяла эту ответственность на себя, а заодно с ней – и гигантское количество проблем, поскольку для восстановления разрушенных войной территорий требуются огромные ресурсы.

Другой российский участник конференции В. Шнирельман сделал попытку показать, что концепции евразийства, этому символу российского империализма, могут быть приданы самые различные смыслы – в России, Татарстане, Казахстане, Украине. На этот раз возражать стали украинские коллеги, многие из которых утверждали, что традиция украинской политической мысли не содержит в себе следов евразийства. В такой позиции явно просматривалось желание как подчеркнуть европейский вектор развития Украины, так и продемонстрировать контраст между ней и Россией.

Исторические аналогии вообще стали одним из самых популярных риторических приемов во время дискуссии. Кто-то сравнил извилистый путь России к демократии с траекторией развития Германии от 1860-х годов до середины прошлого века, кто-то провел неожиданную параллель между В. Путиным и Людовиком XIV как двумя основателями национальных государств, а кто-то рассуждал на тему о том, почему Финлян-

дия не потеряла самостоятельность после прихода к власти большевиков, а Литва ее на время утратила. Как раз здесь-то и проявилась некоторая разница в позициях среди украинских исследователей: так, В. Фисанов упрекнул украинскую элиту в том, что она строит национальное государство, исходя из моделей XIX века. В XXI же веке, по его мнению, языковая однородность значит меньше, чем создание общего информационного и коммуникационного пространства.

Основным итогом конференции в Одессе стало понимание острейшего кризиса коммуникации между Россией и Украиной, который питается нарастающим взаимным раздражением. В России очень мало специалистов, которые могли бы разговаривать с украинской публикой в том формате, который хотя бы не встречал реакцию отторжения. Это означает, что нужны не просто площадки для взаимного общения, которые сейчас в явном дефиците; нужны и востребованы независимые эксперты, способные вести дискуссии с украинскими коллегами на идеологически нейтральном языке.

*Андрей Макарычев,
профессор политологии
и международных отношений
Нижегородского лингвистического
университета,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

Календарь событий весны – лета 2008 года

Семинар

11 апреля 2008 года, г. Волгоград

История края как поле конструирования региональной идентичности

«Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс», *Виктор Шнирельман*, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; «"Контролеры памяти" и этногенетические построения: к вопросу о роли исторических мифов в "войнах памяти"», *Дмитрий Сень*, заместитель генерального директора по научной работе Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына; «Казачья этничность в формировании региональной идентичности Волгоградской области», *Марина Рыблова*, старший научный сотрудник Лаборатории региональных исследований и казачества Южного научного центра РАН, доцент Волгоградского государственного университета (ВолГУ); «О соотношении российской и региональной идентичности в исследованиях по истории краев и областей Российской Федерации (на материалах истории Ростовской области и донского казачества)», *Сергей Кислицын*, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы; «Региональная апология – этноисториософия: миф волшебный – миф проблемный», *Виктор Викторин*, доцент отделения восточных языков Астраханского государственного университета; «Национальная историография и процессы самоидентификации калмыцкого народа», *Александр Цюрюмов*, профессор кафедры истории России Калмыцкого государственного университета; «Об исследованиях по региональной истории в Волгоградском государственном университете», *Ольга Редькина*, декан факультета истории и международных отношений ВолГУ; «Рассуждения об идентичности на фоне академической миграции», *Александр Кубышкин*, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и международных отношений ВолГУ.

*ведущий – Иван Курилла, заведующий кафедрой зарубежной истории
и мировой политики ВолГУ*

Совместно с Волгоградским государственным университетом

«Круглый стол»

28 апреля 2008 года, г. Москва

Судьбы демократического движения в России. Российская интеллигенция перед вызовами времени

Вступительное слово, *Михаил Горбачев*, президент Международного фонда социально-экономических и политических исследований (Горбачев-Фонд); «Демократическое движение в современной России: истоки, состояние, причины», *Андрей Рябов*, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения» ИМЭМО РАН, член научного совета Московского центра Карнеги; «Российская интеллигенция перед вызовами времени. Времена перемен и время застоя», *Эмиль Паин*, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ–ВШЭ).

введущая – Ольга Здравомыслова, исполнительный директор Горбачев-Фонда

Совместно с Горбачев-Фондом

Семинар

16 мая 2008 года, г. Ярославль

Особенности модернизации России: попытки объяснений

*Эмиль Паин, профессор ГУ– ВШЭ,
Андрей Соколов, декан исторического факультета Ярославского государственного
педагогического университета (ЯГПУ)
Александр Ходнев, заведующий кафедрой всеобщей истории ЯГПУ*

Совместно с Ярославским государственным педагогическим университетом

НОВОСТИ МОСКОВСКОГО ОФИСА ИНСТИТУТА КЕННАНА

В новом академическом году московский офис Института Кеннана (РОО «Кеннан») планирует развивать программу научных семинаров и «круглых столов» в Москве и регионах по актуальной для современной России проблематике, а также публиковать результаты этих встреч. С целью придания этой деятельности более систематического и фундаментального характера Институт Кеннана учредил новую позицию – научный руководитель московского офиса. С 1 октября 2008 года им стал доктор политических наук, профессор Эмиль Абрамович Паин.

По согласованию с Институтом Кеннана в качестве основных направлений деятельности московского офиса на предстоящий год были выделены следующие области:

- российско-американские отношения: история, современность, перспективы;
- особенности российской модернизации;

- межкультурные отношения и проблемы толерантности;
- миграционные процессы в России;
- развитие науки и образования в России;
- особенности социально-экономического развития постсоветских государств (на примере сравнительных исследований России и Украины).

Мы открыты для сотрудничества и будем рады рассмотреть предложения по совместной реализации проектов в рамках перечисленных направлений.

Предложения можно направлять по электронной почте руководителям программ московского офиса Института Кеннана Екатерине Алексеевой (katya.kennan@gmail.com) и Галине Левиной (galya.kennan@gmail.com)

Совет Товарищества

Журавлева Виктория Ивановна

*к.и.н., доцент кафедры мировой политики и международных отношений
Российского государственного гуманитарного университета
г. Москва*

Красиков Анатолий Андреевич

*председатель, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института
Европы РАН,
руководитель Центра социально-религиозных исследований
г. Москва*

Курилла Иван Иванович

*д.и.н., заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики
Волгоградского государственного университета
г. Волгоград*

Макарычев Андрей Станиславович

*д.и.н., профессор
Нижегородского лингвистического университета
г. Нижний Новгород*

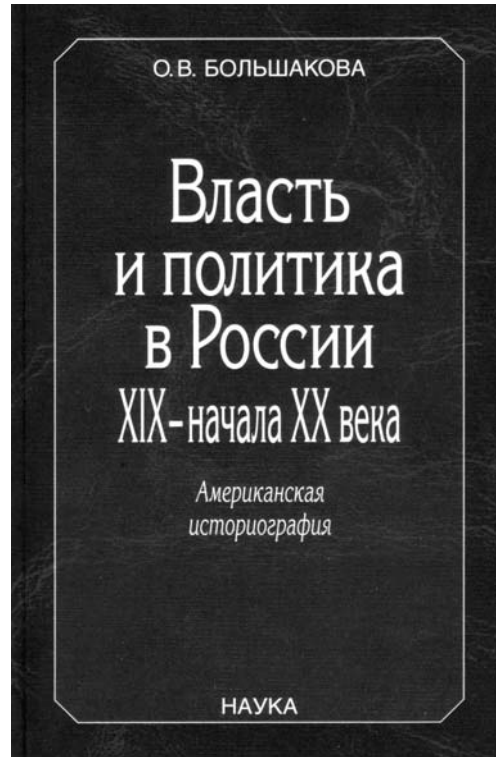
Малинова Ольга Юрьевна

*д.филос.н., ведущий научный сотрудник отдела политической науки
Института научной информации по общественным наукам РАН
г. Москва*

*В тени советологии:
американская
историография
политической
истории России
XIX – начала XX века*

Говоря об американской советологии эпохи холодной войны и современном американском россиеведении времени не менее холодного мира, нельзя не отметить одно парадоксальное обстоятельство. Ни прежде, ни теперь американские интеллектуалы, обслуживающие нужды политического истеблишмента и выстраивающие тот или иной образ СССР/РФ, не отягощали и не отягощают себя сколько-либо основательным погружением в историю изучаемого «объекта». При всей неизбежной идеологизированности – открытой прежде и прикровенной ныне – американская русистика, существовавшая и существующая как бы в тени советологии/россиеведения, была и остается прежде всего наукой, а не конъюнктурой. Американской русистике именно как науке от окончания Второй мировой войны и до наших дней посвящена новая книга О. Большаковой.

В первой главе книги рассматривается начальный этап американской русистики – этап, растянувшийся примерно на десятилетие: от окончания Второй мировой войны и до наступления хрущевской «оттепели» в СССР. Именно тогда была сформулирована и главная исследовательская повестка дня, которая впоследствии на протяжении нескольких десятилетий (правда, с некоторыми, порой весьма существенными, вариациями) оставалась для историков-русистов США определяющей. Эта повестка сводилась к ретроспективному постижению русской революции, то есть оты-

О.В. Большакова. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография.
Москва: Наука, 2008. 263 с.

сканию корней 1917 года в прошлом России. Вместе с тем подобный проблемный мейнстрим вовсе не привел к концептуальному единообразию. Более того, в ситуации, когда еще совсем недавние союзнические отношения в рамках Антигитлеровской коалиции сменились конфронтацией, готовой вот-вот перерасти в военный конфликт, американская академическая гуманитарная мысль не превратилась в банальный антисоветский агитпроп. Да, безусловно, здесь делали погоду пропагандистские и далекие от истины штампы о многовековом тоталитарном наследии русского политического опыта, который в лице советской системы обрел лишь новое воплощение, и об «азиатских» закономерностях развития общества и государства России. Однако даже в таких условиях – и автор это наглядно демон-

стрирует на многочисленных примерах – молодая американская русистика все-таки оставалась творческой лабораторией, во многом благодаря конкуренции двух научных центров – Гарварда, где русский эмигрант М. Карпович создал школу «интеллектуальной истории» дореволюционной России, и Русского института Колумбийского университета под руководством Дж. Робинсона, специализировавшегося преимущественно на изучении политической истории советской эпохи.

Возникновение в 1950-х годах «новой исторической науки» с ее повышенным интересом к социологии и методологическим аспектам исследовательского процесса отразилось и на работах американских русистов, начавших рассматривать дореволюционную Россию сквозь призму теории модернизации. Первым шагом в данном направлении посвящена вторая глава монографии. Автор отмечает парадоксальный разворот доминирующих научных интересов американских исследователей от поиска и анализа специфических черт «особого общества тоталитарного типа», каким считали Россию в 1940-е годы, к разглядыванию в нашей дореволюционной истории закономерностей, свойственных всем без исключения странам, когда-либо переживавшим индустриализацию. Отсюда и удревление отправной точки ретроспекции с 1917 до 1861 года. Наиболее рельефно подобный подход отразился в концепции «относительной отсталости» А. Гершенкрона, в оценке Т. фон Лауэ русской индустриализации как насильственного процесса. Утвердившийся в те годы в американской историографии тезис о том, что для России главным мотивом вступления на путь модернизации и, соответственно, неизбежно сопутствующей ей вестернизации было стремление власти преодолеть отсталость государства, вызвал повышенный интерес к истории самодержавия и его институтов. Тогда же в качестве самостоятельного исследовательского направления в трудах М. Рае-

ва возникает тема русской бюрократии – причем как отдельных ее представителей (в частности, М. Сперанского), так и в целом правительственного аппарата самодержавной России как значимого субъекта власти. Эта тема во многом явилась отражением рецепции Т. Парсонсом взглядов М. Вебера применительно к современным американским реалиям и в целом результатом адаптации историками инструментария и подходов теории элит.

Третья глава работы представляется ключевой для понимания исследовательских, мировоззренческих и просто личностных особенностей того сообщества американских русистов, которое вошло в науку в 1960-е годы, в эпоху фундаментальных социокультурных перемен, охвативших передовые страны Запада. Это сообщество иначе именуют «средним поколением русистов». В отличие от их предшественников, о которых говорится в первых двух главах, представители этого нового поколения традиционной политической истории с ее приоритетным вниманием к механизмам, институтам и персоналиям власти предпочли социальную историю – по выражению автора, историю «снизу». Одновременно и наработки 1950-х годов в области модернизационного подхода к анализу императорской России не пропали втуне – они получили мощную социальную прививку, благодаря которой стали менее схематичными и более конкретными, привязанными к социально-экономическому контексту XIX – начала XX века. Еще одно принципиальное отличие «среднего поколения» от его предшественников – это открывшаяся благодаря заработавшей системе международного научного обмена возможность работы в советских архивах и установления личных контактов с советскими коллегами. И несмотря на многочисленные трудности и препоны, чинимые тогда в СССР иностранным, и прежде всего американским, стажерам, можно утверждать, что в результате поездок в СССР професси-

онализм историков-русистов США качественно повысился. Отдельное внимание в главе уделяется и тому, как советские ученые, в частности профессор Московского университета П. Зайончковский, курировали стажеров из США. И здесь не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство представителей «среднего поколения русистов», которые занимались эпохой XIX – начала XX века, в той или иной степени имели соприкосновение со школой Зайончковского.

В следующих пяти главах автор анализирует американскую историографию конкретных проблем политической истории России XIX – начала XX века, доводя свой анализ по каждому направлению до конца 1980-х, то есть до выхода на научную авансцену уже «молодого поколения». Прежде чем перейти к содержательному рассмотрению данных глав, хочется заметить, что подобное авторское решение – а именно переход от хронологического изложения к тематическому – представляется оправданным. Причем оправданным применительно как раз к «среднему поколению русистов». Их работы утрачивают свойственную трудам историков «старшего поколения» обзорность и, соответственно, поверхностность, становятся более содержательными и углубленными в круг изучаемых проблем, а потому нуждаются в более обстоятельном рассмотрении.

Это явственно прослеживается хотя бы на материале работ по истории русского самодержавия. Автор подчеркивает, что историки «среднего поколения» изначально отказались от традиционного для американской историографии прежних лет взгляда на самодержавие как на сугубо культурно-исторический феномен и стали рассматривать его в широком социальном контексте и с гораздо более тщательной проработкой институциональных вопросов. В результате появилась возможность говорить в том числе и о положительной роли самодержавия, о его исключитель-

ном значении для модернизации России. Скорее политологический и конъюнктурный, нежели исторический и объективный взгляд историков 1940–1950-х, стремившихся усмотреть преемственность между императорским и советским авторитаризмами, уступает место сравнительному анализу отдельных этапов существования русской монархии как качественно отличавшихся друг от друга. В том, что русское самодержавие – это вариант европейского абсолютизма, никто более не сомневается, хотя по-прежнему исследовательский интерес сосредоточен преимущественно на специфике этого политического режима, нежели на прослеживании общих с его западным оригиналом черт.

В самостоятельное направление в 1960–1980-х годах оформляется и изучение правительственного аппарата Российской империи. В главе, посвященной анализу этого направления, автор разбирает две традиции, оказавшие определяющее влияние на его зарождение и развитие. Первая традиция – это опыт исследования русской бюрократии, накопленный советской историографией, особенно такими ее представителями, как П. Зайончковский, Л. Шепелев, Ю. Соловьев, Н. Троцкий. Другая традиция – наработки западной элитологии, отталкивающейся от наследия М. Вебера и привнесшей в институциональную историю само понятие «политическая культура» – понятие, которое дало возможность значительно расширить проблемное поле истории бюрократии и помимо сугубо функциональных вопросов обратиться к рассмотрению ее менталитета и мотивационно-ценностных ориентиров. В указанный период выходит несколько работ и по истории государственных учреждений империи. В них одна из излюбленных тем американских русистов того времени – зазора между модернизационными вестернизаторскими амбициями самодержавия и наличной правовой культурой – описывается на

примерах конкретных управленческих структур.

Отмеченное выше удревление начальной точки ретроспективной развертки русской истории с 1917 до 1861 года, произошедшее в американской историографии в 1950-е годы, привело к выделению «средним поколением» Великих реформ и в целом эпохи 1860–1870-х в отдельный тематический блок. В монографии показано, как представители «среднего поколения», воспитанные на теории модернизации и видевшие свою миссию во многом в том, чтобы обогатить построения своих учителей конкретным фактическим материалом, почерпнутым из советских архивов, – как эти историки нашли в Великих реформах именно то, что отвечало поставленной задаче. Но подойдя к анализу Великих реформ со своей заранее заготовленной модернизационной «оптикой», некоторые из них от наполнения информационной «плотью» модернизационной схемы перешли к углубленному анализу собранных ими фактов, избегая отвлеченных обобщений и предпочитая делать конкретные, привязанные к описываемым и интерпретируемым реалиям выводы. Среди таких работ – исследования Т. Эммонса, Д. Филда, Б. Линкольна и других учеников П. Зайончковского.

Погружение в проблематику 1860–1870-х годов подвело представителей «среднего поколения» к мысли о необходимости ревизии прежних представлений о контрреформах. И если во всех иных направлениях изучения истории России XIX – начала XX века работы американских ученых все-таки оставались в известном смысле вторичными и в лучшем случае расширяли фактическую базу представлений о тех или иных аспектах внутренней политики самодержавия, то в рассмотрении эпохи Александра III труды американцев стали действительно пионерскими. Будучи в отличие от своих советских коллег свободными от идеологических ограничений, они имели возможность

отказаться от примитивного толкования времени 1880-х – начала 1890-х как эпохи торжества беспросветной реакции и впервые взглянули на произошедший тогда откат как на неизбежный процесс политической стабилизации ради нужд форсированной индустриализации экономики. Эпоха контрреформ рассматривалась с самых разных сторон – и в разрезе борьбы группировок высшей бюрократии, и в аспекте противостояния официальной и оппозиционной идеологий, и в ракурсе сословной политики, и, наконец, на богатом материале социально-экономического развития империи.

Еще одно, удобное для «модернизационного» восприятия политической истории рассматриваемого периода, направление – это трансформации начала XX века, и прежде всего столыпинские преобразования, думский эксперимент, а также национальная политика самодержавия. С одной стороны, рассмотрение этих вопросов подводило представителей «среднего поколения» к ответу на вопрос, поставленный еще историками «старшего поколения», – о возможной альтернативе революции 1917 года. С другой стороны, именно на материале, описывающем функционирование империи и ее институтов в ситуации усугубляющегося кризиса, было удобно верифицировать те выводы, к которым американские русисты приходили при анализе самодержавия, его государственных учреждений и бюрократии второй половины XIX века, а также просматривать динамику нарастания системных противоречий в механизмах и институтах власти России на длительном промежутке времени. В работах, написанных во второй половине 1980-х, чувствуется также и подспудное соотнесение столыпинского реформизма и опыта парламентаризма с переменами в СССР в годы горбачевской перестройки.

В девятой главе автор систематизирует информацию о международных научных мероприятиях 1980–1990-х годов

и их значении для обмена опытом между американскими русистами и отечественными исследователями, освободившимися от догматических и цензурных шор. Обращает на себя внимание тот факт, что при безусловной обоюдной выгоде от интенсифицировавшихся в указанное время научных обменов и американская, и российская стороны все же не вышли на уровень аналитического синтеза лучших наработок западной методологии и отечественного источниковедения. Как следует из материала данной главы, взаимное узнавание и привыкание к дискурсивным практикам друг друга явно затянулось.

Наконец, в двух заключительных главах монографии автор анализирует труды русистов «молодого поколения» и приходит к выводу о том, что поисковая напряженность, вызванная кризисом прежних методологических подходов и присущая современной западной исторической науке, свойственна и нынешней американской русистике. Причем свойственна, может быть, даже еще в большей степени, чем в исследованиях европейского Нового времени. Дает о себе знать практически неиспользованный и нераскрытый интерпретативный потенциал известных источников,

введенных в научный оборот исключительно описательным образом, а также сохраняющаяся возможность новых архивных находок, способных существенно дополнить имеющиеся представления о политической истории самодержавной России.

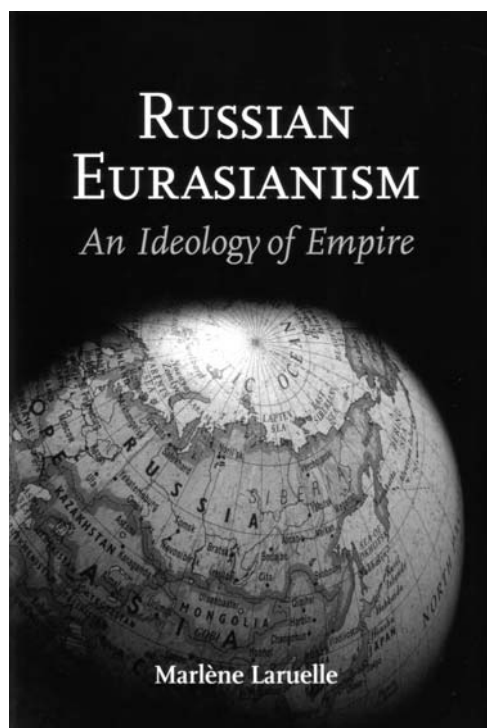
Книга О. Большаковой – это не только полезный и удобный путеводитель по более чем полувековой американской русистике, но и навигатор по наиболее перспективным приемам постижения нашей собственной истории, перечитывания многих ее страниц, кажущихся на первый взгляд однозначными и не подлежащими каким-либо иным трактовкам. Хотелось бы пожелать автору при продолжении изучения американской историографии политической истории России уделить несколько больше внимания анализу самых последних, еще только заявивших о себе методологических приемов, могущих быть полезными и нашим историкам.

Дмитрий Андреев,
доцент исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
*Former Kennan Institute Short Term
Scholar*

Евразийство: русское, российское или ... турецкое?

Имя французской исследовательницы Марлен Ларюэль хорошо известно в России. Первая из опубликованных ею в России книг «Идеология русского евразийства или мысли о величии империи» (2004) остается единственным на русском языке систематическим и всесторонним обзором евразийской идеологии в ее классическом виде, не имеющим аналогов в нашей историографии. Ее следующая книга, написанная в соавторстве с С. Пейрузом, вышла в Москве в 2007 году и была посвящена казахскому национализму и «русскому вопросу» в Казахстане. Наконец, еще одна книга, вышедшая во Франции в 2005 году, рассматривала роль «арийского мифа» в идеологии и политике императорской России.

И вот перед нами новая книга, являющаяся органическим продолжением более ранних работ автора, посвященных анализу политических идеологий в России XIX–XX веков. На этот раз речь идет о ретроспективном рассмотрении евразийской идеологии в контексте бурной истории последнего столетия. Автор начинает свое повествование с анализа классического евразийства 1920–1930-х годов, затем переходит к такой знаковой фигуре, как Лев Гумилев, считавший себя «последним евразийцем», после чего останавливается на анализе взглядов новейших «евразийцев» – покойного философа А. Панарина и здравствующего эзотерика и геополитика А. Дугина. Кроме того, автор не обходит своим вниманием такую мало изученную тему, как тюрко-исламское

Marlène Laruelle. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire.*

Washington D.C. and Baltimore: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 2008. 276 pp.

евразийство в России, а также своеобразие отношение к евразийству некоторых политиков и интеллектуалов в Казахстане и Турции.

Ларюэль справедливо считает неоевразийство самой изощренной из всех консервативных идеологий, появившихся в России в 1990-х годах. В то же время она отмечает его парадоксальность и противоречивость, гетерогенность и отсутствие внутренней логики. И это происходит не только из-за изъянов, изначально присущих евразийству, и не только из-за сложности и противоречивости социально-политической обстановки в постсоветской России. Но главным образом по той причине, что уже классическое евразийство предвосхитило полифонию постмодерна, и сегодня его постулаты с энтузиазмом подхватывают очень разные политики и интеллектуалы для продвижения

своих политических проектов, преследующих весьма различные цели. Такие энтузиасты вовсе не стремятся к глубокому изучению и критическому освоению идейного наследия отцов-основателей. Их подход к евразийству инструментален, и они выхватывают из этого наследия лишь то немногое, что отвечает их собственным чаяниям. В частности, на излете перестройки евразийскую идеологию по-своему пытались использовать даже демократы и либералы, что, к сожалению, выпадает из поля зрения автора. Впрочем, сознавая значительную вариативность современного евразийства, Ларюэль справедливо предлагает говорить о нем не в единственном, а во множественном числе (с. 84).

В любом случае идеология, изначально призванная обеспечить спасение территориальной целостности Российской империи, сегодня служит иной раз совершенно иным целям, включая и анти-российские проекты. Поэтому название рецензируемой книги не вполне отражает суть исследуемого явления. Сегодня евразийство выходит далеко за пределы «русского» и даже «российского» проекта, и вовсе не случайно автор расширяет рамки своего исследования за счет евразийского дискурса в Казахстане и Турции. Поэтому, вопреки автору (с. 5), далеко не все современные евразийские теории служат «русскому национализму». Кстати, досадно, что, подобно большинству западных экспертов, Ларюэль не всегда проводит строгие различия между «русским» и «российским», используя для них единый термин *Russian*. Это не позволяет осветить существенные нюансы дискурса и в ряде случаев способно ввести зарубежного читателя в заблуждение. Ведь не одно неоевразийство виновно в таком смешении понятий (ср. с. 14, 71, 221), и русский язык к этому непричастен (ср. с. 188). И если для западного читателя выражение *Russia's distinctive feature is to be Russian* звучит тавтологией (с. 222), то его русский эквивалент «России

предназначено быть русской» отсылает к вполне осмысленной и опасной политической программе.

Автора исследования интересует не столько бескрайняя вариативность современного евразийства, сколько его ключевые фигуры. И почти половину книги она посвящает детальному анализу взглядов Гумилева, Панарина и Дугина. Это имеет определенные основания, учитывая необычайную популярность идей Гумилева на всем постсоветском пространстве, респектабельное место философа Панарина в контексте современного российского неоконсерватизма и нынешнюю бурную издательскую и политическую активность некогда маргинального идеолога Дугина, не без успеха ставшего властителем дум определенной части российского общества. Сегодня, как и в 1920-е годы, популярность евразийских идей связана не столько с деятельностью политических партий, сколько с определенными массовыми настроениями, которым ряд известных или не столь известных интеллектуалов пытаются придать форму наукообразных концепций.

Рассматривая сложные взаимоотношения евразийства и советского режима, окрашенные, с одной стороны, антикоммунизмом евразийцев, а с другой – их враждебностью к западной либеральной демократии, Ларюэль правильно подчеркивает их ориентацию на «третий путь» и «консервативную революцию». Они доказывали, что иного выбора у России нет, и пытались обосновать это географическими, историческими, культурологическими и религиозными аргументами. Отвергая марксизм, они приветствовали большевизм как самобытную национальную идеологию. Основываясь на органицистском подходе, они фактически обожествляли государство, приветствовали корпоративное общественное устройство и надеялись, что евразийство станет той «идеей-правительницей», которая сможет сплотить все российское общество. Они отвергали парламентаризм и разделение влас-

тей, всецело полагаясь на властную элиту («правлящий отбор») и авторитет вождя. Многопартийная система их тоже не прельщала. Зато их привлекал итальянский фашизм, в котором они усматривали предварительный набросок любезного им режима идеократии. Все это достаточно адекватно излагается автором.

Вместе с тем, как и в своей первой книге, она снова всячески дистанцирует евразийцев от биологизации этнокультурных групп (с. 31). Действительно, тесные лингвокультурные связи между соседними группами казались им не в пример важнее (отсюда идея «языкового союза», выдвинутая Трубецким и Якобсоном). Однако и Трубецкой, и Карсавин допускали отождествление народов с «биологическими особями», хотя и не делали из этого далеко идущих выводов¹. А Хара-Даван в своих поздних работах откровенно встал на позиции социодарвинизма. Без учета этой, пусть и слабой, тенденции трудно понять трансформацию классического евразийства в «теорию этногенеза» Льва Гумилева. Зато автор подробно останавливается на географическом детерминизме Савицкого, без которого остались бы необъяснимыми евразийские корни геополитики Дугина. Не обходит она вниманием и свойственные евразийцам культурологические обоснования авторитаризма². В то же время имманентно присущие евразийству противоречия постоянно устраивают западню для исследователя. Иной раз в нее попадает и автор. Так, вслед за Савицким объявляя евразийскую идентичность «географической», она вскоре вынуждена обратиться к идее «исторической судьбы», о которой писал Трубецкой (с. 31–39). География без истории оказывается бессильной, но и история приобретает смысл, лишь осуществляясь в конкретном «месторазвитии».

В то же время евразийский подход к истории существенно отличался от привычной русской историографии. Огромная роль в ней отводилась «туранству», прежде всего монгольской империи Чингисхана. Тем самым фактически евразийцы солидаризировались с русофобскими идеями Ф. Духинского, за что их сурово критиковали русские консерваторы. Между тем, обнаруживая корни политической и военной системы русского государства в монгольской империи, евразийцы, вопреки утверждению автора (с. 42), вовсе не рассматривали ее как «религиозную модель для России». Напротив, для евразийцев не могло быть никакого компромисса между православием и восточными религиями (ср. с. 44–45). Впрочем, монгольское наследие требовалось евразийцам не столько для решения историографических задач, сколько для легитимации имперских захватов царской России, в которых они видели ее «историческую миссию». И в этом трудно не согласиться с автором, как и в том, что, пытаясь отстраниться от Европы, евразийцы питались европейским идейным наследием – ни Чингисхан, ни Тимур тягаться с этим были не в состоянии. И в этом, как и во многом другом, евразийцы предвосхищали постколониальные политические идеологии.

Несмотря на хорошее знакомство автора с идеями Гумилева, само направление соответствующей главы вызывает недоумение. Почему там ставится вопрос о связи Гумилева с «теорией этничности», хотя сам он называл свое учение «теорией этногенеза» и проблеме этничности не обсуждал? Не меньше вопросов вызывает и авторская трактовка этнических взаимоотношений в трудах Гумилева. Зная об иерархической системе этнических категорий, введенной Гумилевым (с. 70), настаивавшем на

¹ Шнирельман В.А. Рец.: Марлен Ларюэль. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. Москва: Наталис, 2004 // Вестник Евразии. 2004. № 2. С. 184–191.

² Ср.: Шнирельман В.А. Евразийская идея и теория культуры // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 3–16; он же. Евразийство и национальный вопрос // Этнографическое обозрение. 1997. № 2. С. 112–125.

разном характере этнических взаимоотношений на каждом из ее уровней, автор почему-то упрощает его взгляды, сводя их к биологическому детерминизму (с. 59, 74–75), который при всей его роли в теории этногенеза вовсе не описывал все разнообразие межэтнических контактов, допускавшееся Гумилевым.

Кроме того, автор категорически не хочет признавать евразийскую генеалогию идей Гумилева. Действительно, созданная им концепция отличалась своеобразием. Однако его стремление причислять себя к евразийцам не было уж вовсе надуманным. Это проявлялось и в унаследованном им от них экологическом детерминизме, и в стремлении наделить кочевников особой ролью в русской истории, и в позитивной оценке монгольского завоевания, и в представлении об этносах как «коллективных личностях», и в жадном увлечении «историческими циклами», и в маниакальной враждебности к Западу.

Впрочем, и различия были немалыми: если евразийцы работали в жанре гуманитарного знания, то, будучи отвергнут историками и оказавшись в среде географов, Гумилев попытался развивать свою «теорию этногенеза» на основе естественно-научных методов. При этом он не мог обойтись без исторических материалов как базы для своих рассуждений. Однако, отвергнув научные методы критики таких источников, он, как справедливо замечает автор, создал грандиозную псевдонаучную конструкцию, получившую неожиданную популярность в постсоветской России. При этом, объявив себя отцом «этнологии», он не имел опыта ни этнографической, ни географической полевой работы. Он даже не знал, что многие из поставленных им проблем уже давно плодотворно изучаются специалистами.

Зато он стремился опираться на физику и химию, даже не пытаясь обосновать научными методами их связь с этническими процессами. Некоторые из важнейших звеньев своей теории он заимствовал у ученых далекого прошлого, даже не задумываясь об обоснованности таких данных. Например, о продолжительности жизни народа в 1200 лет впервые написал швейцарский ученый и философ культуры Якоб Буркхардт (1818–1897), но Гумилев мог взять эту цифру и у К. Леонтьева. Однако ни тот, ни другой не приводили, да и не могли привести никаких убедительных данных в ее доказательство. Впрочем, все это уже получило обстоятельную критику в отечественной науке³.

Гораздо интереснее порассуждать на тему о том, почему Гумилев решил создать свою «теорию этногенеза» именно на рубеже 1960–1970-х годов и как это соотносилось с состоянием тогдашнего советского общества. Ведь вряд ли надо считать случайностью, что в те годы и академик Бромлей занялся разработкой «теории этноса»⁴. Связь «теории этногенеза» с началом официальной кампании борьбы с «международным сионизмом», о которой упоминает автор (с. 76), представляется мне обоснованной⁵. Однако имелся и другой не менее важный фактор – к концу 1960-х годов в стране набирали силу этнонационалистические настроения. Власть отреагировала на это организацией кампании против них, приуроченной к 50-летию юбилею СССР. Но силовые действия лишь усугубили ситуацию.

В этих условиях теория Гумилева выходила за рамки науки и обретала политический подтекст. И автор вполне правомерно причисляет Гумилева к одному из течений русского национализма, в чем тот также обнаруживает близость

³ См., напр.: Шнирельман В.А., Панарин С.А. Лев Николаевич Гумилев: отец этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 5–37; Кореняко В.А. Этнонационализм, квазинисториография и академическая наука // А. Малащенко, М. Б. Олкотт (ред.). Реальность этнических мифов. М.: Гендальф, 2000. С. 34–52.

⁴ Об этом см.: Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. М.: НЛЮ, 2009.

⁵ Shnirelman V.A. The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s-1990s. Jerusalem: The Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, Hebrew University, 2002. P. 45–46.

к исконному евразийству. Наконец, автор справедливо называет Гумилева «советским человеком» и сомневается в обоснованности причисления того к «диссидентам», хотя и признает его маргинальность. Действительно, Гумилев разделял ряд ключевых постулатов позднесоветской идеологии, включая эссенциалистский взгляд на этнические реалии. В то же время преувеличением звучит утверждение о необычайной популярности теории Гумилева в научных кругах: в России немало ученых скептически относятся к его построениям и не используют их в своих работах. Влияние Гумилева в науке ограничивается лишь определенным кругом специалистов, хотя этот круг достаточно широк.

Важное место в контексте неоевразийских идеологий Ларюэль справедливо отводит философу А. Панарину, прочно связывая его имя со становлением российского неоконсерватизма. Однако следовало бы упомянуть, что в 1980-х годах Панарин специально занимался изучением западного консерватизма, став лучшим в России знатоком этой тематики, что и помогло ему в 1990-х годах занять место духовного лидера российского неоконсерватизма. Любопытно, что автор с большей готовностью обнаруживает «евразийские корни» у Панарина, чем у Гумилева, хотя, в отличие от того, Панарин пытался сделать невозможное – скрестить евразийство с панславизмом, что было чуждо как евразийцам, так и их предшественнику К. Леонтьеву. Впрочем, автор хорошо улавливает всю противоречивость взглядов Панарина, который шел не столько от науки к политике, сколько, напротив, от политических убеждений к попыткам их научного обоснования. Тем самым идеолог в нем постоянно одерживал победу над ученым, чем и объяснялись его беспрестанные идейные метания. Это, разумеется, затрудняет анализ его концепций, далеких от ка-

кого-либо стройного единства. Правда, их стержнем служило понятие «цивилизации», и Панарин был одним из наиболее ярких представителей «цивилизационного подхода» в России, понимавшим его как «философию нации»⁶. А источник его взглядов, помимо евразийства, автор справедливо находит во французской Школе анналов (с. 91).

В то же время имеющиеся подходы не давали однозначного ответа на вопрос об основаниях искомой цивилизации, и Панарин мучительно искал его то в культурной общности и единых ценностях, то во всеохватывающем государстве, то в религии (православии). Поэтому в разные годы его теоретические взгляды выглядели по-разному, но, к сожалению, их эволюция почти не находит отражения в рассматриваемой книге. И стремление автора свести все многообразие идей философа, высказанных им в разные годы, к единой концепции выглядит достаточно искусственно. Ведь Панарин середины 1990-х годов существенно отличался от Панарина начала 2000-х. Лишь в одном автор находит динамику – в отношении философа к евреям, с годами становившемся все более нетерпимым, доходя до откровенных антисемитских построений, особенно в его последней книге «Стратегическая нестабильность в XXI веке». Вряд ли такая эволюция может удивлять, ибо она происходила рука об руку с ростом имперских и мессианских настроений философа, возрождая те чувства, которые питали позднего Достоевского. На примере Панарина можно было бы показать, как, совершив полный круг, «русская имперская идеология» кануна XXI века вернулась к тем основам, с которых она начала свой путь в последней четверти XIX века. И не случайно автор находит сходства между рассуждениями позднего Панарина об «индоевропейском наследии» России и вариантом арийского мифа, сформирова-

⁶ Об этом см. также: Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // В.А. Тишков, В.А. Шнирельман (ред.). Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 82–105.

ровавшемся в России к концу XIX века (с. 104).

Наконец, обращаясь к фигуре Дугина, автор метко характеризует его как «находящегося одновременно на окраине и в центре русского националистического феномена» (с. 107). Пожалуй, этот раздел книги отличается наибольшей полнотой и разносторонностью, чему способствовала как публичная активность Дугина, так и то пристальное внимание, которое он неизменно вызывает у западных аналитиков. Здесь достаточно детально представлены как жизненный путь Дугина, так и все многообразие источников его мировоззрения. Автор особо подчеркивает его западные истоки: германские консервативную революцию и геополитику, традиционализм Рене Генона, ариософию, конспирологию и идеи европейских новых правых. Особую ценность представляет детальный сравнительный анализ идей Дугина и А. де Бенуа (с. 126–131), однако мало внимания уделено наследию Ю. Эвола, отца европейского послевоенного неонацизма. Именно последнему Дугин обязан своим пристрастием к «духовному расизму».

Автор замечает, что, несмотря на лихорадочную деятельность Дугина по переизданию трудов отцов-основателей евразийства, многие их разработки не находят отражения в его творчестве, сфокусированном на геополитике и эзотерике. Вывод очевиден и парадоксален: «в интеллектуальном багаже Дугина мало русского» (с. 116). Другой особенностью его мировоззрения служит акцент на бинарных оппозициях, что неизбежно ведет к редукционизму. Третьей является создание образа врага и не просто ожидание будущей мировой войны, но даже призывы к ее скорейшему началу (в свое время это подметил А. Янов). Провозглашая свой подход «научным», Дугин увлекается конспирологией и не брезгает обращаться к поддельной голландской «Хронике Ура Линда» (она была сфабрикована задолго до Г. Вирта, и все это стоило бы

отметить). Его традиционализм также не имеет никакого отношения к научности. Даже пропагандируемое им православие он понимает по-своему и ради строительства «национальной религии» стремится стереть грань между любезным ему старообрядчеством и язычеством. Это, разумеется, вызывает удивление у иерархов Русской православной церкви.

Подобно рассмотренным выше авторам, Дугину также не чужд антисемитизм, хотя, как верно замечает Ларюэль, тот отличается рафинированностью и нередко незаметен для непосвященных. Однако, как и в случае с Панариным, она упускает динамику взглядов Дугина. Ведь биологический расизм, демонстрируемый им в «Гиперборейской теории», отличается от культурного расизма его более поздних произведений, а целостный «враждебный мир Юдаики», обрисованный в «Консервативной революции», распадается на «хороших» и «плохих» евреев в «Конспирологии» или «Философии войны». Какой-либо целостной версии антисемитизма из разновременных работ Дугина построить не удастся. О его устойчивом филосифонизме или стремлении представить восточноевропейских евреев врагами русского национализма тоже говорить не приходится. В ряде работ он дает прямо противоположные оценки. Стоит также отметить, что немногочисленные израильские радикалы, которых Дугин вовлек в свое движение, вскоре его покинули, а московский раввин А. Шаевич никогда не был ни радикалом, ни мистиком. Зато антисемитизм Дугина имеет очевидный доктринальный характер и являет собой пример кабинетных конструкций, далеких от живой реальности.

Наконец, нельзя судить о Дугине, исходя из его самоописания как «просвещенного и политкорректного националиста». Сегодня следовало бы уделить внимание созданному им Евразийскому союзу молодежи (ЕСМ), известному своей откровенной ксенофобией и ра-

дикальными политическими действиями. Именно ЕСМ был инициатором проведения первого «Русского марша». Ответственность за все это, безусловно, несет его духовный гуру. В то же время не стоило бы преувеличивать влияние Дугина на российское общество. Если его в качестве «эксперта» приглашают различные СМИ, это говорит о всеядности и неразборчивости журналистов, а вовсе не о популярности его идей. Мало того, участвуя в «круглых столах» вместе с известными учеными, он в их присутствии теряется и не высказывает ничего, кроме плоских банальностей.

Две заключительные главы посвящены евразийству у нерусских народов России, а также в Казахстане и Турции. Именно здесь автор вводит в оборот материалы, которые специалисты обычно обходят своим вниманием⁷. Например, обсуждаются малоизвестные данные о развитии мусульманского варианта политического евразийства в России, достигшего кульминации в учреждении в июне 2001 года «Евразийской партии России» и пережившего закат после неудачного участия в думских выборах в декабре 2003 года. Интересны рассуждения Ларюэль о связях некоторых исламских политиков с русским националистическим движением, а также об особенностях противостояния муфтиев Т. Таджуддина и Р. Гайнутдина. Правда, фигура Гейдара Джемалю, оказавшего определенное влияние на становление Дугина как мыслителя (а не наоборот, вопреки мнению автора), заслуживала бы большего внимания. И уж вовсе неверно изображать Р. Хакимова сторонником евразийства, хотя он и разделяет отдельные его положения. Несмотря на эволюцию его взглядов, он всегда дистанцировался от современного «русского евразийства», видя в нем «конфлик-

тогенную идеологию». Евразийство отнюдь не находит единомышленной поддержки в Татарстане. А в Саха-Якутии популярно не столько евразийство, сколько идея «арктической цивилизации».

Вместе с тем Ларюэль права, подчеркивая прагматичность и инструментализм нерусского евразийства. Это в особенности отличает его казахское ответвление. Мало того, автор показывает, что казахстанское евразийство является скрытой формой казахского национализма. Но подобная национализация евразийства происходит и во многих других случаях, и евразийская риторика не должна нас обманывать. Наконец, особая судьба ждала евразийство в современной Турции, где оно было также переосмыслено, но по-своему. Иными словами, в течение последних 20 лет происходило не только бурное возрождение евразийства, но и его экспансия и вместе с тем инфляция. Многие из современных версий евразийства далеко отошли от своего прототипа и сближаются с ним лишь терминологически.

В итоге автор приходит к следующим выводам. Во-первых, евразийство является попыткой создать новый «Большой нарратив», призванный компенсировать утрату советской идеологии. Во-вторых, никакого единства его новые версии не обнаруживают, но зато отличаются от своего прототипа меньшим интеллектуализмом. В то же время каждая из них пытается отвечать вызову конкретных социально-политических условий. В-третьих, органицистский и партикуляристский подход приводит евразийство к идее авторитаризма, причем неоевразийские концепции утратили социальный оптимизм, свойственный изначальному евразийст-

⁷ Но см.: Шнирельман В.А. Альтернативное евразийство. Доклад на Международной конференции «Между этносом и Евразией: идеи и влияние Л.Н. Гумилева», организованной Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, РАН, Москва, 27 июня 2005 года; *он же*. Евразия или Европа? Динамика образа Евразии в украинской общественной мысли // Снежкова И.А., Остапенко Л.В. (ред.) Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия. М.: РУДН, 2007. С. 8–42; Humphrey C. 'Eurasia', ideology and political imagination in provincial Russia // Hann C.M. (ed.). Postsocialism: ideals, ideologies and practices in Eurasia. New York: Routledge, 2002. P. 258–276.

ву. В-четвертых, неоевразийство является своеобразной модификацией национализма, перерастающего в культурный расизм, в чем обнаруживается очевидное сходство с идеологией европейских новых правых. Но, на мой взгляд, его корни можно усматривать в советском мультикультурализме 1920–1930-х годов. В-пятых, евразийство является политической идеологией, пытающейся выдать себя за науку, взывая к концепциям «культуры», «этнуса», геополитики и пр. Здесь можно было бы добавить, что его целью является выработка особого символического языка, помогающего правящим элитам реализовывать свои планы. В-шестых, похоже, решая некоторые локальные проблемы, неоевразийство в своих вариациях неспособно не только обеспечить реальное единство Евразии, но даже очертить ее границы. Наконец, в-седьмых, неоевразийство служит ответом на глобализацию и направлено на защиту своей реги-

ональной идентичности, прибегая для этого к стратегии культурного фундаментализма.

Любопытно, что все эти выводы относятся в основном к русскому евразийству, тем самым оправдывая название книги. Жаль, что автор не использовала имеющуюся у нее возможность обобщить проанализированные ею данные о нерусских версиях неоевразийства и четко сформулировать причины их различий, их разные послы и задачи. Однако у нее еще будет возможность вернуться к этой интригующей проблеме.

Виктор Шнирельман,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института этнологии
и антропологии РАН,
Former Woodrow Wilson Guest Scholar
(1994),
Former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow (2005–2006)

Вышли из печати

К 15-летию принятия Конституции России Институт права и публичной политики в Москве выпустил книгу Ю. Батурина, посвященную истории создания Конституции РФ 1993 года. Автор описывает малоизвестные детали конституционного процесса в 1990–1993 годах, а также рассматривает философские и теоретико-правовые аспекты конституционализма. Приведем названия разделов книги:

- Конституционные оценки: правовое и нравственное измерения
- Конституция как искусство развязки в классической трагедии
- Конституционализм для России: книга за семью печатями?
- «Юридическое сложение» текстов
- Конституционный арбитраж: опыт рефлексивных решений
- В поисках несуществующей процедуры
- Какое оно – зеркало Конституции?
- Конституция как инсигния и символ правового порядка

Книга отличается широким разнообразием тем и комплексностью методов анализа. Ее жанр определить достаточно трудно (сам автор предпочитает термин «этюды»), поскольку он принадлежит одновременно и науке, и публицистике. Вместе с тем это не научно-популярный рассказ, и местами текст достаточно труден для восприятия гуманитария, хотя даже сложные вещи автору удастся объяснить довольно до-

Батурин Ю.М.

Конституционные этюды.

М.: Институт права и публичной политики, 2008. 114 с. 80 с. илл.

ступно с помощью метафор (см., например, «Конституция как искусство развязки...»). Той же цели служат великолепные цветные иллюстрации.

Почти половину книги занимают копии редких документов из личного архива автора, которые он вводит в научный оборот, иллюстрируя предшествующий аналитический материал.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Former Kennan Institute Research Scholar (1990). В 1993 году был помощником Президента России по правовым вопросам, принимал участие в подготовке Конституции РФ. Член редколлегии и постоянный автор «Вестника Института Кеннана в России».

«Бурятия» и «Соловки» – очередные фотоальбомы известного американского фотографа и профессора славистики У. Брумфилда из серии «Открывая Россию / Discovering Russia», посвященной архитектурному и историческому наследию российских городов. Выпуск серии осуществляется московским издательством «Три квадрата» при поддержке Института Кеннана.

Издания предназначены как для специалистов, так и для людей, интересующихся краеведением, архитектурой и фотографией. Мы надеемся, что благодаря этим двуязычным фотоальбомам жители не только России, но и США

смогут лучше познакомиться с сокровищами российского культурного наследия.

С 2005 года в серии «Открывая Россию / Discovering Russia» вышли в свет: «Тотьма», «Иркутск», «Тобольск», «Соликамск», «Чердынь», «Каргополь», «Чита».

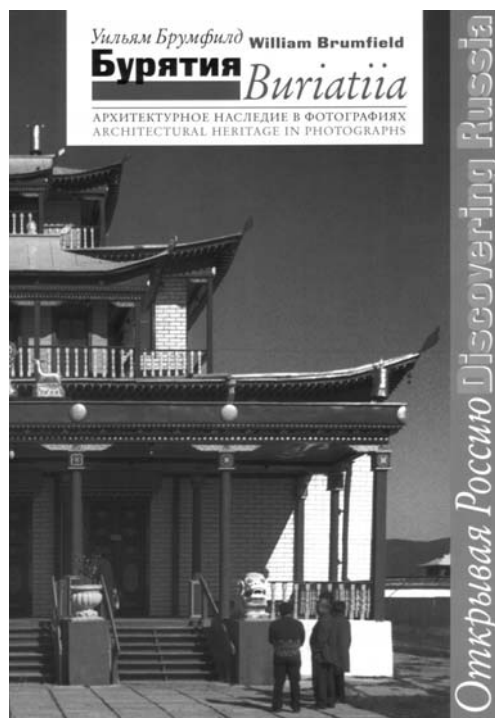
Готовятся к печати: «Суздаль», «Сольвычегодск», «Коломна» и другие.

Издания можно приобрести в книжных магазинах или заказать по адресу:

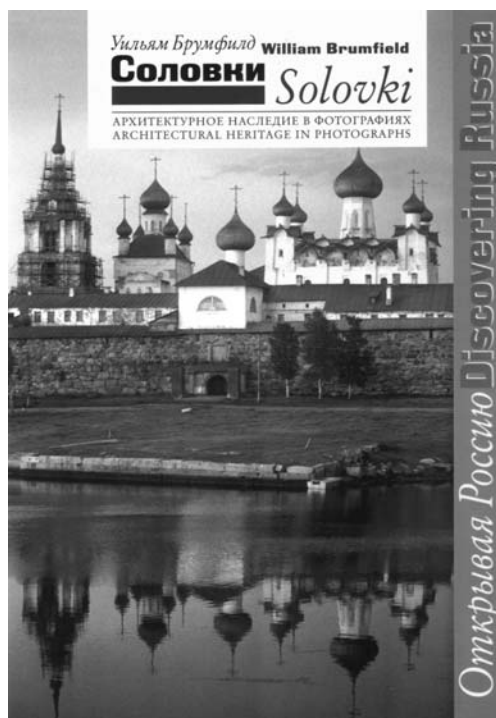
Москва 125319, ул. Усиевича 9, Издательство «Три квадрата»

Тел./факс: (495) 151-1833

Эл. почта: info@triquadrata.ru

Уильям Брумфилд.
Бурятия: архитектурное наследие в фотографиях.
Серия «Открывая Россию», вып. 8.
М.: Три квадрата, 2008. 108 с. 84 илл.

Уильям Брумфилд.
Соловки: архитектурное наследие в фотографиях.
Серия «Открывая Россию», вып. 9.
М.: Три квадрата, 2008. 104 с. 83 илл.

Summaries

Blair A. Ruble

The Challenges of the Twenty-First Century City

According to the author, the present is a moment that poses new questions to consider when thinking about cities. Beyond the obvious issues of infrastructure management, transportation, telecommunications, poverty, health care, and education, custodians of the urban future face unprecedented challenges, both from the sheer number of human beings in many urban centers and from the expansive diversity of those human beings.

How is it possible to promote a true sense of humane civitas in which urban communities great and small can forge a shared and public civic identity that will sustain them and their neighbors in both individual and collective pursuits? And, how is it possible to do so in such a way that provides access to society's wealth and promotes human dignity? Blair A. Ruble believes that such questions have no single answer, though they require a sensibility that can lead to multiple answers. Success depends on dexterity and flexibility and the distinctive political resource of pragmatic pluralism.

Elena Tyuryukanova

Labor Migrants in Moscow: The Second Society

The article contains data on the scale and structure of labor migration in Moscow. The author reviews niches for migrant employment, shadow labor problems, the effectiveness of utilizing the legalization potential of new rules regulating migrant traffic from CIS countries, and the attitude of the population to the new arrivals. The author concludes that if a receiving country excludes migrants from its general population and permits much lower living and working standards for them, this policy supports an ideology of double standards and the image of the «second-rate person» in the public consciousness. At the same time, society also receives certain signals from the ruling powers that express the official attitude towards migrants. Barriers that hinder legalization processes simply provoke illegal migration, marginalization and social exclusion of migrants, thus stimulating anti-migration sentiment. What is needed in Moscow today is a policy of integration and inclusion that will preserve social harmony in the multicultural space of the megalopolis.

Alla Yazkova

Caucasian Echo of a «Five Day War»

The author reveals the negative consequences of the recent (August 2008) Georgian-Russian military conflict, both for the parties directly involved in the conflict, and for other countries located in the Transcaucasian region and beyond. According to the author, the majority of issues connected with the conflict remain on the agenda and the «echo of the five-day war» will continue for a long time to come, making the resolution of many international problems more complicated.

Emil Pain

Georgian-Russian Military Conflict: A Severe Form of Poisoning by Imperial Illusions

Emil Pain considers some myths that accompanied the dramatic events in South Osetia and evaluates the consequences for Russia of recognizing the independence of former Georgian autonomies, given that in Russia itself, relations between the federal center and North Caucasian republics remain far from simple. The author argues that both Russia and Georgia demonstrated different symptoms of one and the same ailment, i.e. a severe form of poisoning by imperial illusions. In Russia this took the form of ambitious claims to the role of regional superpower, one of the centers of a «multi-polar world», whereas in Georgia the forced coexistence of ethnic and territorial communities within the framework of a single state, despite their evident unwillingness, became an *idée fixe*.

Andrei Makarychev*Russia, NATO and the «Colored Revolutions»: Discourse Traps*

The author attempts to evaluate Russia's policy towards the so-called «colored revolution» countries, first and foremost Georgia and Ukraine. These countries have been branded in an extremely negative way in official Kremlin discourse. According to Andrei Makarychev, Russia, preoccupied with creating its own international image, is at a crossroads, its position fraught with numerous contradictions and lacking consistency.

Oleg Rummyantsev*Political Crisis and Constitutional Reforms, January-April, 1993*

Following the romantic enthusiasm of 1990, a critical 1991, and a difficult but productive 1992, 1993 turned out to be a year of political impasse and civil strife for Russia. Its exhausted populace regarded acceptance of the new Constitution of the Russian Federation as the only possible way to avoid political crisis and constitutional collapse. Oleg Rummyantsev, a direct participant in these events, recounts the complex political contradictions that had to be overcome during preparation of the text of the Constitution.

William Pomeranz*Thoughts on the Creation of the Russian Constitution*

As an American raised in a country with 220 years of constitutional government, a historian who has studied pre-revolutionary Russian legal history, a lawyer who has practiced law in Moscow and in Washington, D.C., and, finally, as a professor who teaches Russian law to American students, William Pomeranz stresses the enormous significance for the new Russia of its adoption in 1993 of a democratic Constitution. At the same time, he points out the «traps» that were practically inevitable at that time and that, even today, should be taken into consideration.

Dmitry Pushmin*The Constitutional Criterion in Periodization of Contemporary Russian History*

There are two major criteria in the periodization of contemporary Russian political history: personality-based (depending on a ruling political leader) and constitutional (depending on the fundamental law regulating the political system of a country). The author analyzes the prospects and heuristic merits of the constitutional criterion.

Igor Orlik*The Lessons of George Frost Kennan*

Igor Orlik focuses on the legacy of George F. Kennan, eminent American diplomat, historian, and thinker of the 20th century. Kennan's evaluations of international developments in the second half of the 20th century, his profound thoughts about the nature of foreign policy of such countries as the USA, Russia, and a number of European states, and his reflections about the future of world development are not only of interest to historians. They also serve as timely instruments for understanding the increasingly complex international scene, rife as it is with serious challenges and threats, and for elaborating new principles of 21st century diplomacy.

Nikolai Bolkhovitinov*How «Sovok*» Became a Kennan Institute Alumnus*

A few years ago, Academician Nikolai Bolkhovitinov submitted to our journal his reminiscences about his first visit to the Woodrow Wilson Center. The text was not published at that time. On October 1, 2008 Nikolai Nikolaevich passed away. Today, albeit belatedly, we offer his notes to our readers, thus paying tribute to the memory of this outstanding scholar, whose contribution to the development of Russian-American Studies was enormous and many of whose pupils have, in their turn, visited the Kennan Institute.

* «Sovok» – A term that has been used to describe a person with a Soviet mentality.

ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

*Предполагаемые темы пятнадцатого выпуска «Вестника»
(весна 2009):*

- ***Идеалы прав человека и политическая реальность:
возможен ли компромисс?***
- ***Федерализм и его будущее в России и мире***
- ***Мультикультурализм: проблемы и достижения***
- ***Закончилась ли трансформация российского общества?***

*Редакция будет признательна авторам,
которые пришлют статьи по этой проблематике
до 16 февраля 2009 года.*

По этим темам принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются. Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры: Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. *Шахов М.О.* Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. *Hamilton G.H.* The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; *Brumfield W.C.* Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. *Найман А.* Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку
и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 14 / 2008

Адрес редакции: Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,
ООО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции: 123001, Москва, а/я 90
Тел./факс: (495) 232-34-96 Электронный адрес: kennan@kennan.ru

Сдано в набор ... Подписано в печать... Формат ... Объем ... п.л.
Тираж 750 экз. Печать ... Заказ №

Отпечатано в типографии «Инсайт Полиграфик»
Мичуринский проспект 1, офис 104-Б
Эл. почта: info@insight.ru